

В.А. БЫКОВ

ДНЕВНИКОВЫЕ
ЗАПИСИ

Том 2

18+

Владимир Быков
Дневниковые записи. Том 2

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Быков В. А.

Дневниковые записи. Том 2 / В. А. Быков — «ЛитРес: Самиздат»,
2014

В этой книге - инженерный взгляд на жизнь и ее проблемы, отображенные в рамках анализа их причин и возможных следствий на основе конструкторской практики, где такой анализ возведен в ранг исходных основополагающих принципов, вне которых немислим процесс созидания чего-либо нужного и полезного.

Владимир Быков

Дневниковые записи. Том 2

2005 год

03.01

В конце прошлого года собрался закончить ремонт оставшихся двух комнат, пригласив снова Надю с Володей. Тогда за ремонт большой комнаты и коридора я заплатил Наде (не считая стоимости материалов) 6000 рублей. Прикинул, сколько будет стоить эта работа сегодня. Объем работы процентов на 20 меньше. Не буду мелочиться, оставлю его прежним, прибавлю на инфляцию процентов 15 – 20 и еще столько же на возможно возросшие мастерство и престижность «фирмы». Получилось – 8000 рублей. Приглашаю Надю.

Она называет необходимые для дела материалы, и переходит к вопросу оплаты за труды. Начинает из далека. Все дорого стало, и совсем не в той пропорции, о которой нам говорят. Вот занялись своими зубами – дерут врачи, черт знает сколько. И добавляет... что ремонт сегодня одной такой комнаты оценивается тысяч в восемь.

– Не лишку ли хватили Вы, ведь прошлый раз взяли всего шесть и за все?

– Ну, давайте, – говорит, – подумаем и вернемся к этому вопросу дополнительно.

Накануне ремонта, звоню Наде. Она называет... 15000 рублей.

– Вы, это серьезно? По моим подсчетам, не считая даже несколько меньшего объема работ, с учетом инфляции и учитываемого мною повышения качества Вашей работы (называю ей упомянутые цифры) у меня получается максимум восемь.

– Владимир Александрович, как можно? Вы же знаете, насколько качественно и ответственно мы все делаем. А труд тяжелый и вредный: пыль, грязь.

– Понимаю, но у меня никак не укладывается в голове такая разница в оплате, в два с половиной раза против того, что было всего полгода назад! Я сейчас не готов, у меня нет даже такой возможности, придется, вероятно, отказаться от ваших услуг.

И тут она меня обезоруживает, и выдвигает не проигранный мною аргумент.

– Вы не учитываете еще один момент, что мы первому своему клиенту, каковым Вы тогда для нас являлись, делаем ремонт почти даром, чтобы его привлечь, чтобы показать свою работу, ее высокое качество. В конце концов, в части оплаты, можно сколько-то и в кредит.

Такого ее довода я не ожидал, и, в силу неспособности с ходу его парировать, вынужден был согласиться, попросив ее уменьшить сумму хотя бы до 12000. Она назвала – 14000 рублей.

В ходе разговора Надя долго и в разных вариантах делала упор на качество работы. Настолько подробно и настолько самоуверенно, что, как и должно в таких случаях, Бог посчитал «недостойным» такое бахвальство... и решил ее наказать. А вместе с ней и нас. Я ей тогда не возразил и не предупредил, что проблема качества мне известна по собственному опыту, что она многофакторна, и похвалиться высоким качеством работы надо осторожно, и лучше – после окончания.

Случилось так, что на следующий день после ремонта... обои на стыках во многих местах, т. е. явно не в виде исключения, начали отклеиваться.

Вызвал Надю. Она принесла материалы, и стала устранять брак, по пути рассказывая о возможных причинах его проявления. Некачественной шпатлевке, например, и обо всем возможном другом. Получалось, не проиграли мои мастера известное, понадеялись на наш российский «авось». Как и в конструкторской работе, о которой я только что упоминал в связи с пуском ножниц на Запсибе.

Договорились с Надей встретиться через месяц. Я пока заплатил только 9000 рублей. Интересно, как она поступит с остатком в 5000 из-за не получившегося «высочайшего» качества? Затронет этот вопрос, или придется напоминать самому? Хотелось бы первого. Будь на

ее месте, продействовал только так, и предложил бы сколько-то скинуть за не полное исполнение обещанного и за доставленные переживания заказчику.

17.01

Получил уведомление от В. П. Лукьянина с благодарностью за доставленные ему мои пространные сообщения и обещаниями учесть их при подготовке к публикации материала по «круглому столу».

22.01

«Дорогой Марк! Сначала кратко, и в предварительном порядке. Заказное письмо от 05.01 получил вчера на почте. К сожалению, твое интернетное Новогоднее поздравление, переданное внуком, не дошло из-за измененного мною адреса. Приношу свои извинения.

Так вот в рамках названного, прошу тебя уговорить своего внука оказать любезность, и: во-первых, направить мне контрольное послание по новому адресу; во-вторых, взять на себя труд посредника в нашей переписке с тем, чтобы, получив от вас обоих согласие, я мог послать свой ответ по интернетной почте.

По получении твоего и внука согласия обещаю сочинить подробнейшее послание по всему тобой затронутому.

Мои Новогодние поздравления тебе лично и твоему семейству со всеми самыми сердечными и добрыми пожеланиями».

25.01

«Дорогой Марк! Приступаю к обещанному подробному ответу.

Начинаю опять с восхищенности твоими посланиями, включая последнее на грани фола. С юмором без кавычек, воспринимаемым с долей сомнения в однозначном его адресатом толковании; упорным «уходом» от прямых вопросов, многих реплик и замечаний, требующих вроде какой-то, хотя бы маломальской, на них реакции; уникальной способности «поднимать» все новые и новые проблемы, обещать вернуться к ним, а потом их оставлять и выдвигать новые...

Но именно потому они и нравятся, что заставляют думать, и каталитически активизируют мозговую деятельность. Вот и теперь не мог понять, со смехом или серьезно упоминаешь о своей «уверенности», что все тобой «накопленное (из архива) еще с давних пор» после смерти «будет немедленно выкинуто на свалку». Не оскорбительно ли это для твоих потомков?

Или, вторично, несмотря на тебе известное мое абсолютное неприятие подобного, пишешь о якобы «плохом изложении своих мыслей». Правда, в данном случае несколько смягчаешь сие ссылкой на «мое недостаточно внимательное проникновение в суть (твоей) концепции». Хотя, должен заметить, я не могу признать за собой такой грех, и воспринимаю ее, ссылки, допустимость только как следствия недостатка слова и фразы – их органической неоднозначности. Тем паче, что мое замечание было, в основном, продиктовано обещанием «высказаться по оптимальному уровню «нейромедиаторных выбрасываний», о котором ты забыл. Больше, – в теперешнем письме, используя импонирующий прием, признался в бессилии и полном отсутствии у тебя ответов на вопросы о «измерении ндв». Так что мои «прагматические» соображения по данной «концепции» остаются в силе. И, прости за повтор, больше, – я попытаюсь даже их усилить.

Ты меня критикуешь за неопределенность здравого смысла, «расплывчатость» этого понятия. В моем же понимании здравый смысл – это накопленный опыт, прежде всего, в полезном деле». Здравый смысл позволяет нам разрешать, по крайней мере, хотя бы осознавать и как-то оценивать те из проблем, которые мы пока не в состоянии нормально алгоритмизировать.

Согласись, что в части «потребностей» и твоих «уровней НДС мы имеем тот случай, когда вынуждены руководствоваться осознанием проблемы на основании опыта. Вполне понимаю, тебе хотелось ударить по всем «зарвавшимся потребителям» более весомо, чем по здравому смыслу. Но не дано, и потому твоя «концепция» пребывает пока на уровне постановки задачи. Оригинальной, но лишенной «достаточности» для воздействия на безголовых людишек, руководствующихся одним бытием.

А вот со всем прочим: насчет обязанностей государства, надуманных сенсаций, космических «сюрпризов», адресации к книге «Мальчик» (которую я не преминул открыть, и еще раз убедиться в незаурядности ее автора), рыночной односторонности, другой «негативности» – абсолютно согласен, исключая, разве, наш давний спор относительно преимуществ, недостатков и «пригодностей» прежней и новой соцсистем.

Что думают о последнем уральские интеллектуалы, я не знаю. А вот свои соображения по двум конкретным вопросам, которые были заданы мне организаторами ИДК и которые имеют некоторое отношение к нашему разговору, в рамках прагматической процедуры продвижения в жизнь всего полезного и устранения негодного, прилагаю ниже. В них многое надергано из «Заметок», а потому прошу извинить за повторы тебе известного, правда, тут несколько в другом контексте.

И, наконец, о моем здоровье. Могу успокоить. «Начал, сдавать», тьфу-тьфу, касается больше естественного процесса старения организма, разве лишь чуть-чуть усугубленного прошедшей весной моим падением и весьма ощутимым ушибом плечевого сустава левой руки, о чем тебе не писал.

Теперь о том, что не упоминалось в твоём письме. Ты не прореагировал о необходимости борьбы против неразумного потребления; ни словом не обмолвился о планах выхода на пенсию; не ответил на вопрос о НДС и еще на что-то. О прежних, в этом разрезе, твоих «упущениях» не упоминаю, считая их канувшими в вечность.

Бывай здоров и весел. Привет твоим домочадцам».

02.02

Из переписки с Поляковым.

«Дорогой Борис! На днях зашел ко мне Макаров. Устроили с ним вечер воспоминаний о прежних делах и людях. Перебрали много фамилий, в том числе, поговорили о работах по прессованию, о твоей докторской защите, нашем по ней заключении. Я по случаю вспомнил покойного Стаса Карлинского и его дневник, который мне удалось выпросить у Ольги Владимировны. Поразились тогда пунктуальности, грамотности и аккуратности Стаса даже на последних его страницах, написанных накануне ухода из жизни. Не нашел там ни одной ошибки, ни одной пропущенной запятой. В целом чувствовалось, что писал человек с большой психикой, хотя описания событий и характеристики действующих лиц были близки к действительности, по крайней мере, в значительной степени соответствовали моим о них представлениям. Так вот, повествуя о твоей защите, он отметил ее высокий уровень, тенденциозность нашего заключения, подписанного Орловым (но сочиненного, как он соизволил акцентировать, мною), невразумительность и «корявость» выступления на Совете Макарова. С последним согласен, тем не менее, Макарова я люблю за его знания и способность к теоретическому обоснованию обсуждаемых проблем, и потому прощаю ему порой «кореватое» изложение мыслей, что я связываю с его башкирским происхождением».

Привет и наши добрые тебе пожелания».

На следующий день получаю от Полякова.

«Уважаемый Владимир Александрович, добрый день. Благодарю за «пару строк»», приветы и добрые пожелания. Но я воздерживаюсь от комментариев «воспоминаний», так как

последние сильно бьют по сердцу и тяжелы для меня и моих близких. Относительно Стаса Карлинского. Мы вместе учились в школе и институте и, зная его почти 50 лет, у меня никогда не было сомнений относительно его профессионализма, порядочности и человечности. Вечная ему память. Наилучшие пожелания Вам и вашим близким. Большой Привет и добрые пожелания Макарову».

«Борис, не переживай, и настрой на то близких. Диссертация в некоей степени сродни идеологии, а в последней споры даже у единомышленников в деле. Вспомни, как после нашей досадной размолвки, при случайной встрече, ты сказал (в моем тогдашнем восприятии и теперешней интерпретации), что жизнь сложнее (умнее, хитрее) наших о ней, часто однобоких, представлений».

Попросил у Макарова заключение по упомянутой диссертации. Неужели мы, вопреки быть максимально объективными, написали тогда что-нибудь непотребное? Нет, все корректно, полностью соответствует действительности. Вот, что было там по упомянутой «идеологии» и что не могло быть не отражено в связи с притязаниями на научный вклад.

«Более чем столетняя история блюмингостроения практически с неизменной технологией прокатки и практически постоянным составом оборудования, развивалась по пути инженерного анализа предшествующих аналогов, естественной эксплуатационной отработки новых конструкций и столь же длительного отбора рационального из них. Работал масштабный производственный эксперимент, который не мог не ограничить резко возможность и результативность чисто научных исследований. Наука в данной сфере фактически находилась на протяжении всех лет в позиции подтверждения принимаемых чисто инженерных решений. Так, например, отнюдь не на основании исследований, а на основе инженерного анализа было принято решение о повышении производительности блюмингов с 2 – 3 млн. тонн в год до 5 – 6 млн. Научно обосновывались, а не являлись следствием научных изысканий, решения по периодическому увеличению установочных мощностей приводов, вызываемого ростом производительности станков и требованиями повышения гарантий по их надежности. Обосновывались новые инженерные решения, например, по кольцевой слиткоподаче.

Совершенствование оборудования и технологии являлось прямым следствием инженерного анализа проблем проектантами, конструкторами и персоналом эксплуатации...».

Непонятно, что в этом заключении так возмутило Полякова? Разве мы могли допустить им так открыто пропагандируемую профанацию инженерного труда специалистов, в том числе, и собственного? Да и вообще все в науке того времени, особенно, в нашей области, было подчинено давно не делу, а формализованному до безобразия написанию «диссертабельно онаученных» трудов.

10.02

Как-то упомянул фамилию Солженицына. Теперь, после прочтения его публицистического трехтомника, не могу не сказать еще несколько слов.

Умный, хитрый, безупречно организованный, но сверх устремленный к болезненному эгоцентризму, связанному с его тюремно-лагерным заключением, неприятно всего, что не соответствует текущему видению им мира, его плюсов и минусов. Поначалу коммунизма, нашей соцсистемы, ее большевистского правления, а затем и западной демократии. Именно лагерное прошлое, якобы «позволившее (ему) оценить истинные свои задачи, истинную обстановку, и получить ту закалку, те особенные способности к твердому его стоянию», перевернуло все в больном сознании и, вопреки здравому смыслу, поставило это «все» с ног на голову. Отсюда его утверждения весьма алогичны, непоследовательны, противоречивы, а по сути – являются антитезой действительным представлениям о нашем грешном мире.

«Поразительна история 17-го года – история самопадения февраля. Февраль упал сам. И была не война красных и белых, а народное сопротивление красным...»

Мы потеряли от социалистического строя 110 миллионов человек!...

Наш советский человек привязан к своему месту полицейской пропиской. Местные *власти решают*, имею ли я право уехать из этого места или нет...

Спасение России не может прийти от эмиграции, – а изнутри самой России. Надеюсь, что в следующий раз, в отличие от 1917, судьба страны будет определена теми, кто в ней живет (надо понимать диссидентами), а не теми, кто вернется из эмиграции...

80% соотечественников думали как я и достаточно ясно понимали, что такое советская власть и чего она стоит...

Коммунизм не переродится никогда, он всегда будет являть человечеству смертельную угрозу. Он *враждебен* всякой национальности. Социализм всякий вообще и во всех оттенках ведет к всеобщему уничтожению духовной сущности человека и нивелированию человечества в смерть».

– Это во времена, когда милый Запад, которому он фактически продался, виделся ему миром, где: «Можно жить, где угодно! Ездить за границу! Читать прессу других стран! Делать ксерокопии текстов (!)».

Впрочем, будем милостивы к Солженицыну. В таком же, ограниченном диссидентским воображением, виде Советы и Запад представлялись всем остальным его собратям по борьбе за «свободу».

Посмотрите! Не бунты, не ненависть народа к помещичье-сословному меньшинству, не предшествующий, от ненависти и бессилия, массовый террор против власти, не развратная жизнь царского двора (с умилением описанная Солженицыным в «Август четырнадцатого», но с омерзением воспринимаемая любым здоровым человеком), и не война красных с белыми, как прямое следствие ненависти, а (надо же придумать?) «народное сопротивление красным», хотя и оно имело место, – но не в таком же контексте, как у него.

Уничтожено 110 миллионов людей. Как смотреть, как считать? С не меньшим основанием можно констатировать, что мы ныне от пресловутой демократии потеряли, лишили жизни, крова и родины (а не какого-то там места), сократили рождаемость и продолжительность жизни, сделали несчастными в два раза больше. А ведь «там» было «уничтожено» за 70 лет, и после «кровавой» революции, а здесь, как не крути, всего за 15 – 20 лет, и после «мирного» переворота, никак «по своей сверх «мирности» не сравнимого с «переворотом» 17-го года...

Пришло «спасение России». Точно пришло, и без «насильственной революции», и без «эмиграции», но и не от диссидентов, а от жаждущих власти и богатства, воротил, остатков тех пятиколонииков, что уничтожались в годы Советов. И сделалась власть другой, но с подобными же, по «полезности» для народа, но только обратного знака, результатами, что и прежде. Ибо власть – есть власть, будь она хоть большевистской, хоть трижды демократической. Дело не в солженицынских болезненных видениях, а в народе, его истории, культуре, многофакторной совокупности всего того, что определяют жизнь людей и государств.

Или его 80% «также думающих». При том исходном, когда способных к более или менее самостоятельному мышлению, дай бог, набрать бы с десятков процентов. В числе последних сыскать уже «однодумцев», причем в ничуть не большей части, а скорее всего, – разве лишь в среде его прямых сподвижников. Тогда и совсем нет никаких процентов, а есть одни среди них единицы.

А что стоят его бичевания советской действительности, ее коммунистической ортодоксальности и лживости? По Солженицыну получается, что никто и не жил и не работал в те времена, а только мучились все, и боролись с властью. На самом деле вся остальная публика, занимающаяся созидательным трудом и знающая, уже по жизни, органические недостатки соц-

системы, не уходила от ее критики, но была далека от критикански настроенного диссидентского «движения», и вообще его не воспринимала. Более, она интуитивно чувствовала и понимала, к чему эта западная «свобода» приведет, коснись она нас в ее истинном облики.

Не к тому ли подвинулся и Солженицын, попав на Запад и обнаружив:

Что «там свободная пресса лжет также умело, также хватко, как и советская, и газеты обычно воспроизводят им нужное, вырывают какую-нибудь фразу, нарушают пропорции, а все свободы лишь «юридически безупречны, нравственно же – все порочны».

Что «там принудительно засоряют коммерческим мусором почтовые ящики, глаза, уши, мозги людей; навязывают информацию, не считаясь с правом человека не получать ее, с правом человека на душевный покой; плюют в глаза и души людей рекламой и отравляют молодое поколение растлительной мерзостью; совершают любую коммерческую сделку, сколько бы людей она не обратила в несчастье или предала бы собственную страну; осуществляют легкомысленно то, что нравится избирателю сегодня, а не то, что дальновидно предохраняет его от зла и опасности; возводят право страхования так, что даже милосердие сводится к вымогательству; безответственно скользят по поверхности любого вопроса, спеша сформировать общественное мнение; собирают сплетни для своих интересов, не жалея при этом ни отца родного, ни родного Отечества...».

И еще многое, что мы теперь, в более уродливой форме, получили у себя, вплоть до того, по его разумению, что «ни в одной стране на Земле нет сегодня той свободы одухотворенных человеческих существ, которая состоит не в лакировке между статьями законов, но в добровольном самоограничении и в полном сознании ответственности – как эти свободы задуманы были нашими предками».

И все – высокопарно, в виде звучных, но пустых критиканских лозунгов, в духе собственного самовозвышения, единственно верного своего разумения, а по сути, саморазвенчивания, вне логики, вне истинных причинно-следственных связей.

Не потому ли на Западе Солженицына стали скоро воспринимать как «яркого» представителя «горстки копошащихся инакомыслящих»? А сам он, вдруг осознав, что «режим, которого советские люди не выносят, оказывается преуспевает во всех концах света и выражает какую-то правду», призвал Запад «думать не о том, что произойдет в Советском Союзе, а о том, что произойдет на Западе, и оставить надежду на слияние двух миров, поскольку идущий процесс гораздо страшней и не обещает приятного мирного исхода».

Далее уже совсем тенденциозно ограниченный, но вакханально им преподносимый панегрик в адрес православия. – «Человечество в кризисе, в долгом кризисе, который начался 300 лет тому назад, когда люди отказались от религии, откачнулись от веры в бога и в основу положили прагматическую философию – делать то, что полезно, что выгодно, руководствоваться соображениями расчета, а не нравственности».. Какое-то мракобесие, на уровне средневекового эгоизма, когда общество по «взаимному согласию» разделилось на богатых, умных, хитрых, с одной стороны, и на бедных глупых, всему верящих – с другой.

Естественно, по законам марксистского бытия Солженицын не только видел себя, но и все делал для того, чтобы стать в числе первых. Все приведенное – полное тому подтверждение. Бытие, тюрьма и лагерь, определили его характер. И не будь последних, едва ли он «задумался бы над капризностью истории, над непредвиденностью последствий наших действий», и не исключено, что стал бы другим человеком по жизни. Жизни «недоступной, почти непонятной», которую, глядя однажды в ожидании поезда «на беспечно гуляющих, свободных и хорошо одетых людей», вдруг усмотрел автобиографический герой Костоглотов.

Было, все было! Никогда и ничто в мире не совершалось беспричинно и не строилось одного цвета, и только потому всякий, скатывающийся на позиции однобокого видения, непременно получал результат противоположный ожидаемому, и, тем более, чем претенциознее «ожидаемое» придумывалось и пропагандировалось. Такова «ирония истории». Она,

по Энгельсу (чего только эта братия не написала?!), усмехается над поползновениями людей «сознательно управлять историей, изменять ее течение и, с удивлением, затем обнаруживать сделанное совсем не похожим на задуманное».

Из всего я усмотрел только одно Солженицына верное, но давно известное, «открытие» – «никогда у нас при Советах никакой диктатуры пролетариата не существовало, а была диктатура партии, вернее, диктатура партийной верхушки». Остается сделать такое же и второе, что по «ТВ-Центру» в карауловском «Русском веке» недавно «открыл» ничуть не меньший когда-то антисоветчик и философ А. Зиновьев. Сам его не слышал и цитирую по заметке из Литгазеты. «Сталин, безусловно, главная фигура мировой истории 20-го столетия, он и его время всесторонне оболганы, намеренно опорочены, их значение невероятно принижено». Правда, и тут автор этой заметки С. Громов не преминул отметить «безапелляционность суждений философа и его резкие, крайне нелицеприятные высказывания в адрес общепризнанных авторитетов современности (известных антисталинистов)». А как же иначе?

Человек раб своей сущности, а она есть следствие его природных возможностей и других случайных обстоятельств: эпохи, среды, воспитания. Солженицын – прямое тому подтверждение. Я говорю так о Солженицыне – писателе и публицисте, настырно навязывающим далекую от реалий философию жизни. Боль его, как человека, испытавшего издевательства власти, мне понятна. Хотя и дела последней также объяснимы и, по большому счету, адекватны Солженицына против нее борьбе.

Для большей убедительности хотел бы сослаться еще на Шафаревича, ничуть не меньшего критика страны Советов и защитника Западного мира, но с несравнимо, поскольку он ученый, более взвешенным и более объективным изложением взглядов, хотя и столь же односторонними, к сожалению, по ним выводами.

Вот что он пишет.

«Сложилась парадоксальная ситуация. Россия попала в полное подчинение Западу. Но сам Запад переживает кризис, вероятнее всего, агонию. Запад умирает в буквальном смысле. С громадной скоростью сокращается его население. На протяжении последних 10 лет средний уровень рождаемости в Германии равен 1,3 (меньше, чем в России), в Италии – 1,2; в Испании – 1,07. Наиболее парадоксально положение в США. Общая демографическая ситуация там не так катастрофична. Население, кажется, не сокращается, но состав его в последние годы радикально изменялся за счет иммиграции. В 1990-х годах иммигранты обеспечили весь прирост населения в таких штатах, как Калифорния, Нью-Йорк, Иллинойс, Массачусетс. За 1990-е годы количество жителей США мексиканского происхождения возросло вдвое.

Другой признак упадка связан с экономикой. Капитализм, обеспечивший колоссальную производительную мощь, стал парадоксальным явлением. Идет «коммерциализация хозяйственной жизни». Центр тяжести перемещается с производства на торговые операции. Состояние экономики определяется индексом продажи бумаг на бирже. В сфере биржевых спекуляций вращается в десятки раз больше средств, чем в реальной экономике. Которая приобрела характер наших пирамид. Ее ожидает неизбежное банкротство. Оно бы уже произошло, если бы существующее положение не было выгодно мировому капиталу, особенно г транснациональным компаниям. В спекулятивную экономику вкладывается больше средств, чем в экономику производящую. Капитализм стремится покончить с реальным производством. Картина жизни получается искаженной. В доходы зачисляются даже выигрыши при спекуляциях на бирже.

Западные страны теряют свое национальное лицо, свою «идентичность». Для западноевропейского человека нечего ожидать великой живописи или музыки. Литература западной цивилизации осталась в прошлом. В XX веке уже не возникали философские системы Канта или Гегеля. И даже система материалистического, естественнонаучного описания мира, величайшее по красоте и широте замысла творение западной цивилизации тоже кончается. То, что

происходило во второй половине XX века, является реализацией высказанных ранее идей. А ведь именно культурными достижениями западная цивилизация стала привлекательной для представителей других цивилизаций. Теперь это блистательное развитие уже позади. Одни крылатые ракеты, атомные бомбы и счета в швейцарских банках не заменят эту притягательную сторону западной цивилизации.

Наконец, имеет место потеря традиционных ценностей, стремление к максимальному комфорту, то есть к «жизни для себя», раскол общества на верхний правящий слой и остальную часть народа, живущих разными взглядами и жизненными ценностями. Идеология правящего слоя Запада, «золотых воротничков», прямо противоположна идеологии большинства народа. А это значит, что потеряла смысл созданная там за последние столетия демократическая система. Она не отражает воли большинства. При ее посредстве осуществляет волю слой «золотых воротничков. Грядет неслыханная революция, которая потрясет все стороны жизни. Время Запада на исходе. Его смерть предопределена обстоятельствами. Все те страшные признаки, свойственные России, встречаются во всем западном мире. Западная цивилизация не имеет, собственно говоря, никакой другой духовной основы, кроме силы и стремления к власти, причем в гораздо более широком диапазоне, чем какая-либо ранее существовавшая цивилизация, и не только в отношении к народу, но ко всей природе. Ближайшее будущее мира будет определяться надвигающимся концом западной цивилизации».

Своеобразный гимн Советам! Изумительно!... Но, резюмирует он неожиданно, основываясь на болезненной увлеченности христианством, – «русская цивилизация может предложить человечеству древнюю культуру, идеал которой не двигать куда-то мир, а сосуществовать с ним, не в беге времени, а в идее вечности».

Нет, человек точно раб своей одержимости!

Откуда у этих двух, и других сегодня пишущих, вдруг появилась такое тяготение к религии и церкви, к спасению России через приобщение народа к прежней христианской вере? Но, как же тогда, этот религиозный российский народ, который пребывал в таковой вере целое тысячелетие, «допустил (по В. Карпову) физическое истребление за один год Советской власти 320 тысяч священнослужителей?». Что это? – Результат одного, беспричинного, происка большевиков, их призыва к разгрому церкви? А куда тогда девалась предшествующая многовековая (никак не менее действенная и, не в пример церковной пропаганде, более обоснованная и более доказательная) критика богословия со стороны умнейших людей мира? Наконец, разве большевики не построили свою систему по образцу и подобию церковной системы? Или, может, они превзошли церковь в нравственном, идеологическом и физическом насилии? Нет, безусловно, ибо обе системы были основаны на единой, для каждой из них, всеобщей для всех, идеологии. Единственное, чем они отличались, так это в том, что вместо пропагандируемого церковью далекого рая небесного, большевики, по глупости, наобещали своей «пастве», близкий рай земной.

Не говорю здесь о личной вере человека в нечто ему святое и прочее. Речь идет только о чисто церковной системе, придуманной для более «успешной» эксплуатации «умным» меньшинством «глупого» большинства.

У Лескова есть превосходный рассказ на тему человеческой увлеченности. Герой рассказа Гуго Пекторалис «очень хороший, – конечно не гениальный, но опытный, сведуший и искусный инженер», по Лескову, оказался с ранних лет одержим воспитанием в себе «железной воли», которую он «занимался, как другие занимаются гимнастикой для развития силы, и занимался ею систематически и неотступно. Эта увлеченность, направленная на обязательную реализацию любого принятого им решения, вне учета внешних обстоятельств, вне обратных связей, сделавшая его безрассудно самонадеянным, привела к ожидаемому концу. Сначала он полностью разорился из-за дурацкого спора со своим соседом, а затем на его же, соседа, помин-

ках, в силу несусветного упрямства, в соревновательном споре – кто больше съест блинов, он Гуго или отец Флафиан, – не имея на то никаких оснований, объелся последними... и помер.

Не кажется ли, что критикуемые мною гуманитарии, не столь может гротесково, но сверх тенденциозно что-то рекламирующие, напоминают нам незадачливого Гуго?

А вот еще один, но совсем другой разновидности, «диссидент» – Юрий Трифонов, – о котором с величайшей любовью написал как-то Е. Н. Бич, и в порыве восхищения скатился в ту же крайность, что и его литературный кумир.

Оба отвергали «социальную нетерпимость», считали ее «фанатизмом, безумным заблуждением, безмерным ослеплением». Рассматривая нетерпимость на уровне следствий происходящего, а не их причин, они впали в крайность и стали пропагандировать «бесценность и удивительность» человеческой жизни вне социальных катаклизмов. А в тогдашнем социуме узрели одну «выспреннюю, лживую фанфарность», подорвать которую можно было, как писал Бич, только «тихим (трифоновским) повествованием».

Пописал, попризывал и установил..., что человечество устало от «неистовств», его больше «не тянет на баррикады», ему хочется спокойно «посидеть на веранде и попить чайку».

А тут тебе, раз! Снова то же... – по величине возмущения, по воздействию на человечество. Но только с другой стороны и другого знака. Там – ни свободы, ни товару, а тут – и свобода и товар, но при нагло-показной, мгновенно-гигантской разделенности общества на богатых и бедных, со всеми давно известными ее мерзостными атрибутами.

И потому вновь, вопреки Трифонову и Бичу, идет «подготовка» народа к очередной «нетерпимости и безумному заблуждению». И опять – на основе тех же исходных причин (а именно – издевательства меньшинства над большинством), продиктованных законами природы и неизменных, в части поведенческих устремлений человека, на протяжении всей земной истории.

Или может по их разумению во избежание недостойных «следствий» надлежит народу, дозволив над собой очередное издевательство, попивать чаек в теперешней обстановке – ничуть не меньшей негативности и не менее «выспренной лживой фанфарности», чем в «преступном» тоталитарном соцсоциуме?

А ведь не на пустом поле появились диссиденты

Достаточно вспомнить несусветного критикана предшествующего столетия Герцена.

Это он в пылу полемического задора написал многотомный труд на основе, я бы сказал, столь же болезненных представлений о жизни. Жизни, известно, многообразной, из которой он так же выхватывал негативного вида частность и на базе ее учинял убийственную критику нечто уже, якобы, общего, свойственного той или иной эпохе. Причем все это расписывал с бесчисленными повторениями, каждый раз в орнаменте звонких словосочетаний.

Критика всего, что случайно попало в поле внимания озлобленного автора, с надоедливым многословием – вот в чем одно время состояло писательское кредо Герцена.

Начну с известных статей о «Дилетантизме в науке».

Открывает он их простой мыслью, что человек живет среди «старых и новых убеждений». Но, по Герцену, не просто живет, а, оказывается, живет (вот ведь какое открытие!) «на рубеже двух миров в условиях особой тягости, затруднительности», когда «старые убеждения потрясены», а «новые и великие, не успели еще принести плода», и потому «множество людей осталось без прошедших убеждений и без настоящих», другие же, видимо, тоже из некоего множества, «спутали долю того и другого и погрузились в печальные сумерки». При этом «люди предавались суете, люди страдали... искали примирения». И, почему-то, уже совсем не воспринимая, «всеобщее примирение в сфере мышления (вдруг) провозгласилось миру наукой», а «жаждавшие примирения раздвоились»... Одни в не верящих в науку, другие, напо-

тив, в примирившихся с ней, но в поисках «ответа всему каким-то незаконным процессом, усваивая букву науки и не касаясь до живого его ума».

Известно, что в «мире науки» есть дилетанты и ученые и среди первых есть по настоящему эрудированные и полезные обществу люди и никому не нужные пустые краснобаи, а среди вторых – гении, таланты и рядовые исполнители, Но все – для дела и всё в мире нужно для его нормального существования.

По Герцену же дилетанты – «люди, попавшие в промежуток между естественною простотою масс и разумною простотою науки друзья науки, но неприятели современному состоянию ее; это нежные мечтательные души, жаждущие осуществления своих несбыточных фантазий, которых не находят в науке, и потому отворачиваются от нее и бесплодно выдыхаются в какую-то туманную даль»,

А ученые, в свою очередь, это «чиновники, служащие идее, это бюрократия науки, ее писцы, каста, которая хочет удержать свет, окружает науку лесом схоластики, варварской терминологии, тяжелым и отталкивающим языком»; это люди, что «утратили широкий взгляд и сделались ремесленниками, оставаясь при мысли, что они пророки»; это «решительные и отчаянные специалисты и схоласты, повара карпов и форелей, составляющих массу ученой касты, в которой творятся всякого рода лексиконы, таблицы, наблюдения и все то, что требует долготерпения и душе мертво».

Бесмыслица и никакого соответствия действительности и здравому смыслу.

Правда, далее он делает реверанс, и, относя события к прежней истории, признает, что «тогда ученые были своевременны, тогда в аудиториях обсуживались величайшие вопросы того века, круг занятий их был пространен, и ученые озарялись первыми восходящими лучами разума...».

Но чему верить? Первому его, или второму?

А вот что, в том же болезненном настрое, пишет он об императоре Николае.

«Пока мы оставались в тоске и тяжелом раздумье, не зная, как выйти, куда идти, Николай шел себе с тупым, стихийным упорством, затапливая все нивы и все всходы. Знаток дела, он начал воевать с детьми, он понял, что в ребяческом возрасте надобно вытраивать все человеческое, чтоб сделать верноподданных по образцу и подобию своему... Отраженный в каждом инспекторе, директоре, ректоре, дядьке, – стоял Николай перед мальчиками в школе, на улице, в церкви, даже до некоторой степени в родительском доме, стоял и смотрел оловянными глазами без любви. И душа ребенка ныла, сохла и боялась, не заметят ли глаза какой-нибудь росток свободной мысли, какое-нибудь человеческое чувство».

Все убито, все «затоплено», по Герцену, Николаем, будто не было при нем ни Лермонтова, Гоголя и Грибоедова, ни Белинского, Добролюбова и Салтыкова-Щедрина, ни самого бунтаря Герцена, и не носился император с Пушкиным, как отец родной, не велась при нем подготовка к освобождению крестьян от крепостного права.

И рядом с таковой тенденциозностью исключительно верные констатации, когда он отказался от диссидентского «инакомыслия».

Например, импонирующее мне высказывание о религиях, которые «все основывали нравственность на покорности и были всегда вреднее политического устройства, где было насилие; здесь же – разврат воли, признание бесконечного достоинства лица, как будто для того, чтоб еще торжественнее погубить его перед искуплением, церковью, отцом небесным».

Или, вдруг, о себе, своем понимании течения жизни, со стороны умудренного опытом человека, без порочного максимализма.

«Жизнь взяла свое, и вместо отчаяния, вместо желания гибели я теперь хочу жить; я не хочу больше признавать себя в такой зависимости от мира, не хочу оставаться на всю жизнь у изголовья умирающего плакальщиком...»

Нравственная независимость человека – такая же непреложная истина и действительность, как его зависимость от среды; с тою лишь разницей, что она с ней в обратном отношении: больше сознания – больше самобытности; меньше – теснее связь с средою.

Может, я увлекся и, мучительно изучая ужасы, потерял способность видеть светлое?

Надо бы людям захотеть вместо мира спасать себя; вместо освобождения человечества, себя освобождать, – как много бы они сделали для спасения мира и освобождения человека...

Народное сознание представляет естественное произведение разных усилий, попыток, событий, удач и неудач людского сожития – его надо принимать за факт и бороться со всем бессознательным, изучая его, овладевая им и направляя его же средства сообразно нашей цели...

Новый порядок должен являться не только мечом рубящим, но и силой хранительной. Нанося удар по старому миру, он не только должен спасти все, что в нем достойно спасения, но и оставить все не мешающее. И кто не скажет, без вопиющей несправедливости, что в былом и отходящем не было много прекрасного и что оно должно погибнуть вместе со старым кораблем...».

Я не говорю здесь о всем разумно критическом, о его описании мерзостной жизни тогдашней помещичье-крепостнической России, которую современные демократы, эпигоны наших бывших диссидентов, односторонне преподносят сейчас чуть не как земной рай, призывая к единению и сотрудничеству народ, отделенный фактически друг от друга непреодолимой высоты забором нравственной и экономической несовместимости.

Так что Солженицыну и многим с ним далеко до Герцена. От него они взяли только критиканскую составляющую в самом худшем ее варианте, и ничего из разумного, в том числе, из его отношения к ныне захлестнувшему страну христианству.

14.02

Вчера был у Бориса Сомова. Начали разговор с закона по «монетизации льгот», о безголовости власти, заблудившейся среди трех сосен, о ее неспособности прогнозировать события, очевидные для подавляющего числа самых последних обывателей. Главный ее результат: государством истрачена куча денег, и одновременно..., по крайней мере, на этот год, сохранены фактически все основные наиболее затратные льготы в натуральном виде. Причем до сих пор непонятно, как и когда процесс их «монетизации» закончится и каким образом власть будет из него выбираться.

Затем перешли на более близкие бытовые темы. Перебрали кучу знакомых. Вспомнили среди них о покойном хирурге Берестецком, его второй жене, которая по возрасту оказалась моложе дочери. Борис в связи с этим рассказал мне о последней истории. Лиля, так ее звать, каким-то образом вышла на бывшего нашего работника Пащенко, который в дальнейшем перебрался в Москву, работал в Госплане, а последнее время в качестве советника Генерального директора одного из институтов. Ездил к нему в Москву, возвратилась радостная, что нашла достойного избранника: видного, интеллигентного и богатого,. Ожидала скорого его приезда сюда. И вдруг... получила сообщение: Пащенко скоропостижно скончался.

– Подожди, подожди, – говорю я, – он же сюда приезжал в третьем году по поводу 70-летнего юбилея завода, и не тогда ли встретился с твоей Лилей, о которой не мог не знать, или не слышать, в годы работы на заводе. И вообще, тут некая получается интригующая накладка. Я с ним тогда виделся на банкете, состоявшемся в Филармонии. Мы, помню, мило поболтали, он вручил мне свою визитку, а я, из-за отсутствия таковой, пообещал послать свои данные по интернетной почте. Что тогда же и сделал, даже дважды, но ответа не получил. Когда он умер? Не сразу ли после приезда в Москву была у него Лилия, а потом по договоренности с ним ждала его к себе? Не в таком ли состоянии ожидания предстоящей встречи пребывал и сам Пащенко? Но в таком случае ему точно было не до моих сообщений, он просто элементарно мог забыть о них. Опять мир тесен.

Галя как раз была в гостях у Лили. Вероятно, и разговор-то наш с Сомовым о Берестецком возник по ассоциации с ответом на мой вопрос: где его хозяйка? На следующий день я позвонил ей, и узнал, что примерно так все и произошло. Пащенко скончался, по ее словам, действительно осенью 2003 года.

Мне он нравился своей импозантностью, наглаженностью штанов и начищенностью штиблет, исключительной вежливостью и прочими чисто поведенческими атрибутами. В этом он во многом был похож на Б. Г. Павлова. По работе я его не знал, и кроме последней встречи виделся с ним раза два – три в Госплане, где он занимал небольшой, но начальнический пост.

15.02

По своему правилу несколько слов о Борисе Степановиче Сомове. Сегодня из всех близко знакомых мне сверстников Борис, пожалуй, единственный, сохранивший свой прежний жизненный потенциал. Он постоянно чем-то занят, увлечен. У него масса знакомых, причем периодически пополняемых из среды молодых. Его трудно застать дома, а в ответ на приглашение о встрече можно услышать, что занят, у него такая, к сожалению, уже с кем-либо намечена.

За свою жизнь, чем только он не занимался. Яхтами и парусами; кролиководством и постройкой особо приспособленных для того клеток; морской рыбалкой и разведением рыбы в садоводческом водоеме; сверх выдержанной колбасой и образцово поставленным самогонварением, гидроаппаратами высокого давления, в том числе гидростатом на давление до 3000 атм, установкой для мобильной, с программным управлением, вырубки (вырезки) струей высокого давления фигурных уплотнительных прокладок из различных материалов... Вечно помогал кому-либо (или просил помочь) чего-то построить, причем всегда нестандартным способом из таким же образом добытых материалов, например, снаряжных ящиков, приобретенных по дешевке на местном полигоне. Содействовал организации различных минифирм, из которых он быстро выходил, и затем использовал только с одной корыстной целью – быть приглашенным иногда на какой-нибудь банкетик или застолье.

В 70-ые годы, услышав случайно от меня о нашей с Олегом Соколовским идее по пресованию двутавровых заготовок из непрерывно-литых слябов для прокатки из них широкополочных балок, тут же загорелся, и немедленно занялся ее реализацией на профессиональном уровне. Быстро спроектировал приспособление, используя свои связи и знакомства, организовал его срочное изготовление, установку в цехе, и пресование однитавровых заготовок, которые затем были сварены попарно в двутавровые и отправлены в Нижний Тагил. Через месяц мы с Сомовым, по договоренности с начальником рельсобалочного цеха, стояли на пульте управления и, к величайшему удовольствию Бориса, наблюдали прокатку из них 20-ти метровых двутавровых балок. Я, в свою очередь, получил возможность утвердиться дополнительно в его бзиковой одержимости.

Даже теперь, уже в преклонном возрасте, он мало изменился.

– Борис, где пропадал?

– Не спрашивай. Случайно побывал в Финляндии.

– Как, зачем?

– Был в командировке от одной фирмы, использовал старые связи.

– Ну, а куда нынче ездил?

– На юг, содействовал на парусных соревнованиях.

И так на протяжении 15-ти пенсионных лет. То он у сына в Анапе помогает строить дом, то в поездке в качестве сопровождающего с современным дельцом, для придания ему, как говорит Борис, надлежащего интеллектуально-инженерного антуража, то в Москве или в Питере у старых приятелей или знакомых, не зайти к которым он не может, а недавно, как только случилась соответствующая оказия, стал для того ежегодно использовать бесплатные

одноразовые авиаполеты «туда и обратно», из которых пока не пропустил ни одного, ему положенного.

Я узнал о существовании этого мужика с момента появления на нашем заводе в начале 50-ых годов и женитьбы на Гале Беловой, близкой, еще по школе, подружкой моей жены. Много лет мы с Борисом, несмотря на житие в одном доме, чуть не каждодневное общение, даже отдельные встречи на семейных вечеринках, в дружеских отношениях не состояли и особых симпатий друг к другу не испытывали.

Но вот случай. В начале 70, в один из прекрасных июньских дней мы с Галей зашли в ее родительский дом навестить маму, а после, выйдя из подъезда, услышали сверху: «Быковы...». Поднимаем головы – на балконе 3-го этажа улыбающиеся Сомовы. Перекинулись несколькими словами, спрашивают: «Куда двигаемся?». И, в ответ на наше, не очень определенное, приглашают к себе. Выражаем признательность, и поднимаемся к ним. На столе, будто хозяйева заранее готовились к приему, белоснежная скатерть, отличная сервировка, бутылка коньяка, закуска... Живой интересный разговор... И необычайная взаимная удовлетворенность. Мы тут же по ходу беседы договариваемся о совместной поездке куда-нибудь в следующую субботу. Начиная с которой, у нас устанавливаются не только приятельские, но и доверительные отношения. Особо в 70 – 80-е годы, когда были относительно молоды и полны сил.

Борис абсолютно нестандартная личность, наделенная от природы незаурядными способностями. У него изобретательный ум и разнообразнейшее поле его приложения, вплоть до увлечения живописью, затверженного несколькими талантливо сделанными копиями картин известных мастеров. Изумительная, до сего времени, память, сохранившая массу, до мелочей, интересных событий, житейских и прочих историй, о которых он любит и умеет отлично рассказывать.

Привлекательный во всех, вроде, отношениях человек. Но... из породы кошек, признающих только то, что желается и хочется в данный момент им. Кошке это люди привыкли прощать. Человеку – нет, или с большим трудом. Я исключение, ибо для меня главное плюсы человека, а не его минусы.

А потому – один из рассказов Сомова в собственной его записи, максимально приближенной к устной речи.

«Надо было сдать мне кандидатский минимум по философии... Такая наука, что ужас! Как это сделать, когда не посещал даже обязательные политзанятия?»

Группа соискателей была скомплектована из ведущих инженеров типа руководителей конструкторских групп и бюро и так называемых командиров производства – начальников цехов и т. д.

Для подготовки их к экзамену на завод приезжал преподаватель университета – философ. Выхода нет, – чтобы «натаскаться» придется ходить, записывать лекции и выбирать какие-то точки, вокруг которых можно будет что-то учинить боле или менее связанное. Первая попытка посещения лекции окончилась кривой линией на тетради: уснул через 15 минут. Но запомнил один эпизод. Преподаватель сослался на какой-то авторитет, вроде, на Плеханова, с не очень лестной для последнего характеристикой. Один из соискателей (а это был я, чем удивил Сомова и позволил сохранить в памяти тот случай) заявил, что насколько он знает Плеханова, тот такой глупости сказать не мог. Растерявшийся педагог спросил: «А вы читали Плеханова?». На что получил в ответ: «Кон

ечно, нет». Дошло или нет до бедного педагога, что взрослые производственники далеко не студенты, но то, что он был повергнут в шок – факт. Больше он у нас не появился, пришлось нас учить дальше другому, более осторожному.

Покончив с лекциями, стал я раскидывать мозгами, как сдать этот дурацкий предмет. С иностранным я разделался вполне честно, т. к. за время полугодичной командировки в ГДР приемщиком оборудования получил минимум нужных по нему знаний, даже лишку. Спец-

предмет одолел в ресторане «Большой Урал». С необходимым объемом выпивки, достаточным для советского ученого, справился блестяще. Правда, судьи-то, кто были? – Те, что приезжали и будут приезжать к нам за отзывами на собственные диссертации.

Однако, что же делать с философией? И тут меня осенило!

Нам все время твердили, что, не зная марксистско-ленинской философии, нельзя создавать лучшие в мире машины. Но ведь всеми признано, что мы их создаем, а следовательно, и владеем названной философией. Надо лишь дождаться экзамена и блеснуть знаниями.

Наступил памятный день. Перед отъездом в университет шеф спросил:

– Ты хоть что-нибудь из философии знаешь?

– Знаю. Маркс взял у Гегеля зерно, а шелуху отбросил.

– Ну, тогда все, – сдашь.

Процесс сдачи. Экзаменатор продиктовал по паре вопросов, и деликатно удалился на полчаса. Мы зашелестели книгами, конспектами и мозгами. Из светлых мыслей пришла на ум одна – я должен сдавать первым, и убить тем самым сразу двух зайцев. Во-первых, не оказаться на фоне тех, которые что-то вызубрили, а во-вторых, во всю использовать должностное положение ведущего конструктора завода, которому, чтоб не нарваться, уж никак нельзя поставить двойку. Иначе скандал, почти политический.

Вопросы мне попались – прелесть: один про оценку философии Гегеля марксистами, т. е. про то, что я знал, а другой о колхозах. Придумывать особенно было нечего: я был вооружен одним кратким словарем Афанасьева, из которого сумел списать лишь несколько афоризмов о истине и сознании. Но они были демагогически так запутаны, что при попытке отвечать у меня все оказалось невпопад. Но преподаватель вопрос знал, и отвечал правильно, так что мне оставалось только ему поддакивать. Сижу, значит, я напротив экзаменатора и не могу не видеть, насколько ему со мной тяжело. А потому решаю отвлечь, и рассказать, как я, будучи в Калининграде на парусных соревнованиях, посетил могилу Канта и как заботливо она охраняется законом. Сей, вовремя вставленной репликой, я его добил, и получил по данному вопросу четверку.

В ответе о колхозах я запутался так же, но спокойствие меня и тут не покинуло. Не я один запутался, вся партия запуталась и развалила все сельское хозяйство. Поморщившись и поставив три, преподаватель заявил, что вынужден задать дополнительный вопрос (несчастный, он не подумал, что может всыпаться, ведь вся аудитория следила за «битвой гигантов»). Вопрос касался стран новой демократии. Увы, я о таких не слышал, и переспросил: «Не страны ли это народной демократии, т. е. наши сателлиты: Болгария, Венгрия и другие». Он ответил: «Нет, – Египет». А я успел добавить: «Индонезия», и попал. Надо было видеть это освобождение от возложенного на него непомерного груза ответственности. Пытка кончилась. И он с облегчением вывел общую прочную тройку.

А я вспомнил анекдот. На политзанятиях преподаватель спрашивает:

– Чем торгует с нами Цейлон? – Слушатель задумался.

– Что вы пьете по утрам? – подсказывают ему.

– Вот, не знал, что Цейлон нам продает огуречный рассол.

После «пресс-конференции», проведенной в своем КБ об успешной сдаче экзаменов, под общий хохот коллектива, я был увенчан венком из туи, росшей на окне.

Да простят меня преподаватели – мы все были жертвами соцсистемы.

И мне вспомнился еще один, ходивший в то время, анекдот.

– Чем отличается мат от диамата и в чем их сходство?

– Тем, что мат знает каждый, но делает вид, что не знает. А диамат, наоборот, никто не знает, но делает вид, что знает. Сходство же в том, что и тот и другой – является мощным оружием в руках пролетариата».

Не могу не отметить, что в устной передаче самим Сомовым подобного жанра байки, воспринимались со значительно большим интересом и вниманием, чем от прочтения данного повествования в моем представлении.

23.02

«Дорогой Матус! На твое от 08.02, вопреки своим правилам, отвечаю с некоторым опозданием. Начну, как и ты, с отдельных по нему реплик.

Теперьшнее широчайшее использование ЭВМ никакой связи со всеми прежними старых времен подготовительными работами не имеет и, ты должен знать, не должна была иметь. То были пустые прожектерские попытки. Тогда мне, как Заму, приходилось участвовать в разных совещаниях у руководства НИИ. Помню, постоянно обращал внимание и призывал остепениться всех витающих на небесах с программами автоматизации проектных работ на компьютерах с их тогдашними сверх ограниченными возможностями, прежде всего, по оперативной памяти. Дайте, говорил, нам компьютер с памятью в сотню мегабайт и поставьте его на стол конструктора и не надо никаких ваших прожектов. Так все и произошло – десяток лет шли одни разговоры. Теперьшней, компьютеризации мы обязаны создателям мощной малогабаритной техники, универсального программного обеспечения, массовости и относительной их дешевизне. В этой части меня особо покоряют программы и возможности техники в области объемного проектирования, например, кузовов автомобилей с многочисленными стыками отдельных элементов, исполненных с непредставляемой точностью. Да и у нас сейчас стоят уже персоналки, чуть не комбайны, с оперативной памятью в тысячу мегабайт. Не захочешь, начнешь использовать.

По проблеме терроризма считаю, что мы пришли к общему знаменателю. Исключая желание внести одно уточнение в понимание, что надо иметь в виду под словами «качественное отличие». Я согласен с марксистской формулой о возможности перехода количества в качество, но как-то считал всегда, что он происходит только тогда, когда «количество» забирается на несколько порядков более высокие этажи. Когда появляется как бы уже совсем иная картина. В современном терроризме я этого не усматриваю, не воспринимаю и твои по нему разъяснения.

Да отдельные личности или группы людей шли и раньше на верную смерть, и не только «вынужденно», но и «ради идеи, ради спасения других» – как ты сам пишешь. Не в столь, может быть, «массовом» числе, как ныне, но и не в столь малом (если принять еще во внимание «заметно» меньшее количество тогда на Земле живших), чтобы можно было отнести такое движение к явлению нового качества.

Как был терроризм связан с самопожертвованием, так им и остался. Остались прежними даже, характеризующие это явление, термины. И твое «биологически всё живое, до последнего момента борющееся за жизнь» таковому моему пониманию отнюдь не противоречит, поскольку и у «биологического» наступает момент, когда приходится расправляться с противником ценой собственной жизни. Причем, не в исключительных случаях, а предусмотренных самой природой. Я уж не говорю об известных впечатляющих актах продления потомства. Так что самосохранение жизни – никакой не феномен. И массовое самоубийство – вовсе ни «нечто новое». Впрочем, ты далее и сам утверждаешь практически то же, что «можно (надо понимать в природе) найти и такие примеры». Нет, никак не усматриваю тут что-то качественно новое. Стандартная, понятная и абсолютно объяснимая, базирующаяся на законах природы, норма поведения живого. В данном случае, – протеста обездоленных против насилия со стороны богатых и властных на определенном этапе борьбы.

В качестве дополнения, и для контрастности, могу сослаться на пример с компьютеризацией (современной и той, с которой ты начинал ее внедрение) – пример, где как раз имел место переход количества в качество. Здесь, несмотря на одни и те же ее общие исходные принципы

и структуру, мы явно ощущаем качественно иную картину, когда в исключительно краткий временной интервал применение компьютеров (по разнообразию сфер и физическим объемам их использования) увеличилось, именно, на несколько порядков.

О ножницах. Некоторые уточнения. Ножницы, о которых шла речь, – вторые. Их рабочим проектированием, так случилось, занимался Андрей. «Отрицательное перекрытие» состоит в том, что режущая кромка нижнего ножа в начале резания находится с некоторым перекрытием относительно таковой верхнего ножа, в результате чего при вертикальном движении нижнего ножа одновременно происходит и поперечное его перемещение в сторону режущей кромки верхнего ножа, так что рез происходит с некоторой, допустимой стандартом, косиной – по линии наименьшего сопротивления металла к сдвигу. Такая вот задумка – резать косо! Родилась она случайно, в силу того, что экспериментальная конструкция ножниц позволяла просто такое смещение ножей выполнить и его ощутить. Но обратил внимание на практическое значение такого исходного смещения ножей (и обосновал его теоретически) Макаров. Тогда же его соображения были подтверждены и экспериментально, а сейчас мы ждем соответствующих эксплуатационных подтверждений. Доволен я и собственно конструкцией ножниц: особо импонирующей мне чистотой силовой схемы, их малодетальностью и простотой.

И, наконец, по интересующей тебя инжиниринговой фирме, хотя, мне кажется, все ясно из информации, приведенной ранее, в предыдущем письме.

Чисто конструкторская организация, с полной финансовой самостоятельностью, отпущенная в свободное плавание ее владельцем, для получения желаемой прибыли. Фирма заключает контракт на весь требуемый заказчиком объем работ, сама находит изготовителя и всех прочих контрагентов, и рассчитывается с последними из средств по контракту. В этом ее принципиальное отличие от достаточно безответственной, в финансовом плане, системы «в нашу бытность».

Технологов у нее нет, они у изготовителей. Для того, чтобы конструкции были технологичными, а, следовательно, и более дешевыми, придется каким-то образом поддерживать оперативную связь с ними, по крайней мере, знать их интересы и возможности. Вероятно, не трудно будет это в дальнейшем организовать, сейчас пока работа делается на базе прежних знаний конструкторов и их опыта.

Экспериментальный цех, к твоему «кстати», кажется, закончил свое существование.

Для большей убедительности хотел бы в заключение сослаться еще на Шафаревича, ничуть не меньшего критика страны Советов и защитника Западного мира, но с несравнимо, поскольку он ученый, более взвешенным и более объективным изложением взглядов, хотя и столь же односторонними, к сожалению, по ним выводами.

Вот что он пишет сейчас.

«Сложилась парадоксальная ситуация. Россия попала в полное подчинение Западу. Но сам Запад переживает кризис, вероятнее всего, агонию. Запад умирает в буквальном смысле. С громадной скоростью сокращается его население. На протяжении последних 10 лет средний уровень рождаемости в Германии равен 1,3 (меньше, чем в России), в Италии – 1,2; в Испании – 1,07. Наиболее парадоксально положение в США. Общая демографическая ситуация там не так катастрофична. Население, кажется, не сокращается, но состав его в последние годы радикально изменялся за счет иммиграции. В 1990-х годах иммигранты обеспечили весь прирост населения в таких штатах, как Калифорния, Нью-Йорк, Иллинойс, Массачусетс. За 1990-е годы количество жителей США мексиканского происхождения возросло вдвое.

Другой признак упадка связан с экономикой. Капитализм, обеспечивший колоссальную производительную мощь, стал парадоксальным явлением. Идет «коммерциализация хозяйственной жизни». Центр тяжести перемещается с производства на торговые операции. Состояние экономики определяется индексом продажи бумаг на бирже. В сфере биржевых спекуляций вращается в десятки раз больше средств, чем в реальной экономике. Которая приобрела

характер наших пирамид. Ее ожидает неизбежное банкротство. Оно бы уже произошло, если бы существующее положение не было выгодно мировому капиталу, особенно г транснациональным компаниям. В спекулятивную экономику вкладывается больше средств, чем в экономику производящую. Капитализм стремится покончить с реальным производством. Картина жизни получается искаженной. В доходы зачисляются даже выигрыши при спекуляциях на бирже.

Западные страны теряют свое национальное лицо, свою «идентичность». Для западноевропейского человека нечего ожидать великой живописи или музыки. Литература западной цивилизации осталась в прошлом. В XX веке уже не возникали философские системы Канта или Гегеля. И даже система материалистического, естественнонаучного описания мира, величайшее по красоте и широте замысла творение западной цивилизации тоже кончается. То, что происходило во второй половине XX века, является реализацией высказанных ранее идей. А ведь именно культурными достижениями западная цивилизация стала привлекательной для представителей других цивилизаций. Теперь это блистательное развитие уже позади. Одни крылатые ракеты, атомные бомбы и счета в швейцарских банках не заменят эту притягательную сторону западной цивилизации.

Наконец, имеет место потеря традиционных ценностей, стремление к максимальному комфорту, то есть к «жизни для себя», раскол общества на верхний правящий слой и остальную часть народа, живущих разными взглядами и жизненными ценностями. Идеология правящего слоя Запада, «золотых воротничков», прямо противоположна идеологии большинства народа. А это значит, что потеряла смысл созданная там за последние столетия демократическая система. Она не отражает воли большинства. При ее посредстве осуществляет волю слой «золотых воротничков». Грядет неслыханная революция, которая потрясет все стороны жизни. Время Запада на исходе. Его смерть predetermined обстоятельствами. Все те страшные признаки, свойственные России, встречаются во всем западном мире. Западная цивилизация не имеет, собственно говоря, никакой другой духовной основы, кроме силы и стремления к власти, причем в гораздо более широком диапазоне, чем какая-либо ранее существовавшая цивилизация, и не только в отношении к народу, но ко всей природе

. Ближайшее будущее мира будет определяться надвигающимся концом западной цивилизации».

Своеобразный гимн Советам! Изумительно!... О моих «делах» смотри в приложении, надерганном из недавних дневниковых записей, как ты иногда говоришь, «для затравки». В нем есть кое-что из тебе уже известного, правда, в другом контексте, но все равно извини. Бывай здоров, всем привет».

07.03

Ныне совсем бесснежная зима в ночь на 06 завершилась мощным снегопадом. В 12 часов я, вспомнив детские годы, когда наш поселок заваливался настолько снегом, что мы в нем прорывали тоннели и даже устраивали для своих ребячьих посиделок нечто вроде «снежлянок», решил доставить себе удовольствие и пройтись на лыжах. Я оказался в единственном числе, встал на них прямо у своего дома, и потому, по случаю моей, при весьма преклонном возрасте, «находчивости», одобрительно приветствовался почти каждым встречным. Весь транспорт в городе либо стоял, либо буксовал, дороги и тротуары засыпаны местами настолько, что невозможно пробраться даже пешеходу. Снег продолжал валить, и казалось, что к вечеру, если так будет продолжаться, город замрет полностью. В лесу – ни лыжни, ни единой тропки. Я протоптался по целине с километр и повернул обратно, прошло общим чехом не более двух часов. Выбрался из леса, снег кончился, и сквозь разрозненные облака просвечивало солнце. Стоявшие до этого трамваи каким-то образом были извлечены из снежного плена, машины тоже не только стояли, но и двигались, да и люди шевелились заметно живее. Благодатный, подумал

опять, наш уральский край! Начнись такой снегопад где-либо в другом месте, продолжался бы несколько дней. У нас же и суток не прошло, как надоело, и появилось вновь, на радость людям, солнышко. Как благотворно оно действует: ведь снега на улицах не стало меньше и дороги не расчищены еще, а все наполнилось вдруг жизнью. И всего за каких-нибудь два – три часа!

08.03

Сегодня не выдержал и снова пошел на лыжах. Уже совсем при весенней солнечной погоде, но еще по не тронутому ею снегу. В лесу хотя и мало людей, но уже кругом и тропки, и проложенные во всех направления свежие лыжни. Захватывающее впечатление от тишины, и блистающей чистотой снежной белизны!

09.03

Академик АМН Рэм Петров об иммунитете (Журнал «Знание – Сила» №9 – 1984 год).

Своеобразный гимн иммунологии. Петров цитирует одного из выступивших на представительном конгрессе. «Идет соревнование между наукой и микроорганизмами – последние вырабатывают устойчивость, а ученые создают все новые антибиотики, и неизвестно еще: кто кого?». А дальше, от себя, что проблема не только в этом, но еще в том, что и сами-то антибиотики нередко, «подавляют иммунитет и мало помогают при многих инфекциях». Что иммунитет не только «защита от микробов, но и борьба со всем, что генетически чуждо организму», наделенному удивительной способностью собирать и хранить информацию не только об угрозах, которые «удалось отвести от себя, но и о чужеродных агентах, что угрожали некогда его далеким предкам».

Разум наш – восклицает он – еще не постиг «великой тайны, как в момент непредвиденной опасности в организме оказывается уже заготовленным впрок все необходимое для борьбы с ней, для массового производства специально нацеленных именно на неожиданный антиген строго специфичных антител».

Довольно странное заявление ученого, который утверждает, что «в теле человека постоянно присутствует миллионы переродившихся мутантных клеток, в том числе и раковых», а каждый случай развития злокачественной опухоли рассматривает как «досадный пробел в работе иммунной системы, к сожалению, не всегда достаточно эффективной». Хотя и не совсем, добавляет он, раз мы «живы, здоровы, и у нас нет опухолей».

Не есть ли это еще одно веское подтверждение моим интуитивным представлениям о естественности защитных функций всего живого и почти «бесполезной борьбе» ученых с микроорганизмами?

Тем не менее, по прочтении Петрова возник дополнительный вопрос. Почему, однако, «недостаточно эффективно» действует иммунная система в части отторжения организмом ему неудобного и вредного? Полагаю неполным рассмотрение данной проблемы с позиций функционирования только одних генно-клеточных структур, как это делает Петров. Не меньшее значение здесь имеет создание соответствующего, благоприятного для надлежаще-эффективной борьбы, настрой биологической системы организма. Соответствующей «подготовки» участников борьбы: правильной их расстановки, подъема духа «защитников» и деморализации сил «противника». А это возможно лишь благодаря мозговой деятельности живого существа и программного обеспечения для таковой борьбы. Только так можно объяснить значительные отклонения в характере протекания заболевания у высокоорганизованных живых существ. Прежде всего, у человека, когда названное заболевание либо непомерно ускоряется повышенной мнительностью человека, либо наоборот, напрочь забывается его безразличием, продиктованным разными более мощными стрессовыми обстоятельствами (войной, любовью, увлеченностью работой, в том числе, даже – другой неприятной болезнью).

26.03

Происшедший в Киргизии на этой неделе народный бунт превосходнейшее подтверждение приведенному в связи с именами Солженицына и Трифонова. К сожалению, кажется, происшедшему опять по известному сценарию – от ненависти большинства к зарвавшемуся и заевшемуся меньшинству, но снова в интересах этого меньшинства – очередной клановой шайки бандитов от власти. Путин немедленно предложил приютить у себя (в России) свергнутого Акаева и его семейство, которые успели скрыться от гнева толпы. Вызывающе антисоциальный поступок! Акаев, по большому счету, прямой преступник перед своим народом. Его нагло-аморальное поведение на протяжении всех лет правления, абсолютно не совместимо с занимаемым им постом, а он сам лишен права на какое-либо оправдание. Не знаешь, не умеешь – не берись, а взялся – отвечай по конечным результатам. Акаев же, вместо покаяния, после им подготовленного и свершенного, к тому же проявленного еще при личной трусости, нашел возможным лишь свалить вину за учиненный в стране разбой на своих противников. На большее у доктора наук не хватило ума.

03.04

Акаев все же догадался сдать официально власть и уйти в отставку. Покаялся даже перед народом. Но как? В самом общем виде (как в свое время сделал и Ельцин) в расчете выпросить для себя гарантии и какие-нибудь житейские блага. Однако власть тянет волынку в принятии его отставки и гарантий, поскольку бывший президент – ученый, борец за демократию, и его семейство являются собственниками большого числа различных объектов недвижимости. Назначена комиссия по установлению размеров их владений.

04.04

Получил письмо от Марка с печальным известием о болезни. С 20-го февраля постельный режим. Какой-то особый ревматизм всех суставов, включая тазобедренные. Страшные, до потери сознания, боли. Особенно ночью.

Сколько раз, просил бросить работу. Не послушался, и вот результат.

Встретил одного дальнего знакомого.

– Давно не виделись, – говорит.

– Да, – отвечаю. – Ты вон даже перестал регулярно бриться.

– А как ты думаешь, будем мы лучше жить, или так все будет продолжаться и дальше? – Задаст он вопрос, по ассоциации, с моей репликой о его небритости.

– Не знаю как все, но мы с тобой точно, ибо наш процесс старения будет опережать любые, жизни, общие улучшения. – Отвечаю ему, так же по ассоциации, но другой, связанной с размышлениями о Марке.

Да и сами мы со знакомым, думаю, тому прямое подтверждение: ни я не помню его фамилии и места работы, ни он моих, судя по разговору.

21.04

Вчера встречался с Ляшенко по проблеме дворовой автостоянки. Вручил ему свежее послание.

«Уважаемый Александр Захарович! Вынужден сообщить, что Ваши указания о ликвидации до 20.09.04 несанкционированной автостоянки во дворе дома № 24/1 по улице Стахановская и благоустройстве названного двора (несмотря на мою дополнительную информацию по сему делу от 07.10.04 и последующие звонки в Администрацию города и района) – остались не выполненными.

Стоянка продолжает функционировать в прежнем своем назначении, зафиксированном 05.08.04 представителем ЕМУП «Автостоянка» и отраженном в Вашем письме от 02.09.04, –

но только в еще более безобразном виде разрушительных от него нравственных и физических последствий. Достаточно упомянуть, что теперь здесь каждую ночь размещается более 80-ти машин, а дворовой сквер за зиму и весну фактически полностью погублен и превращен в сплошное грязное месиво.

Стоянка, по которой я веду переписку с Вашей Администрацией в течение уже почти двух лет, лишь частный случай плачевного состояния в сфере инфраструктуры всего Орджоникидзевского района, особенно его улиц, газонов и насаждений. Подавляющее большинство последних демонстративно нагло превращены в автостоянки, имеют место противозаконные подключения их охранных и прочих «аксессуаров» к осветительным уличным и домовым сетям, при этом за все разрушаемое и потребляемое муниципальные власти (исключая, возможно, частные «пожертвования» от организаторов таких стоянок) не получают никаких доходов. Прежде всего, именно в силу превратившейся в настоящее бедствие их «несанкционированности».

Пользуясь случаем, хотел бы вообще обратить Ваше внимание на некую, свойственную не только Екатеринбургу, «увлеченность» властного меньшинства помпезностью, роскошью и прочими излишествами на фоне разорения страны и нищеты большинства населения. Того самого, уже наглядно воспринимаемого обществом, его расслоения на богатых и бедных. Сейчас это стало проявляться в определенном противопоставлении центра города его окраинам. Во все ускоряющемся и повсеместном, буквально соревновательном процессе придания центральной части города подчеркнута «благородного» вида за счет районов со старой построенной при Советах «социалки», разрушающейся, не ремонтируемой, грязной, разбитой, замусоренной и изуродованной упомянутыми автомобильными стоянками.

Требуется принятие экстренных мер по устранению таких перекосов и прекращению вопиющего, признанного властью, беззакония. В том числе, по нашему двору, абсолютно, с учетом ранее приведенных мною доводов, не отвечающему сегодня еще и нормам нового жилищного кодекса».

Он его прочитал, и между нами состоялся опять довольно странный разговор.

– Как Вы считаете, не много ли двух лет для решения проблемы, признанной и районной и городской властью? В чем трудности?

– Понимаете, нет соответствующих законодательных актов, на основании которых можно было бы применить меры к организаторам подобных стоянок. У меня один телефон (показывает на аппарат), и никакой реальной власти. Вот сейчас, правда, наметился сдвиг в этой части. Завтра в 11 часов собираемся по этим делам у Чернецкого.

– Но ведь это не делает чести ни городской администрации, ни городским законодателям. Два года, и опять никаких решений, а только обещания и опять в неопределенном будущем. Мой визави молчит.

– Ну, ладно. Могу еще осознать трудности со стоянками, но почему власть, милиция допускает размещение машин на газонах, разрешает превращать их в сплошное месиво? Ведь это настоящее хулиганство! Какой нужен здесь закон? Почему в городе не видно машин в других местах, а таковое носит массовый характер только на территориях, как бы находящихся под защитой организаторов несанкционированных стоянок? И почему все остальные «Почему?», затронутые в моих письмах? Опять молчание.

А каково ваше мнение в части противопоставления центра города окраинам?

В ответ, несмотря на ввернутую тут мной фразу, что переписка со мной велась по правилу – «ты про Фому, а тебе про Ерему»:

– Это от вашего незнания. Цифры, которыми я располагаю, говорят об обратном. В периферийные районы мы, наоборот, вкладываем значительно больше средств, чем в центр. Смотрите: проспект Космонавтов – красота! А остальные (называет еще несколько таких же улиц). Их я не знаю, но догадываюсь, и потому схода парирую Лященко.

– Простите, но названное вами – все объекты общегородского назначения, они нужны городу, и работают на центр, освобождая его от транспортных потоков. Прямых благостей окраинам они никаких не несут, а наоборот лишь усугубляют жизнь людей, чьи дома размещены вдоль таких магистралей. Я же веду речь непосредственно о жилых кварталах, о состоянии социалки, ее дворах. Снова молчание.

– Например, – продолжаю я после некоторого перерыва, – о квартале, ограниченном улицами Ильича – Стахановская, Победы – Калинина.

– Калинина перегороджена строящимся домом и будет приводиться в порядок после его возведения, – перебивает меня Ляшенко, и нарывается снова на возражение.

– Я не об улице Калинина, а о квартале, ограниченном этой улицей. Снова молчание, парировать ему нечем.

– Так что же с нашей стоянкой? – Возвращаю Ляшенко к главному. – Когда будет она ликвидирована? Через неделю, месяц? И, не дождавшись ничего определенного, в порядке разрядки предлагаю для начала, хотя бы ликвидировать бесспорное безобразие – запретить немедленно размещение машин на газонах и в сквере.

Это он обещает сделать. Впечатление общее удручающе, ибо ответы на все «почему» – известны. Все насквозь прокоррупцировано, идет безнаказанный грабеж и уничтожение общественной собственности в угоду личных интересов.

По завершении встречи одна из сотрудниц приемной, отлично познавшая всю их административную бюрократическую кухню, в порядке совета предложила мне встретиться еще и с Чернецким. «Звоните, – шепнула она мне, – я в курсе вашей длительной с нами переписки, и вас непременно запишу, звоните». Такая вот любезность с ее стороны.

30.04

Из переписки с Итиным

13.04

«Вернемся к нашим баранам. СМИ сообщили, что Сименс хотел купить контрольный пакет концерна «Силловые машины». Кто же продавал?».

14.04

«Зиновий, на твое от 13.04.

О баранах. Ну, зачем такие емкие выражения? Хотели купить, не значит купили. Собирались продать? – Конечно, не без Кахи. И состоись оно, – было бы замечательно.

В свое время мой покойный сын, когда подул уверенно ветер предстоящего развала страны, который молодые ощущали лучше нас стариков, говаривал, что самое лучшее для страны, если бы ее завоевали какие-нибудь, например, немцы. Насчет страны я не соглашался с ним, а вот свершение такового в рамках отдельных фирм – воспринимал, и считал заманчивым. Тем более что все купленное и сделанное, в конце концов, будет на нашей земле, а потому, если что случится, по большому счету, – нам и достанется».

18.04

«Раньше я тоже думал, вероятно, и под твоим, в частности, влиянием, что лишь бы крутилось: заработную плату, и налоги владелец отдаст обществу.

Сейчас я полевел и в 2008 г. буду голосовать, возможно, даже за коммунистов, которые столько горя принесли России, сделали ее сообществом нигилистов, алкоголиков и тюремных сявок (т. е. тех, кто ворует в общей камере). Думаю, у левых в России, к сожалению, будущее есть. Иначе таким, как Каха или Березовский, останется только доглотать нашу страну. Не думаю, что и Потанин их лучше. Просвещенных и богобоязненных Морозовых, Прохоро-

вых или Демидовых – в России не может быть. Эти гены уничтожены. В нынешних священнослужителях мне мерещатся майоры и полковники спецслужб. Запад России добра не желает: то чего немцы не достигли во 2-ой мировой, они постепенно добиваются «мирным» путем. Генофонд наш подорван, а сырье идет на Запад в самом сыром виде. Сименс купит «Кахины Силовые Машины» и продаст их на стальной лом, как это успешно начал и делал Ёбаный Грузин. Что остается в осадке – горечь одна. Кто лучше Сименс, ФСБ или коммунисты (тоже ведь ФСБ)???».

20.04

«Зиновий! Твои оценки действительности плохо взвешены. Социальные изменения больших систем инерционны. Измеряются они не годами, а поколениями жизни людей. Сейчас (с момента начала перестройки) прошло только 15 лет, и потому мы пока «пожинаем» плоды минусов прежней распределенной системы, главный недостаток которой не в том, конечно, негативе, о котором упоминаешь ты, а в очень плохом возвращенном ею «потребительски-совковом» генофонде. Именно поэтому и нет еще (или есть очень мало) твоих «просвещенных и богобоязненных Морозовых и Демидовых». В теперешней более правильной (в части выше отмеченного) системе они должны ощутимо появиться только во втором – третьем поколениях. Соответственно, и более или менее ощутимые от нее результаты (в принципиальном, а не «витринного благополучия» плане) начнем получать с 2010 года, т. е. спустя 20 лет, равных как раз усредненному циклу становления на ноги (прихода к власти) новых поколений, и уж совсем приличные – с 2030 года. А затем, по всем законам мироздания, эта новая братия богачей, если они не поймут, как надо правильно жить, и опять зарвутся, зажрутся и отупеют, как и все предшествующие им подобные, вроде твоих Морозовых и Демидовых, то ненависть к ним бедных и недовольных выведет общество снова на очередной бунт.

Отмеченное не означает, что я не усматриваю органических недостатков теперешней системы, точно так же, как и таковых прежней соцсистемы. Однако жизнь определяется не названиями систем, а ее сутью – продиктованным природой неравенством людей (как и всего прочего живого), их разделения, по Талейрану, на «стригущих» и «стриженных» с извечной устремленностью более умных, хитрых и предприимчивых, попасть в когорту первых. Так что соцсистема есть лишь «оформление» различных способов осуществления одного и того же принципиального акта – эксплуатации меньшинством большинства – не более. Отсюда практически и одинаковый уровень возмущения людей в разных системах. Набор составляющих для возмущения различен, а уровень один. Не отсюда ли практически стабильное соотношение между числом богатых и бедных, умных и дураков, похоже, остающееся неизменным на протяжении всей истории человечества? Вопрос, как против этого бороться, – я оставляю на разрешение тебе, хотя и сам над ним тоже задумываюсь.

А теперь о Сименсе. Сименс (в лице тех, кто его сейчас представляет) – является, по Форду, компанией созидающих, а Каха, по моему, – компанией грабителей эпохи первоначального накопления капитала, через которую прошел в свое время весь западный мир. Это большая разница в рамках желаемого. Бывай здоров.

P. S.

Откуда у тебя такое мощное тяготение к тюремному жаргону? Или ты считаешь, что от того лучше могут уясниться твои эссе!».

24.04

«... Признаюсь, меня неизменно бесит тупо повторяемое: история не терпит сослагательного наклонения. Господи! Смерть и та знакома с альтернативой, ежели допустить существование Царства Божьего. А уж история, нами толкуемая, не менее чем искусство, является реальностью».

Это цитата из статьи нашего сверстника Станислава Рассадина, московского публициста. Статья посвящена Российской истории и пересказывать её тебе глупо. А наша недавняя история? Я тоже думал – вот будет перестройка и всё пойдет путем, и я лично от нее много выгадал – не буду распространяться. Могла ли быть приватизация иной. И кто бы командовал Уралмашем? И что было бы если бы? То и было бы, что было. От того, что люди просидели в лагере 70 лет и оттого, что цвет нации (например, 300 тыс. православных священнослужителей) был расстрелян по приказу отребья, что могло быть хорошего. Шкода – автомобиль как бренд сохранился, под этой маркой Фольксваген делает то, что делает Фольксваген. А Шкода-тяжмаш, принадлежащий Кахе? Что будет, если и Уралмаш, и Шкода перейдут к Сименсу? Сименс тоже не посовестится срезать коробки и стальной лом продать себе. Где он приостановит производство – на Фатерлянде или в юговосточной Азии? Явно в нашей отрасли в мировом плане избыток мощностей. Перестроиться на приличную серию? Например, с нашей кочки видно, что явный дефицит достойных автобусов всех видов имеет место. Нас возят газелями, которые по комфорту, хуже тех, которые возят негров на каучуковые плантации – это я видел своими глазами. И ты можешь себе представить автобусное производство на Уралмаше? Использовать можно будет только сам пустырь да подстанции, а не коробки. Сильно спорить не о чём. Я с тобой согласен. Ты говоришь – через 30 лет может быть бунт. Не может быть! Немецкий агент – Владимир Ленин научил мир – с народом надо считаться, чтобы не вылезал из ярма. А пряников сладких всегда не хватает на всех. Береги здоровье, избавься от предрассудка, что алкоголь полезен в малых дозах, он вреден в любых дозах».

29.04

«Зиновий! Я не понял связи твоего последнего послания с моим от 20.04. Получается «я тебе про Фому, а ты про Ерему».

Не понял:

Твоего сослагательного наклонения, Хотя считаю недопустимым его использование в рассказах про любые события: история действительно его не терпит. Публицист Рассадин лишен элементарной логики: «пересмотры и перетряхивания» истории абсолютно не корреспондируется с тем, что на самом деле вкладывается в упомянутую выше фразу. Не связана она и с твоим «тоже думал...».

Твоего со мной «согласия» с чем-то неизвестным. Твоих автобусов на Уралмаше, Фольксвагена на Шкоде и прочих аналогичного уровня, лишенных здравого смысла, положений, которые ты к тому же, тут же, развенчиваешь и сам.

Связи между возможным бунтом (уточняю, не через 30 лет, а с моими «затем» и «если») и заимствованной байки насчет «Немецкого агента – Владимира Ленина», который якобы научил мир чему-то, чего я также, при своем слабом умишке, не понял.

Твоей заботы о моем здоровье через избавление «от предрассудка, что алкоголь полезен в малых дозах, он вреден в любых дозах!», тем более что с последним, как с любой другой однобокостью в суждениях, я не согласен и по существу.

Отсутствия реакции на мое «P. S.» о досадной для меня твоей небрежности в писаниях.

А вот в части фразы «цвет нации (например, 300 тыс. православных священнослужителей) был расстрелян по приказу отребья» – у нас с тобой будут принципиальные разногласия, поскольку я устремленный антицерковник, но это особый разговор. Прочитай о церкви в моих книжках, и возрази. Обещаю, что твое слово в споре не будет последним. Для начала могу возразить, что насилие «отребья» над священнослужителями происходило от его ненависти к попам и вершилось оно отнюдь не только по указаниям власти, а и по собственному разумению низов. Нельзя говорить о следствиях, не задумываясь над их причинами. Стандартная ошибка чуть не всех гуманитариев и разных политологов. Они, особо в части разного рода зверств большевиков, все события «обкатывают», на уровне следствий вне исходных причин.

Похоже, ты же ошибку допускаешь и ты. А может, ты изрек то просто ради свойственного тебе красноречия? – Тогда извини.

Перечитай, пожалуйста, мое предыдущее письмо еще раз, и, с учетом данного письма, ответь на них по существу. С чем согласен, с чем – нет, что хотел бы уточнить, чему возразить, какую проблему поднять вновь? По существу, а не для упомянутого сотрясения воздуха. С праздником Весны тебя и с пожеланиями тебе и твоему семейству здоровья и всех благ».

10.05

Сегодня позвонил племянник Светланы Сергей и сообщил, что Светлана умерла пятого февраля. Позвонил поздно потому, что не было моего телефона, который будто нашел только сейчас, перебирая ее бумаги.

Все это время (после моих последних ей письма и октябрьского звонка с известием от ее внучки, что она лежит и не может подойти к телефону) я боялся позвонить, из-за нежелания разговаривать с ее домочадцами, и пребывал фактически в ожидании этого печального известия. Страшный конец, Трудно вообразить, как она прожила эти свои три месяца в той обстановке и том окружении, о которых я упоминал, описывая петербургскую поездку в 2003 году.

Боже, как все «просто». Столько чудных воспоминаний, и ...– ничего.

26.05

«Магус, дорогой! Отвечаю на твоё от 17.04 с необычным для меня опозданием и даже с дополнительным перерывом: дату и твое имя написал 05.05, а сел за письмо только сейчас по причине:

Во-первых, окончания третьего этапа ремонта квартиры, которая, наконец, приобрела (с учетом наших с Галей запросов) более или менее приличный вид.

Во-вторых, навалившейся, по просьбе Сонины, случайной работы по редактированию егоopus о конструкторах Уралмаша, на которую убил почти две недели, вместо мною запланированных трех – четырех дней.

Ну, а теперь по твоему письму в обычном порядке, который, судя по нему, ты взял тоже на свое вооружение.

О компьютеризации – принято к сведению, все ясно, вопрос можно считать закрытым.

О ведении дневника. Дневников я никогда не вел в силу не приспособленной к ним своей природы. Имел привычку ранее, во времена работы, записывать в нечто, вроде амбарной книги, блокнота или простой бумажки, отдельные мысли. (См. предисловие к моим «Заметкам конструктора»). После выхода на пенсию то же самое фактически стал делать в виде дневниковых записей, отличающихся от прежней «системы» лишь тем, что мысли стали туда заноситься мною под соответствующими датами. Но, в принципе, также хаотично, как и раньше, т. е. по мере их появления. Так что это не дневник, где обычно люди занимаются более или менее системным и столь же регулярным описанием событий текущих дней. Я по жизни анархист, испытывающий отвращение к порядку и любой системности. Правда, всегда сочетавшейся у меня с почти безупречной системностью и плановостью в производственной работе, да еще сопряженной со сверх продолжительной цикличностью, когда отдельные ее этапы тянулись годами, а то и десятилетиями. Хотя, может, как раз именно из-за этой последней, в рамках как бы некоторой компенсации, и проистекало первое. Отсюда упомянутые тобой научные отчеты никак нельзя отнести к категории дневника. Отчет обладает собственной самооценностью вне даты, которая тут имеет значение разве лишь в части его приоритетности. Хотя я допускаю, конечно, что и в дневнике, в моем его понимании, не исключена возможность регистрации отдельных мыслей, вроде твоих «наблюдений и размышлений» об израильской действительности, а в моих записях – чисто событийной информации.

По проблеме терроризма я полагал, что «мы пришли к общему знаменателю». Однако далее последовали твои ограничительные «почти» и ссылка на «неприемлемость» (в рассматриваемом нами плане) позиции, связанной с «кормлением арабов». Ты пишешь, что эта последняя акция «не поможет и не решит проблемы, поскольку (в вашем случае) террор – это инструмент решения «межнациональных, территориальных, религиозных и прочих проблем, и руководят им далеко не бедные люди».

Выдвинутое тобой данное положение отнюдь не противоречит моим трактовкам сути терроризма, приведенным в письме от 15.12.04, о котором ты, видимо, просто забыл. Оно полностью вписывается в мои представления. Добавлю, что прямо по моему сценарию произошли, например, недавние события в Киргизии (тут я привел ему мою запись по ним от 26.03).

Твои дифирамбы по поводу моего приобщения к ИДК и моих по сему трактатов, их «мудрости» – с удовольствием принимаю, тем более что последние мне нравятся даже самому. Боюсь только, что я со своими инженерными амбициями не приду к их двору, представляемому чистыми гуманитариями, часто и сильно мною критикуемыми. Аналогично принимаю и твои похвальные реплики по части религии.

Гриншпуну я об ИДК написал не помню в связи с чем. Но он не откликнулся: в то время как раз тяжело заболел, и на два месяца свалился в постель. Сейчас, правда, отошел и даже отправился снова на работу в свой институт. Отправился, пишет он, со страшным семейным скандалом и «абсолютным» обещанием жене и детям обязательно уволиться после весенней сессии.

Об инфляции.

Между внутренней инфляцией и стабильностью рубля нет никаких противоречий. Для инфляции в стране, где большинство знает только рубль, есть другие статьи. Коммуналка, транспорт, бензин..., да и простая спекуляция торговцев, когда покупается на стороне за одну цену, а продается внутри по цене много выше курсовой.

О «полезном обращении в свою веру».

Ты пишешь, что «в общем» со мной согласен, «но как-то всё выглядит у меня очень просто». Ничего себе – просто, если в разрешении названного главным является культура общества и длиннющий процесс ее повышения, как прямой функции времени. Кто в нем ведущий и кто ведомый? Ясно. Пропагандирующий разумное – с одной стороны, и власть с ее окружением – с другой. Потому и таковой процесс. Ты тут не совсем к месту вспомнил о Соколовском. (Какой же, по крайней мере для меня лично, был мировой мужик!). Но ведь он частность, конкретность, исключение. Явления в жизни всегда имевшие и продолжающие иметь место. К сожалению, жизнь не строится на исключениях. Вспомни, как у меня написано в «Заметках». Не могу не воспользоваться и не похвалиться еще раз: кажется, в них есть все и на все случаи жизни.

О мире природы и его «рациональных формах».

Ты искаженно меня цитируешь и потому поднимаешь на поверхность много пустой породы. «Кругу и шару» предшествует «закон замкнутого цикла», а с учетом его снимаются все твои вопросы и пояснения. Нет твоих различий между живой и неживой природой в том смысле, который ты имел в виду. В живой природе так же весьма многое «объемно и кругло». Масса органов живого созданы по правилу – максимальный объем при минимальной поверхности, а это почти шар, или максимальная поверхность при минимальном периметре – круг. О цикличности, которую ты отметил, как чуть ли не случайное явление в моих исходных постулатах, я не хочу даже говорить. Ибо это основополагающая и абсолютно, считаю, бесспорная очевидность.

Об «уникальнейшем изобретении вселенной».

Моем образном выражении, из которого, в рамках элементарной логики, совсем не следует твой недоуменный вопрос о «Солнце, воздухе, массах» и даже твоём «существовании»

энергии». У тебя эти тут и далее следующие разные сведения – из набора никому не нужных вопросов и проблем, на которые нет и никогда не будет ответов. Почему так, а не этак? Что из затронутого сначала и что потом? Вечно существовала энергия или нет? Подчиняется она существовавшим и существующим неизменным (возможно, меняющимся в зависимости от чего-то) законам или нет? – Чистейшая схоластика. Интересно, но бесполезно! Исключая случаи, когда подобное выдвигается в виде гипотез на предмет, например, дальнейших исследований, о чем я тебе писал ранее и на что не получил ответа. Теперь ты вновь ломишься туда же. Я прагматик, и никак не могу связать с чем-либо практическим твои экскурсы в область предполагаемого и «непознаваемого».

Так что оставим это и перейдем к тому, чем я тебя «подвигнул». Здесь, в основном, все замечания, реплики и прочее были давно подробно рассмотрены в рамках пространной критики моей первой книжки, из которой и была надергана, тобой вторично поднимаемая на «эшафот», моя исходная философия. Я на них останавливаться не буду (перечитай старые письма), а коснусь только той части, что относится непосредственно к теме прогнозирования.

Первое. «Мир останется неизменным не только в 21 веке, но и далее, в ближайшем обозримом будущем». – Абсолютно корректное и очень логичное мое заключение, прямо вытекающее из написанного. Опять стандартная твоя привычка делать выводы вне контекста и додумывать за автора, чего он не разумел. Отвечаю. Принципиально, да – останется неизменным. Это и ты фактически подтверждаешь, что «Если в 20-м веке произошли две самых кровавых войны в истории человечества; возникли и исчезли фашистское и коммунистическое общества...; произошёл глобальный передел мира...; а к концу века стало развиваться засилье мусульманского терроризма; если в 20-м веке было создано и реализовано атомное оружие, полетели в космос и расшифровали геном человека; создали компьютеры и интернет...; клонировали овцу...» – то (следует вывод) и в следующем веке будут аналогичные катаклизмы и все прочее. Только и всего. Или ты считаешь, что этот наш новый век обойдется без подобного? И уж совсем из мною тут приведенного не вытекает твое алогичное, «ни к селу, ни к городу» притянутое, мое «пренебрежение будущим отдельных народов, в том числе и российского, население которого из года в год уменьшается».

Второе. «Ты сам (т. е. я) пишешь о колоссальных изменениях, свершившихся за последнее столетие. Почему же ты не предполагаешь, что в нынешнем столетии тоже могут быть весьма внушительные изменения и даже серьёзные катаклизмы?». – Я такой глупости не сочинял, смотри выше.

Третье. «Всякое прогнозирование – занятие бессмысленное». А твое (т. е. мое) утверждение, что «мир в 21-м веке останется неизменным» разве не является прогнозированием?». – Та же глупость, если не отрываться от контекста. В первой фразе идет речь о прогнозировании конкретностей, а во второй – о том, о чем упомянуто выше. Причем и та и другая сопровождаются массой разъяснений, почему я так думаю и так считаю. Кроме того, вторая фраза касается даже не прогноза, а общей констатации на основе всей предшествующей истории человечества. И, наконец, посмотри, что там было написано перед и за этими тобой критикуемыми фразами.

Четвертое. Твое «Категорически не могу согласиться с утверждением, что человеку «незачем беспокоиться о будущем. Это дело следующих поколений». Кроме аморальности, которая присуща только человеку, эта фраза входит в противоречие с общими законами живой природы». – Вроде бы, в части этих последних фраз действительно есть основания для моих дополнительных к ним тебе разъяснений..., но не в такой же «категорической» постановке, которая опять проистекает от упомянутого выше твоего домысливания. На самом деле (если рассматривать все в комплексе) беспокоящая тебя «аморальность» в пределах, по крайней мере, ближайшего (а не далекого) будущего вполне естественно будет (должна) устраняться человечеством в рамках борьбы (причем огромной и напряженной) за оговоренную мной опти-

мизацию его сегодняшней жизни. Так что и здесь нет никаких оснований для твоих несогласий, тем более, категорических.

Не пойму, чего ты торопишься со скоропалительными выводами? Ведь столько о них говорили, а нет – опять за свое. Прочитай, прошу еще раз, внимательно мое февральское письмо, ведь все там разжевано до предела».

27.05

По ремонту квартиры. Недели две назад вызвал Надю подправить оставшиеся огрехи по предыдущей ее работе. Она их устранила, и, рассчитываясь с ней, я спросил о согласии заняться кухней и возможной на то цене. Она приняла предложение, и назвала неожиданно, исходя из прошлого прецедента, сумму в 1500 рублей, вместо предполагаемых 5000 – 6000. Мои ожидания о совестливости оказались правильными, хотя и реализовались таким странным образом, причем без упоминания с ее стороны о некоей компенсации за доставленное мне ранее неудовольствие. Не зря я всегда стараюсь думать о людях лучше, чем они тебе иногда кажутся по первому о них впечатлению.

30.05

Неделю назад побывал в давно меня интересующей фирме «Машпром», возглавляемой ее организатором, сыном бывшего главного инженера Уралмаша, Александром Борисовичем Котельниковым. Встретился с Главным инженером Сергеем Максимовичем Колтышевым и предложил им свои услуги (по передаче своего конструкторского опыта) в качестве эксперта разработок по металлургическому оборудованию. Предложение было принято. Естественно, что перед этим я с таковым же предложением вышел к Г. А. Шалаеву, который мне на него дал отрицательный ответ. Причем только через полгода, сопроводив его извинительными словами: будто не смог уговорить своих начальников в целесообразности подобного мероприятия по причине, как он сказал, «их меня боязни». В чем она, «боязнь», выразилась, я уточнять не стал. Он, в свою очередь, ничего к сказанному не добавил. Возможно, дабы скрасить столь большую задержку, выбрал для ответа юбилейный вечер, посвященный 60-летию со дня окончания Отечественной войны. Такая вот история.

Там, где меня и мои возможности, знают по совместной работе, я не нужен. А где – понаслышке, принимают с распростертыми объятиями, что называется, с хода. Пока... эта акция подтверждает состоявшееся мнение о данной фирме, и мое свежее впечатление о Главе, с которым я имел возможность встретиться вчера.

Младший Котельников оказался на высоте. Он уделил встрече не более 10 минут, не задав при этом ни одного не по делу вопросу, и не бросив ни одной не к месту реплики. Посмотрим, как будут развиваться события дальше. Во всяком случае, за пять прошедших дней я кое-что уже сделал, и, кроме обмена мнениями по ряду вопросов, по двум проблемам представил свои соображения в письменном виде.

11.06

Второй раз с интервалом лет в десять прочитал роман В. Успенского «Тайный советник вождя» с очень верной, соответствующей моим представлениям, характеристикой событий и лиц времен сталинского правления. Не знаю, насколько точно сфокусированы в нем образы Сталина и других известных политических деятелей (Ленина, Троцкого, Бухарина, всех остальных) в плане чисто личностной их характеристики, но в отношении деловой – исторических фактов (революции, войн, репрессий...), авторских к ним подходов и оценок, – полное с автором единомыслие. Роман – своеобразный гимн здравому смыслу и непредвзятому, не привязанному к идеологии, рассмотрению нас интересующего. Только такой подход к истории

позволяет сделать более или менее верные выводы о прошедшем и дать такую же оценку происходящему.

Практически то же можно сказать о книгах О. Платонова из серии «Заговор против России» и книге А. Бушкова «Сталин красный монарх». В них один к одному повторено (только более жестко и непримиримо) отмеченное мною в настоящих записях, причем не только о сталинской эпохе, а и всей истории прошлого века.

Как не странно, но примерно в таком же ключе – панегирика Сталину и, наоборот, по отношению ко всем расстрелянным в 30-е годы его «окруженцам» – написал в книге «Очищение» и мною не любимый по «Ледоколу» В. Суворов.

Масса последних лет заскорузло надуманных, односторонних представлений о действительности, кажется, начала мощно взламываться в сторону, давно мною ожидаемого, объективного ее переосмысления. Но, опять (это не дающее мне покоя «опять») – через однобокость, очередной настрой пишущего на какую-либо определенную волну. Особо здесь отличились Суворов и Бушков.

Суворов задался целью изобразить в одном черном цвете чуть не всех отправленных на тот свет Сталиным. Все, кто в хрущевские времена в «борьбе» со сталинизмом были подняты на пьедестал святости, у Суворова теперь предстали в качестве отъявленных бандитов, сплошных подлецов и полных бездарей. Будто от одной их, Бухарина, Тухачевского, Якира, Блюхера и остальных, преступной природной сути. Вне реалий революции и народной ненависти большинства к нагло эксплуатировавшему его царско-помещичьему меньшинству. Вне созданной на базе названной ненависти советской системы и вставшего во главе ее Сталина, призванного самой Историей учинить своеобразный Соломонов суд – суд юридически незаконный, но праведный, какой только и может быть по отношению к тем, кто не подсуден по «правилам», особо в ее переходный период.

Бушков же свою, в общем и целом более или менее правильную позицию, бросился подкреплять не фактами, не здравыми соображениями, а надерганными из разных «документальных» источников «подходящими» цитатками. Вплоть до адресации читателя к пресловутым судебным речам Вышинского, приведенным в качестве «доказательства» виновности всех участников «троцкистского центра» и «право-троцкистского блока».

Зачем Вышинский? А как же? Ведь пятьдесят лет, напоминает автор, уже не печатался. Может, клюнет читатель на утку? К тому же в ней чуть не 200 страниц дарового для книги текста. Так что помещение его в приложении можно объяснить еще и элементарной нечистоплотностью Бушкова – желанием заработать на том лишний рубль.

Хотя, отдадим должное, в более поздней «Хронике мутного времени» Бушков несколько «изменился» и написал о «демократической» России в прилично умеренной критичности, и дал событиям оценки вполне достоверные, но только с упором на одни следствия, а не на их причины.

Примерно то же можно сказать и о Платонове, обрушившегося на засилие в стране мощнейшего еврейства в предреволюционный и первых ленинских лет советской власти период, как явление, проистекавшее якобы чуть ли не от одних природных чисто «жидовских» качеств этого народа и «воинствующей русофобии», вне действительных исходных на то оснований, вне предшествующей истории, вне ненависти подавляющего большинства (и русского, и еврейского, и прочих народов) к предшествующему построению. То есть, – опять на уровне угодных автору негативных следствий, из которых никак нельзя сделать правильных выводов.

Не могу также понять Платонова (а впрочем, и других проповедников новой России) в части обращения к христианству и, естественно, к церкви, как будто по отношению к ним, сверх тоталитарнейшим (не менее чем большевизм) идеологическим структурам, со всеми их глупостями, мракобесием и насилием, не было ранее вполне объективной критики, не было и самой элементарной человеческой ненависти со стороны простого народа.

05.07

С месяц назад Виталий купил новый корейский автомобиль узбекской сборки. А «Волгу», сказал, отдаст старшему сыну или продаст.. Оказывается с момента ее приобретения прошло уже пять лет. И пять лет, начиная с дня покупки, почти непрерывных с ней мучений, о которых я не раз упоминал. Сегодня спросил его:

– Как твой автомобиль? – Не могу нарадоваться, – отвечает, – проехал 800 километров, и ни тебе эксцессов, ни замечаний. Дальше пошли похвалы в адрес рынка и конкуренции, которые только и позволяют делать высококачественную продукцию. Будто мы ее без рынка не делали и в своем металлургическом производстве, и даже в автомобильном. Не на моей ли «Волге» конца 50-ых годов мы наездили с ним чуть не под сотню тысяч, причем большую часть вообще по берегам рек и озер, по лесам и бездорожью, ни разу не остановились, не сломались, не побывали в автосервисе (правда, его тогда и не было)? А позднее, в течение тридцати лет искал, уже без него, двух «Жигулей», и так же не попал ни в одну с ними неприятную историю? И разве не он до упомянутой «Волги» несколько раз «сидел» на заграничной «Ауди»?

Какие-то у нас с ним расхождения в оценке житейских коллизий. О некоторых из них я упоминал. Кажется, эти из той же серии. Он все относит к системам, организациям. Я объясняю подобное совокупностью внешних внесистемных обстоятельств: культурой, качеством управления и принимаемых людьми решений, их настроем, верой, «человеческим фактором», толстовским «духом войска – духом народа»... А такое, как и наоборот, имело и продолжает иметь место при любых системах, при любых организациях.

Англия процветала при короле, Америка – при демократии, Советский Союз (раньше) и Китай (сегодня) – при централизованном и тоталитарном правлении.

22.07

«Дорогой Марк! Прежде, о работе почты. Каждый раз, как ты возмущаешься потерей его твоих писем или длительной доставкой моих, удивляюсь и посмеиваюсь: «почему мои не теряются, но идут долго; твои же часто теряются, а если не теряются, то идут быстро?». Так и нынче, ты сообщаешь, мое шло больше месяца, а твое простое от 06.07 доставлено 14.07, через неделю.

Но несравнимо сильнее удивился другому – твоему (какой уже раз?) напоминанию о почти магическом «пересечении наших судеб». Ведь описанный эпизод с древнейшим «раздраем пакета сутунок на ВИЗе» является прямым следствием, будто специально на то для тебя, придуманной мною на подсознательном уровне неправильной адресации к Сонину. На самом деле упомянутым мною правильщиком был днепропетровец Семененко. С ним я никогда не встречался, и потому, вероятно, при разговоре с Сониным – писателем, подсознательно заменил Фамилию Семененко ассоциативно мощнее закрепившимся в памяти именем Сонины – внииметмашевца, о котором не только слышал, но и был знаком лично.

Ладно бы только это? Лет пять спустя после твоей «листовой эпопеи», по просьбе начальника сутуночного цеха, близкого приятеля Б. Сомова, я имел удовольствие постоять у той допотопной клетки, и поразмышлять о механизации названной операции. Чего-то затем даже порисовал. Пока этот начальник, во время очередной совместной помойки в их визовской бане, не уведомил нас, что проблема «раздрая» с повестки дня снимается по причине... ликвидации вообще сутуночного производства и строительства на ВИЗе нового ЦХП. Тем все и кончилось. Как у тебя!

А вот еще из тех же необычных у нас с тобой совпадений. Вспомни пятилетней (как быстро течет время!) давности переписку по трубе, в связи с обращением к Росселю о строительстве на НТМК цеха для производства одношовных труб. Ты тогда, высказавшись сперва за одношовный вариант, после моих аргументированных возражений, неожиданно (чему я был

удивлен, и написал тебе о том, но ответа не получил), без каких-либо дополнительных пояснений, поддержал мое предложение в варианте изготовления двухшовных труб. Единственное, что я нашел тогда в ответе и что можно было как-то увязать с таковой поддержкой, так это твое упоминание о возможности повышения качества труб путем «механического упрочнения их сварных швов».

Далее я привел выдержку из моих записей от 30.05 о фирме «Машпром», и продолжил.

«Прошло еще недели две, и при встрече с Колтышевым я получаю предложение посмотреть... рабочий проект оборудования локальной термомеханической обработки сварных швов труб (ЛТМО) для стана 1220 ЧТПЗ, выполненный ими по контракту с последним. Я поразился таким мне «бумерангом».

Оказывается, за пять прошедших лет челябинцы сделали опытную установку для твоей обработки швов на своих трубах, провели ее, и, как написали в отчете, получили трубы «наивысочайшего качества, не сравнимого ни с какими другими трубами, включая одношовные». А сейчас намечают построить линию для промышленной обработки всех труб стана 1220.

К сожалению, проект, который выполнил Машпром, не лишен недостатков. Я по нему написал 10 листов замечаний и на днях передал для рассмотрения Колтышеву. Жду реакции.

А теперь несколько слов о твоих «переживаниях» по случаю выхода в большой «отпуск», коль так тебе хочется. Не переживай, все образуется, было бы здоровье.

Возраст, конечно, штука весьма не радостная, которая изменяет в нас все, включая и наше мировосприятие. Все, с чем сталкиваемся, что видим и ощущаем, оказывается давно известным, многократно проигранным, а все новое, неизвестное, почему-то не вызывает ни интереса, ни элементарного любопытства. Ни от того ли желание уйти в старые воспоминания «серьезного» содержания? Вот почему у тебя волнения от Тургенева. А у меня, вдобавок, еще от мемуарной литературы. Ильфовского и петровского зубоскальства я потому тоже не воспринимаю теперь. А вот про их Америку – могу читать с удовольствием. Не воспринимаю ничего из писательски надуманного, во многом подтасованного ни в новых романах, ни в повестях.

В остальном пока живу, можно сказать, почти полноценной жизнью и стараюсь не думать о «трагическом», по крайней мере, пытаюсь воспринимать его с чисто философских позиций, как следствие естественного течения жизни.

Бывай здоров. Всем твоим привет

P. S.

1. ЛТМО, на всякий случай, – это двухсторонняя прокатка шва с нагрева ТВЧ, подогрев и закалка шва и околошовных зон общей шириной 80 – 90 мм, снова нагрев и отпуск.

2. Прочитал Успенского «Тайный советник Вождя», Суворова «Очищение», и несколько книг Олега Платонова из серии «Заговор против России» о сталинской эпохе и ее «героях» – почти как у меня, только еще жестче, злее, откровеннее, а порой и «влюбленнее» в Сталина и его деяния. Но... все равно, кажется, с неустранимой среди писателей, однобокостью».

30.07

«Дорогой Матус! Рад приветствовать тебя.

Отвечаю на твоё неожиданное для меня от 17.07. Неожиданное потому, что в силу некоторой последнее время занятости, о чем скажу ниже, и сверх хорошей последних 10 дней погоды, в компьютер не заглядывал. Лишь вчера, по оказии, отправляя одну записку, открыл почтовый ящик и обнаружил послание. Весьма признателен тебе.

Начинаю, к сожалению, с того же, что и ты.

Сам я после известной истории с рукой, можно сказать, акклиматизировался полностью, если не считать чисто возрастных изменений и, конечно же, не в лучшую сторону. А вот Галя стала

сдавать заметно, сейчас же в связи с жарой, и вовсе захандрила: плохо ходит, часто просит ее подвести, что-либо поднести, подойти помочь, посидеть с ней, в том числе, ночами...

О том, что у вас побывали Фаршайт и Грин, я услышал от Якова при встрече с ним на юбилейном (посвященном 60-летию победы) вечере, который был организован фирмой Шалаева.

Кстати, о заводе. Он разваливается. Из Ниитямаша все службы выселяются на территорию завода, в разные места. В здании НИИ, на условиях аренды, размещается Шалаев со своей командой, кто-нибудь еще, а в остальном дом отдается не то под кабак, не то под рулетку. То же и со зданием заводоуправления, которое объявили памятником архитектуры времен конструктивизма. Там, вроде, пока останется лишь дирекция Уралмаша.

Все это после недавнего желания и кое-какой «возни» местных властей поднять его и вновь сделать «заводом заводов».

Предвидел и предсказывал многое, но такого развала Уралмаша – не представлял даже во сне.

Насчет терроризма, все ясно. Твои дополнения мало в чем уточняют мои положения. Главное зло здесь в наглом и сверхмерном противопоставлении богатого цивилизованного мира его бедной составляющей. Все остальное – инструментарий для эгоистического использования (вполне понятной и объяснимой) ненависти одних к другим в интересах третьих.

О «социально-политической ситуации в России». Принципиальное отличие её сегодня, от десятилетней давности, состоит в том, что тогда был развал, прикрываемый революционными обещаниями, а сейчас идет планомерное строительство «нового» общества на базе практической реализации главных его принципов – организации государственного механизма в целях эффективного жизнеобеспечения для самостоятельных и предприимчивых. Правда, уже с элементами понимания, что для настоящего их благоденствия требуется определенная социальная защищенность «обездоленных» и соответствующие на то затраты. По крайней мере, на постановочном уровне об этом стали говорить постоянно, хотя делается все в данной области еще не продуманно и совсем не соразмерно реально диктуемому действительностью.

Перехожу к твоей «существенной» части. *О мире природы.*

Уточняю. Эту тему я специально не поднимал, она была нами затронута давно и подробно рассмотрена. Сейчас я ее повторил в своих двух эссе, надерганных без какого-либо изменения моих взглядов на природу и жизнь. Тем не менее, ты тему «подхватил» вновь, но на прежних, мною не воспринимаемых, «уточнениях» позиций и процедур ведения спора.

Ты никак не можешь осознать, что я со всеми твоими дополнениями и разъяснениями согласен всегда почти полностью. Оспариваю я, главным образом, только неправильную трактовку мной излагаемого.

Я, цитируешь ты, все «отвергаю с порога, мотивирую своей незаинтересованностью в полемике, выплёскиваю тот нюанс, который критичен в отношении мною же изложенного». Наоборот, может? Например, разве я могу не реагировать и пропустить твои искажения моего текста без соответствующих на то, порой злых, комментариев.

Ты утверждаешь, будто я считаю, «что как в живой, так и в неживой природе «многое объёмно и кругло» и, по моему выражению, «в этом смысле нет различий между живой и неживой природой». И далее, вне всякой связи с выше приведенным, продолжаешь, что «цикличность является моим «исходным постулатом», основной сущностью бытия» и что я отказываюсь «даже говорить о твоей версии цикличности, как частности (названной тобою случайным исключением), во всём многообразии живой и неживой природы, заявляя, что цикличность – «это основополагающая и абсолютно бесспорная очевидность». Это уже похоже на веру». Нет у меня таких глупостей: я так «коряво» своих мыслей не излагаю. И тут я действительно непримирим и пишу тебе, кажется с большей, чем хотелось бы даже, «заинтересованностью».

У меня было. «Ты искаженно меня цитируешь и потому поднимаешь на поверхность много пустой породы. «Кругу и шару» предшествует «закон замкнутого цикла», а с учетом его снимаются почти все твои вопросы и пояснения. Нет твоих различий между живой и неживой природой в том смысле, который ты имел в виду. В живой природе так же весьма многое объемно и кругло. Масса органов живых организмов организованы по правилу – максимальный объем при минимальной поверхности, а это почти шар, или максимальная поверхность при минимальном периметре – круг. О цикличности, которую ты отметил, как чуть ли не случайное явление в моих исходных постулатах, я не хочу даже говорить. Ибо это основополагающая и, считаю, бесспорная очевидность.

«Уникальнейшее изобретение вселенной» – мое чисто образное выражение, из которого, в рамках элементарной логики, совсем не следует твой вопрос о «Солнце, воздухе, массах» и даже твоим «существовании энергии». У тебя эти тут и далее следующие разные сведения – из того постоянно мной критикуемого набора никому ненужных вопросов и проблем, на которые нет и, возможно, никогда не будет ответов. Почему так, а не этак? Что из затронутого сначала и что потом? Вечно существовала энергия или нет? Подчиняется она существовавшим и существующим неизменным (возможно, меняющимся в зависимости от чего-то) законам или нет? – Чистейшая схоластика. Интересно, но бесполезно!».

С учетом тобою написанного перед этим, полнейшая у меня последовательность и логичность. У тебя же полное отсутствие логики и опять неправильное, просто безобразное, цитирование, что полностью искажает истинный смысл мною сказанного. Слова и фразы у тебя мои, а последовательность, связь между ними совсем другая, не моя.

Смысл моего: в том, что я констатирую «известное», на основании которого уже давно существует мир, и на основании которого можно предвидеть и уверенно предсказать движение в будущем; что меня практически не интересуют исходные основания моих констатаций, по причинам многократно тебе разъясненным; что все твои предполагаемые «основания», повторяюсь, не вписываются в мою прагматическую концепцию заведомо «известного»; и что я согласен их обсуждать из любопытства, как самостоятельные явления, но вне связи с моим «известным». Именно поэтому, и только поэтому, я отвергаю твой «поиск первичных законов бытия» в увязке с законом замкнутого цикла, который хорош сам по себе вне твоих: «цикличности» развития живой природы от низших организмов к высшим, расширения вселенной (если признать эту гипотезу), некругового движения световых и разных космических лучей, некругового движения от гравитационного притяжения и т. д.». Надо ведь столько накрутить!

Я, пишешь, обладаю «удивительным свойством (незаинтересованно!!!) обрушиваться градом упрёков на своего визави за то, что он не так, как бы я хотел, воспринял неудачно написанную мной фразу (или не так поняту, как я задумал) и отнёсся к ней критически. И это повторяется от письма к письму со ссылками типа: «перечитай то, что я когда-то писал».

И что же приводишь в доказательство?

Вне логики и двукратных тебе, разжеванных до предела, разъяснений в части отношения к прогнозам, цитируешь: «в общем и целом, в том, что определяет движение человека по жизни, что нас радует или возмущает, – мир останется неизменным не только в 21 веке, но и далее, в ближайшем обозримом будущем». Правильно. Но зачем потом о каких-то «колхозах в 20-м веке и дворянских усадьбах с крепостными крестьянами в 19-м» (т. е. о сугубых конкретностях), которые тут же и сам развенчиваешь фразой: «Но если, как ты разъясняешь, под этим понимается, что «и в следующем веке будут аналогичные катаклизмы и всё прочее», то, в принципе, я могу согласиться: да, будут, если не рассматривать их сущность». Но, извини за тавтологию, если ты все у меня понял, и понял абсолютно правильно (а такое у тебя стало чуть ли не системой), то, спрашивается, зачем эта твоя подчеркнутая мной дурацкая концовка и зачем этот огород с «колхозами...»?

Или далее. Тебе, пишешь, понравились мои утверждения о «запрограммированности природы...и ее генеральных составляющих», но, одновременно, упрекаешь меня в том, что твою «попытку поделиться своими конкретными соображениями на этот счёт, то есть по поводу сущности этих «исходных генеральных составляющих», я «обозвал никому не нужной схоластикой...» А разве я не прав? Ведь мое утверждение тебе понравилось и нравится мне. В нем суть земного устройства. А твои построения относительно свода генеральных составляющих – все на уровне чистых домыслов. Давай поспорим, буду рад, если ты одержишь победу.

Или еще одно, и опять вне моей логики. Ты цитируешь «Всякое прогнозирование – занятие достаточно бессмысленное». И далее правильно, наконец (с учетом моих разъяснений), добавляешь, что речь тут у меня идет о «прогнозировании конкретностей», и потому соглашаешься со мной и снимаешь свои возражения (правда, не извинившись за неверное прочтение предыдущего письма, и потраченное мною «драгоценное время» на повторение тебе очевидного).

Но что следует далее? А далее следует очередная нелепость, заключающаяся в таком сокращении (да еще специально для тебя подчеркнутого), которое полностью искажает мною сказанное, и приводит тебя, естественно, опять к неправильным выводам.

У меня во фразе «Что касается конкретных результатов человеческих деяний, как позитивных, так и негативных, то они, в силу не представляемого многообразия человеческих натур, их «бзиковой» устремленности и еще большего числа всевозможных сочетаний разного рода факторов, определяющих (характеризующих) движение (уже конкретного) человека по жизни, – просто не прогнозируемы» – идет речь о конкретных результатах человеческих деяний, как совокупного результата деятельности конкретных людей с их бзиковой устремленностью и прочее.

В цитируемой же тобой фразе «Что касается деяний...определяющих движение (уже конкретного) человека по жизни, – просто не прогнозируемы» – *конкретных* результатов человеческих содержится непростительное софистическое утверждение, что, наоборот, дела конкретного человека его «движение по жизни» (в том числе, надо понимать, самого последнего идиота) определяются результатами совокупного труда всего человечества. Я не говорю о чисто литературной «не читаемости» приведенной цитаты.

Далее, я действительно «касаюсь вещей весьма далеких от деяний конкретного человека» и веду речь о совокупных результатах человеческих деяний, а это «чуть-чуть» иное, чем деятельность индивидуума. Не так ли? Ты мог бы сослаться тут на элементарную оговорку, если бы не твоя следующая затем ссылка на то, что я «затрагиваю и революцию, и технические достижения, и т. д.», которые, как ты (извинительно) заявляешь, будто «и не пахнут упоминанием о конкретностях». А что же они эти «революции и достижения», разве они не конкретности и разве они не результат человеческих деяний?

Ну, как так можно, Матус?!

Заканчиваю, и, перефразируя тебя, хочу с не меньшим основанием заявить: «не мое недомыслие и не мой стиль полемики виновны» в том, что я вынужден постоянно что-то оспаривать, уточнять и разъяснять, «а твои оплошности в изложении материала», недопустимые оплошности, особенно, в споре и критике, о чем я тоже не раз уже напоминал.

Слава Богу, что хоть в конце письма снял свое замечание насчет «беспокойства о будущем». Но не злоупотребляешь ли ты «ожиданиями содержательных и критических откликов» на свои мне не вполне корректные послания?

Кое-что о себе и моих делах смотри ниже в приложении отдельных выдержек из дневниковых записей. Приложение. Выдержки от 21.04, 27.05, 30.05, 11.06 и 05.07.05».

02.08

Перечитывая выдержку от 21.04 о встрече с заместителем главы города Ляшенко по проблеме дворовой автостоянки, не могу не отметить, как на следующий день я увидел на улице «Победы» массу разной техники, рабочих, горы снятого с нее старого асфальта и развороченной земли, будто специально подчеркивающих исключительно оперативное и масштабное выполнение планов городской власти, о чем только вчера мне сообщено в Мэрии. Далее дело с реконструкцией улицы, пошло не так гладко и не так, как хотелось бы, но все же значительно быстрее и организованнее, чем обычно. Улица стала преобразовываться на глазах, и сегодня приобрела почти законченный вполне благообразный, радующий взгляд, вид. А вот, что касается нашей дворовой стоянки, то все осталось по-прежнему. Придется писать снова.

24.08

Вчера хоронили Ивана Ивановича Потапова. Умер он 21 августа скоропостижно во время пребывания на одном из местных уральских курортов. Красиво и легко жил. Так же ушел из жизни, не доставив никому ни забот, ни беспокойства.

На похоронах было много неизвестных мне людей. Из «больших» знакомых – только Кондратов и Талалаев. На поминальном обеде мы с Германом Астафьевым, опоздав, уселись на свободные места за первый начальнический стол, и оказались насупротив ведущего и рядом с ним сидящего Кондратова. Юрий Николаевич схода, по своему директорскому правилу, попросил меня выступить, и взяв у ведущего шпаргалку, вписал туда мою фамилию. Пришлось подняться, и в не обычной обстановке чего-то произнести, без подготовки и потому без ощути-мой для себя удовлетворенности, но, кажется, более или менее воспринятому по содержанию.

В ходе разговоров узнал, что Герман близко знал Потапова в молодые годы. Несколько лет жил с ним вместе в заводском общежитии. Рассказал даже, как он познакомил Потапова на танцплощадке в нашем саду с его будущей женой, бывшей тогда крановщицей. О своих собственных впечатлениях об Иване Ивановиче я уже писал в начале этих Записей.

06.09

Виталию вчера сняли швы после операции на сердце. Практически в предоперационном состоянии он находился все лето. Несколько раз в критическом состоянии попадал в больницу, лежал многократно под капельницами, пока не решился на операцию. У него была необычная форма аритмии, поэтому пришлось через вену запускать какие-то электроды в сердце, чего-то там повыжигать и только после этого вшить стабилизатор сердечных сокращений. Операция, проведенная под местным наркозом и при компьютерном управлении, произвела сильное впечатление не только на него, но и на меня, вообще в целом и, в том числе, в части возможностей и технической вооруженности современной медицины.

Зашел к нему, все показатели хороши и давление в норме, и пульс нормальный, но общее состояние неважное. Не только от послеоперационного непривычного состояния, но и более всего, думаю, от теперешней приборной зависимости, обязательной врачебной подконтрольности и прочих ограничений, в том числе и чисто хозяйственных.

26.09

«Дорогой Марк! Наконец осуществилась моя мечта, и состоялся долгожданный «исторический» акт – двухсторонней с тобой электронной связи! Не надо бежать на почту, не надо ждать твоего «более месяца» и, думаю, не надо тебе идти теперь с жалобой к местному почтовому начальству. Хотя, к слову, твое от 07.09 опять поступило 20.09, т.е. за тринадцать дней, причем, как обычно, с четким штемпелем нашей почты и размазанным штемпелем вашей. Так что у меня были основания «посмеяться» над этим обстоятельством. Почта теперешняя становится абсолютно иррациональной и уходит в прошлое.

А теперь по существу.

Твоя информация о «трубе» не корреспондируется с моими замечаниями по тем моментам, которые были подняты в переписке пятилетней давности. И по надежности трубы, и по трудоемкости изготовления, и всему прочему – и представлена сейчас, как будто я тогда, и в последнем своем письме, ничего тебе по этому поводу не сообщал, не возражал и не разъяснял.

Фирма «Машпром» это прямой конкурент нашей фирмы Шалаева, которая организована, на условиях полной финансовой самостоятельности, на базе конструкторских отделов прокатки, прессов, МНЛ, доменщиков и агломератчиков. А Машпром, по такому же типу и для тех же целей, – на базе, в основном, перебежчиков с Уралмаша и от того же Шалаева. Есть у них такие же люди и с других предприятий нашего города. Интересным в их работе является то, что они берутся за решение, кажется, чуть ли не любой проблемы, заключают с заказчиком контракт, а затем, в рамках его реализации, выполняя иногда только чисто посреднические функции, привлекают соответствующих специалистов со стороны, а то и фирмы, включая зарубежные. Так и по упомянутой ЛТМО они заключили контракт с ЧТПЗ на поставку «под ключ». Оборудование изготавливается везде, где можно, где дешевле. И Шалаев, и Котельников наш родной завод часто обходят стороной по причине дороговизны его услуг. У Котельникова, правда, есть свой собственный завод-цех в Тагиле, но он, в данном плане, не является определяющим и занимается, в основном, какой-либо мелочевкой.

Своим описанием процедуры организации вашего заводского экспертного совета ты меня удивил в очередной раз. Истинно, почти «магическое пересечение судеб». Я на эту тему, наших с тобой совпадений в шагах по жизни, при разных встречах с разными «старперами» при случае рассказываю разные байки, и даже завлекательно, судя по реакции слушателей. Кстати, под впечатлением напечатанной в журнале «Конверсия» первой части твоего опуса про милевскую историю, я таким образом развлекал своих бывших коллег в прошлую пятницу на фирме Шалаева при встрече, посвященной дню Машиностроителя. Развлекал именно с позиций этих совпадений в «шагах» у тебя в истории с Милем и у себя по случаю отдельных событий, связанных с балочным станом. Немало нахожу совпадений в своих подходах с тем, что имело место при пуске твоего стана в Японии. Да и вообще, когда читал твои рукописи, постоянно ловил себя на мысли, чуть не идиотического, единения в наших «методах» разрешения тех или иных проблем и задач, включая поедание в юные годы судака в ресторане гостиницы Москва.

А вот рекомендацией Путину по составу Общественной палаты ты меня поразил. Благодарен тебе не за саму акцию (она, как и все у нас в подобной области, – наивна, ибо в «палате» такие «троглодиты», будем надеяться, пока, – не нужны), а за твою личностную при этом столь лестную и архи возвышенную характеристику моей особы.

О нашей жизни. У меня неприятности. Галя приковала себя к постели, а меня к себе уже на протяжении целой недели. У нее от падения случился радикулит, а это при ее парализованности и относительной неподвижности – довольно страшная штука. Лечу ее сколько могу, но пока без подвижки в желаемом направлении. Вот так.

Бывай здоров. Жду ответа на мой вопрос о сбербанковских реквизитах. Журналы, по напечатании продолжения, вышлю бандеролью, а сейчас пока посылаю в качестве приложения копию того, что помещено было в текущем номере».

11.10

«Матус, дорогой, здравствуй! Отвечаю на твоё с интересной, и опять завидной для меня, информацией о свадьбе дочери Ласточкиных, общем числе приглашенных (180 человек!), в том числе, и главным образом, столь значительном (аж полсотни) количестве твоей родни. Рад за вас. Горжусь, и еще раз завидую!

А вот у меня семейные дела, можно сказать, совсем плохи. Внук, единственный, меня не радует ни в каких отношениях. Вагон самостоятельности, всяких желаний и устремлений – но все на таком уровне способностей к проигрыванию принимаемых им решений, который, по

моим понятиям, просто лишает человека права на самостоятельность. Сплошные упущения и ошибки. Остается надежда, что таким же путем, не воспринимаемым окружающими, шли по дороге жизни многие вполне известные и даже выдающиеся отдельные личности. Но это исключение, а потому меня мало успокаивает. К тому же, расчет на желаемый результат катастрофически снижается с каждым днем по мере внукового «мужания».

А нынче мой «настрой» еще здорово «завалился» и по причине резкого ухудшения здоровья Гали.

Забудем, однако, о болячках, и поговорим о делах иных.

О службе Шалаева тебе писал подробно в предыдущих письмах.

О «социально-политической ситуации в России». Ты правильно меня понял. «Но как, – задаешь ты вопрос, – это все будет делаться?». Так, как я себе представлял раньше.. Большие системы обладают свойством самонастраивания и самосовершенствования. Свобода и рынок этому не препятствуют, а способствуют. Отсюда, если не будет изменений в политике (а оснований видимых на то в ближайшем будущем нет), мы можем Россию лет через двадцать пять (ко времени прихода к управлению и делам второго «послереволюционного» поколения) – не узнать. Пойдет это по линии, прежде всего, все возрастающей опоры общества на его созидательную часть. Как частный случай, в том числе, и за счет отмеченного тобой разумного сочетания между «государственным и частным».

Наконец, о нашей дискуссии. Согласен с твоей оценкой. Думаю, в ней действительно много появилось того, что следует отнести к тавтологическому самоутверждению обеих сторон. Из нами написанного, при корректном анализе, вне завода, можно сделать, полагаю, вполне достойные конструктивные выводы. Потому я принимаю предложение: «дискуссию на данную тему заморозить», и даже, – вне разбора тобой второй части моих предыдущих от 30.07 «доказательств».

Написал вот такую вежливо-компромиссную концовку, а перечитав последние наши с ним письма (в части полемической их составляющей), еще раз убедился (о чем уже как-то писал Гриншпуну), что Цалюк сдает, что у него «просто разжижение мозгов от большой израильской жары», что с ним у меня постоянно идет спор, причем очевидно менее корректный с его стороны.

25.10

Интересная информация. В газете «Завтра» опубликовано интервью с учредителем Института национальной стратегии неким Станиславом Белковским о проекте новой российской Конституции, который сочетает в себе то, что еще недавно казалось несоединимым: «монархические» полномочия президента и правительство парламентского большинства, восстановление федерализма и легальное закрепление прав России на территорию бывшего СССР.

«Проект, разработанный группой экспертов Института национальной стратегии под руководством Михаила Ремизова, ориентирован на политическую элиту завтрашнего дня. На тех, кто сможет взять на себя ответственность за страну после ухода ельцинопутинской корпорации от власти.

С принятия Конституции должен начаться процесс формирования нового государства.

России суждено выжить и сохраниться в истории, нынешнее поколение правителей скоро уйдет со сцены. Никакое безвременье не может длиться вечно.

Новое государство – это и будет Россия. А не бесформенный большой обломок Советского Союза, в котором случайно застряли застигнутые крушением империи 150 миллионов человек. Государство, основная цель и смысл существования которого – возрождение и защита нашей уникальной цивилизации.

Нынешняя Конституция – Основной закон безвременья, он написан для страны, которой будто никогда не существовало в истории. Для страны – правопреемника фиктивной РСФСР

(а не реальной исторической Российской Империи), которая обречена растаять, раствориться в надгосударственных структурах, представляющих другие, якобы единственно возможные цивилизации. Вот она и растворяется. Правящая элита РФ живет как бы вне истории: она исповедуют не только принцип «после нас – хоть потоп», но и веру, что до их прихода к власти всё, чем жил её народ, не имеет значения. Россия не объект служения, а площадка, на которой делаются деньги, спасаемые от Божьего и человеческого суда за пределами Российской Федерации.

Следующее политическое поколение должно прийти и сказать: это наша страна, мы ее построим, и у нас есть проект, как это сделать. Нынешняя Конституция безнациональна, она не привязана к месту, она не отвечает целям настоящего национального строительства. Кроме того, никакая эволюция сущности под названием «постсоветская РФ» невозможна. Нужен учредительный процесс, который приведёт к созданию государства – качественно нового по отношению к ельцинопутинской переходной модели, исторически преемственного по отношению к Российской Империи и СССР.

Верховная власть в России должна быть сильна своим сакральным характером и непогрешимостью. Поэтому президент не должен заниматься экономикой, вмешиваться в бизнес, месить грязь. Он должен быть символом государства, гарантом единства нации и моральным лидером. И суетиться на своем особо ответственном посту он тоже не должен. Поэтому мы и предлагаем установить срок президентских полномочий – 7 лет, не ограничивать никак количество сроков пребывания одного лица на президентском посту, но, вместе с тем, передать все вопросы социально-экономической политики правительству, формируемому Государственной Думой. В парламенте будут кипеть политические страсти, президент же должен стоять над ними, по сути, над разделением властей как таковым. Подобная позиция усиливает президента как общенационального лидера, а отнюдь не ослабляет. Президент становится почти конституционным монархом, и с точки зрения России, мы считаем, это хорошо и правильно.

Путинская «вертикаль власти» – фантом и блеф. В каждом звене этой вертикали сидит чиновник, который умеет только – воровать. Никакого служения государству нет, и потому отвечать за результаты своих действий он не собирается. В этом смысле пресловутая «вертикаль» похожа на классического гаишника: когда пробка или авария – его днем с огнем не сыщешь, зато ночью, когда никакой угрозы дорожному движению нет, – стоит и занимается поборами.

Власть от Путина к лидеру следующего поколения должна, естественно, переходить в рамках нынешней Конституции. Но дальше – реализация нового национального проекта, и требуется учредительный процесс, оформляющий его старт.

Недавно один видный либеральный публицист опубликовал статью-манифест, где прямо сказал: подполковник Путин достался нам благою волей Провидения. Нынешний президент защищает горстку избранных, имущих, обласканных от быдла, именуемого русским народом. Смысл режима передан точно. И чем скорее он закончится, тем больше вероятность сохранения российской цивилизации».

Такой вот «интеллигентский» призыв к объединению и восстановлению Государства! А ведь это фактически призыв к войне. Умопомрачительная очередная гуманитарная наивность и полнейшая оторванность от реальной действительности. Тем не менее, подобные писания возникают не на пустом месте. Обстановка в стране кризисная, экономически неустойчивая и чревата, по крайней мере, очередным финансовым крахом.

29.11

Позавчера получил письмо от Цалюка. На удивление ни слова о нашем споре, разобранным мною в предыдущем послании.

«Матус, дорогой, здравствуй! Отвечаю на твоё от 27.11. Галя, слава Богу, немного отошла, слезла сколько-то с постели и освободила меня от ночных бдений. Но в свою предшествующую норму еще не вошла, практически не ходит, так что на кухню вожу ее на коляске, заставляя, правда, перед тем сделать несколько шагов для разминки. В целом заметно сдала. В прошлое воскресенье, например, во время небольшого гостевого приема, просидела за столом не более получаса, не произнесла ни слова, и попросила уложить ее на мой топчан, а затем и вообще увезти в ее комнату. Любимое нынче занятие – смотреть телевизор, лежа в постели, и спускать с нее ноги лишь «по нужде». Однако данная ее способность, позволяет мне свободно хотя бы на несколько часов отлучаться из дома. Жить можно. Такие теперь мои запросы. «Не так, как хотелось бы, и не так, как... в прежние времена». По ассоциации. Эта фраза приведена в прошлом моем письме в части оценки фирмы Шалаева. Какие у тебя возникли относительно ее сомнения, двоечения? Разве не ясно, что так, как работали, едва ли кому-нибудь, по крайней мере, из числа прямых наших наследников, доведется в их будущем). А за сочувствие спасибо.

Получил недавно письмо от Гриншпуна, пишет о своих невзгодах, о том, как возил жену в московскую клинику для операции на глазах. Сам болен. Еле выдержал, сообщает. Спрашивает меня, куда девались вы с Соловейчиком, спрашивается о здоровье Н. Бельха и своего приятеля, еще по школе, Шляпина. Звоню им. Один после операции, еле ходит; второй даже не взял трубки, не слышит и не видит – говорит супругу, с жалобой на собственное здоровье. И так со всех сторон – куда не позвонишь, с кем не встретишься. Нисковских месяц назад поставил сердечный стимулятор, а перед этим, в связи с какой-то нестандартностью его заболевания, ему ухитрились через вену ввести в область сердца электродный зонд и там дополнительно выжечь еще что-то лишнее. Одновременно признали рак у Асиной сестры Ольги, которая наполовину живет в их доме. А несколько дней назад звоню, и узнаю, что Ольга упала и так расшиблась, что была увезена на скорой. Сейчас лежит в больнице. Ася два месяца из-за них в постоянной беготне по больницам. Кругом отрицательные эмоции. Несколько в меньшей степени – среди знакомых следующего за нами поколения.

Прошу, доставь благость Марку, черкни ему пару строк. Можно по интернету через внука по адресу <grinshpun@bk.ru>. От Петра ничего нет больше года. Сколько не пишу ему по разным адресам, полученным от Нисковских или от его душеприказчицы Люси Федоровой (она занимается отдельными его финансовыми вопросами) – никакой реакции. Впрочем, «так же», он переписывается и с ними. Не то старый стал и все путает, не то у него, по той же причине, что-то происходит с компьютером.

В части Ньютона и Эйнштейна. Ты неправильно пишешь, что у меня в книжке «рассмотрены» только «философы и политики». Есть там и про ученых и про инженеров, отсюда и речь в ней о «двух полюсах». Однако без Ньютона и Эйнштейна потому, что к тому моменту мало чего было у меня от самого Ньютона и совсем ничего из Эйнштейна.

В Ньютона я влюблен, и ссылки на него все же есть в нескольких местах, и сделаны они все с величайшим к нему почтением. А вот Эйнштейн, по всему многому о нем прочитанному (но не самого), мне не нравится. Но это мое, может и несколько предвзятое, к нему отношение, которое я никак не могу преодолеть при своих философских взглядах на бесконечность мира, его принципиальную не познаваемость. Не восприятие потому всего претендующего на абсолютность. Так что, в порядке корректировки своей «ограниченности», буду рад получить твой «соответствующий материалчик». Жду заинтриговано, и потому отвечаю так быстро, почти без задержки.

Р. S. Книгу Б. Кузнецова «Эйнштейн. Жизнь. Смерть. Бессмертие» попытаюсь разыскать. А ты постарайся найти что-либо из тенденциозно сочиненного писателем – критиканом Веллером. Я недавно прочел две книжки: «Всеобщая теория всего» и «Великий последний шанс». Судя по издательской настырности, они у вас есть».

02.12

«Дорогой Марк! Отвечаю на твое от 04.11 опять с недоумением по поводу «неуважения» к моим посланиям, о котором я не раз тебе напоминал. Я стараюсь, трачу усилия, не оставляю без внимания ни одного вопроса или проблемы, подробно излагаю свою позицию, а ты обходишь мои «старания», в подавляющем числе, без какой-либо реакции. Ни слова, ну хотя бы для того, чтобы осознать: правильно я тебя понял или нет, согласен со мной или нет.? Конкретно, в твоём письме есть упоминание только о компьютерной переписке и ничего о « трубе, фирме «Машпром», вашем экспертном совете, магическом пересечении наших судеб»... Интересно, как воспримешь ты это письмо, которое сейчас подготовлю в подобном твоему варианте? Устроит оно, или у тебя возникнет желание услышать чего-нибудь еще дополнительно из того, что было затронуто в твоём? Написал это, и подумал: «Какой же я осел, ведь у него нет копий своих писем, а без них вся моя затея лишена смысла? Ничего он не поймет, и моих волнений не оценит». А потому не буду нарушать своих правил.

Твоя программа комбинированной переписки: я тебе электронной, а ты мне обычной почтой – принимается. Особо, с учетом передачи по первой твоих срочных сообщений».

Далее я повторил практически то же, что написал Цалюку и закончил следующим.

«Был удивлен наивностью в части появившегося вдруг желания реализовать проект производства труб с продольными ребрами. Не поздновато ли обратился к идее, аж, сообщаясь, «шестидесятых годов прошлого столетия»? Тут я просто не мог не вспомнить о подобной затее с «тагильским трубным проектом», а также о недавно, до операции, аналогичном увлечении Нисковских разработкой роторного двигателя, идея которого у нас родилась примерно в те же годы, что у тебя с ребристыми трубами. Так что ты не одинок в старческой увлеченности. Мир тесен во всем – даже в одержимости людей. Я всегда придавал ей должное значение в деле движения человека по жизни. Но... проявляемой своевременно! Был, правда, Патон со своей сваркой, однако тогда ему было только 60, а не твои 80.

Приветы твои всем передал. Бывай здоров. Мои добрые пожелания твоему семейству.

P.S. О гонораре не переживай: его еще надо получить. Очередной журнал напечатан, а спросил издателя о деньгах – опять нет. Предложил подождать окончания печати твоего опуса.

04.12

Хазанов организовал юбилейный, весьма остроумно и хитро срежиссированный, концерт. Он разбил жизнь на 12-ть пятилеток, и каждую из них сопровождал кратким вступлением и соответствующими отлично снятыми картинками с показом эпизодов из жизни и собственных выступлений. Тем самым сделал себя главным из выступающих, причем в относительно молодом, а, следовательно, более привлекательном возрасте, в сравнении со всеми его поздравлявшими. Два скетча, которых я ранее не видел, произвели на меня впечатление.

В первом он имитировал выступление Черномырдина во времена премьерства, подготовленного якобы им, как он сказал, по официальной стенографической записи, в которой будто не изменил ни единого слова, не перенес ни одного нужного по тексту знака препинания. Зал тонул в хохоте, а я слушал и думал: «Что за страна, что за быдло мы все, коль позволяем держать у себя на престоле подобное Черномырдину»? И никому, вроде, нет дела до того, что он не только по речам, но и по делам, – не только ничтожество, а и прямой преступник. Ведь финансовая катастрофа 1998 года с уникальнейшими неведомыми миру денежными махинациями, породившими в один присест десятки частных многомиллиардных состояний, была полностью подготовлена им (по крайней мере, при нем), а не посаженным на премьерский пост юнцом.

Во втором Хазанов изобразил Ельцина, не меньшего преступника, но умного и хитрого, порой столь же косноязычного, как и Черномырдин, но всегда знающего чего он хочет, а потому использующего «дефект» как бы для пушного издевательства над ограниченностью сво-

его чиновничьего окружения. Ельцин тут на сборище в роли тостующего, талантливо обкатанной Хазановым, после нудной полупьяной словесной карусели о величии России, заявив, что «сделать Россию великой можно только через культуру», предлагает, наконец, выпить за великую Русь. И, одновременно, в своей изначальной манере, обращаясь к исполняющему обязанности Главы правительства Сосковцу, просит дать денег... на культуру. Опять у меня такое впечатление, что ни Хазанов, ни участники сборища, перед которыми Ельцин выговаривал тост, ни присутствующее на юбилейном Хазановском концерте – ничего не осознали.

Увидели только клоунаду, а отнюдь не то здоровое, что было скрыто Ельциным за обращением к Культуре, которую считаю главной составляющей в деле здорового становления любого государства.

Хотя в целом, не могу здесь не отметить, Хазанов в отличие от многих – молодец, нестандартно мыслящий человек, верно понимающий текущую ситуацию.

25.12

В четверг часа в два позвонил Андрей и сообщил, что Люся в полуобморочном состоянии, он вызывает скорую помощь. Увезли ее в больницу, а в 10 вечера она скончалась.

Какая-то несусветная напасть на наших молодых родных и близких, некий злой рок!

Первый сигнал – это нелепая, в возрасте чуть не 40 лет, смерть Соколовского. Затем одно за другим самоубийства двух студентов: Андрея (сына Бакуниных) и Саши Кутузова (племянника Гали). Ранняя смерть Валентина и Юлии Троицких. Смерть в 30-летнем возрасте Маши Бойко (племянницы Гали) и Веры (первой жены Андрея). Самоубийства в 40-летнем возрасте: моего сотрудника и бывшего соседа по дому Толи Филатова, а через некоторое время – нашего старшего сына Саши. Непонятная, похожая на самоубийство, смерть сына моей ближайшей помощницы по работе Беспаловой. Преждевременная смерть Саши Калинина и Алексея Вараксина. Трагическая гибель Алексея Ефимова (брата Люси). А теперь вот и смерть самой Люси, сделавшей Андрея вдовцом вторично. Не много ли? И, к тому же, почти все сверх противоестественно, ненормально.

30.12.

Андрей устроил обед по случаю девяти дней со дня ее смерти. Так закончился у нас 2005 год.

2006 год

06.01

Два дня подряд принимал гостей. Позавчера – двоюродных сестру и брата: Ирину и Юру с женой Верой, а вчера Володи Шнеера семейство: Таню, Лену с мужем Толей и Аню с мужем Хольгером и сыном Вовкой, прилетевших сюда на Новый год.

Всех поименованных сегодня можно отнести к категории боле или менее преуспевающих. При работе. Многие с вполне приличной зарплатой. Особенно Вера, которая теперь, как и во многих других нынешних семьях, поменялась местами со своим Юрой. Она удачно вписалась в систему Газпрома с месячным доходом аж в тридцать тысяч рублей, причем на рядовой должности, в то время как он – в своем прежнем железнодорожном институте на преподавательской работе – с кандидатскими пятью тысячами. Почти такое соотношение в финансовом плане сложилось и у Толи с Леной. Неплохо устроилась Ирина на архитектурном поприще. Татьяна тоже при деньгах, но при большой трудовой напряженности. О голландцах Хольгере и Ане можно не упоминать. Эти дважды в году посещают отеческий дом, не считая разных каникулярных и прочих поездок по Европе.

13.01

Около недели назад у меня случилось чего-то с головой, а вернее с ее вестибулярным аппаратом. Резко поднявшись из положения лежа на диване в положение сидя, т. е. повернувшись на 90 градусов, я увидел отчетливо как, примерно, с такой же скоростью моего собственного поворота, и в той же плоскости, комната повернулась на тот же угол, при этом дальняя от меня стена стала горизонтально, а потолок, поворачиваясь, уплыл за мою спину. Естественно, я тут же переключил на сие не радостное обстоятельство свое внимание, стал проделывать с разной скоростью повороты и наблюдать, что при этом получается, что вокруг и как скоро крутится. По чьей-то рекомендации принял даже за таблетки пирасетама, правда в несколько меньшем, чем мне посоветовали, количестве, и неожиданно обнаружил... что у меня не болит ни нога, ни рука. А потому, впервые с весны позапрошлого года, проделал, в полном объеме и без каких-либо неприятных последствий, свои знаменитые «лежачие» упражнения с восьмикилограммовой гантелью (поочередно правой и левой рукой по 250 раз выжиманий и всевозможных покачиваний), и тут же заснул мертвецким сном. Сегодня утром нога и рука – в полном порядке. С головой не так, но, вероятно, под воздействием неожиданного излечения ноги и руки, и с ней стало много лучше: стена и потолок ходуном не ходят. Вот это переключение внимания с одного на другое и последствия такового переключения – прямое подтверждение моей «теории» излечения с помощью психологического на себя воздействия и, в частности, моих заметок от 09.03.05 года по статье академика Рэма Петрова об иммунитете.

16.01

«Дорогой Марк! Несказанно рад твоему большому письму. Новогоднему поздравлению с оригинальным пожеланием «Только бы не было хуже!»; соболезнованию по поводу случившегося с Галей; объемному лирическому отступлению о «грубости, хамстве» и противостоящей им «деликатности», как «основном признаке интеллигентности», чего придерживался и что всегда пропагандировал сам. Еще одного, радующего меня, подтверждения единения наших душ и общих взглядов на жизнь!

А потому, дабы, упаси бог, они не были поколеблены даже на йоту, перехожу немедля на твои возражения по моим замечаниям, которые ты изволил назвать «упреками», сославшись при этом на слова о твоём «неуважении к моим посланиям». Попробую и я оправдаться перед тобой за, хотя и с юмором сделанное, но вполне корректное мое заявление. Однако прежде, как обычно, об исходных на то основаниях и дополнительных по сему пояснениях.

Во-первых, – я очень осторожно, до педантизма, отношусь к любой своей критике, особо, излагаемой на бумаге (отсюда, например, у меня многое цитируемое, для достоверности, заключено в кавычках). И может потому я не помню случая, когда бы в части подобного плана замечаний опростоволосился, ошибся и был опрокинут чьими-либо, не парируемыми мною обоснованно, возражениями.

Во-вторых, – ради предельной объективности, по возможности, всегда стараюсь оговорить разные «граничные условия», в том числе, ее, критики, восприятия тем, кому она адресована. Именно по этим соображениям в письме от 02.12.05, во избежание ошибочной твоей на него реакции, я специально заострил внимание на отсутствии у тебя «копий своих писем» (а вероятно, добавлю теперь, и моих), без которых можно «ничего не понять, и моих «волнений» не оценить».

Иными словами, призывал к особой осмотрительности в части оценки того, на что у тебя нет «документальных подтверждений». К сожалению, ты на это не прореагировал.

Я привел оспариваемые тобой соображения на основании наших писем, и только с учетом фактически излагаемого. Ты же свои возражения – по памяти и придуманным экспромтно предположениям. Отсюда моя ссылка на то, что в твоём письме «нет ничего о трубе, фирме «Машпром», вашем заводском экспертном совете, магическом пересечении судеб, Обществен-

ной палате» – абсолютно корректна. По крайней мере, в части означенного твои возражения из нее никоим образом не вытекают и с ней не увязаны.

Не буду разбирать все. Коснусь лишь очевидно бесспорного примера – твоего «разъяснения» по «трубе». Смотри и сверяй с тем, что у тебя еще сохранилось, или принимай на веру.

В своем от 22.07.05 я писал: «А вот еще из той же истории необычных совпадений (обрати внимание на эту посылку!). Вспомни пятилетней (как быстро течет время!) давности переписку по трубе, в связи с моим обращением к Росселю о строительстве на НТМК цеха для производства одношовных труб. Ты тогда, высказавшись сперва за одношовный вариант, после моих тебе возражений, неожиданно (чему я был удивлен, и написал тебе об этом, но так ответа на свое удивление от тебя и не получил), без каких-либо дополнительных пояснений, поддержал мое предложение о производстве двухшовных труб. Единственное, что я нашел тогда в ответе на мои возражения, что можно было как-то увязать с таковой поддержкой, так это упоминание о возможности «механического упрочнения швов».

Ты же, проигнорировав эту четкую реплику, в письме от 07.09.05 ринулся в довольно пространное и категоричное утверждение о всегдашней неизменности «своей позиции по вопросу двухшовных и одношовных труб». Вот почему в моем от 26.09.05 и появилось, вполне логичное: «Твоя информация о трубе не корреспондируется с моими замечаниями по тем моментам, которые были подняты нами в переписке пятилетней давности (См. хотя бы мое, как бы итоговое, письмо от 05.11.00). И по надежности трубы, и по трудоемкости изготовления, и всему прочему. А сейчас представлена так, как будто я тогда и в последнем своем письме ничего тебе по этому поводу не сообщал, не возражал и не разъяснял».

Ты же опять, вне мною приведенного, – якобы «точно помнишь, что в твоё время вы занимались ЛТМО, и ЧТПЗ экспериментировал...» и т. д. Писал же ты мне пять лет назад 30.05.00, действительно о том же, но совсем в ином контексте упомянутой защиты варианта одношовной трубы. Цитирую точно. «... Даже если применить упрочнение швов, например, раскаткой (такие работы ведутся и небезуспешно), все равно некоторое преимущество одношовных труб остается». Напомню далее. После моего ответа на него от 07.06.00 ты вдруг, без всяких аргументов и какого-либо анализа моих замечаний, 19.07.00 уведомил о самом главном в данном нашем споре, что по «большой трубе абсолютно со мной согласен». Таковы факты. Надо же придумать – «Точно помню...!?!». Ведь и слова-то «ЛТМО и ЧТПЗ» ты явно позаимствовал из моего рассказа о Машпроме: в более ранних письмах они нами ни разу не упоминались.

Так же и по остальным четырём позициям замечаний из письма от 26.09.05 года, и в части твоих ребристых труб, Я об одном конкретном, прямо вытекающем из того, что писано тобою, а ты вне моего о чем-то своем (придуманном и по памяти) – как ты чего-то и когда-то, вроде, на данную тему уже писал. Думаю, таковое происходило и происходит не только из-за отсутствия у тебя копий своих писем, но, в какой-то степени, и по причине не достаточно внимательного прочтения моих, вне расставленных мною акцентов. Просмотрел сам и мое, и твое еще раз – все, касающееся дела, у меня до безупречности последовательно и логично и никоим образом не должно было бы вызвать твоих последних возражений и недоумений. При всем старании не могу склониться к обратному. Ведь основной лейтмотив моих писем конца прошлого года, прошу обратить на то внимание – «магическое пересечение судеб, наших с тобой совпадений в шагах по жизни», моей сим обстоятельством удивленности. ВИЗ, Машпром, ЛТМО – все в связи с этой «удивленностью». Остальное – простое мое краснобайство, элементарное музыкальное сопровождение.

О делах житейских.

Гале, против того, о чем писал, стало несколько лучше, но далеко еще до прежнего состояния, предшествующего ее падению.

Лену и Николаю звонил, передал привет от тебя. Лен плох совсем, не слышит, не видит, к себе не приглашает, к телефону давно не подходит, так что разговариваю теперь только с Мариной. Всего тебе доброго. Привет родным».

19.01

Чуть не с годовым перерывом восстановил переписку Соловейчик.

16.01

«Петя, спасибо за письмо. Сообщаю о некоторых отрывочных новостях из дневниковых записей, которыми продолжаю иногда заниматься». Далее привел ему записи от 30.05, 05.07, 24.08, 06.09, 11.10 и 25.10 за 2005 год; от 06.01 и 13.01 за 2006 год.

19.01

«Петя! Рад последнему письму, твоему по-прежнему трезвому, наблюдательному уму, и даже совсем почти, против прежнего, безошибочному тексту послания. Однако чтобы совсем снять мои «претензии» к досадным опечаткам, прошу тебя пропускать набранный текст через «F7». Тогда ты, по крайней мере, элементарно исключишь наиболее массовые у тебя пропуски интервалов между словами и пропуски отдельных букв. Посылаю для справки отредактированный мной текст, который ты можешь сравнить со своим.

А теперь ответы на твои вопросы.

Фирма «Машпром» это прямой конкурент нашей фирмы Шалаева. Колтышев тот самый парень, что работал у Леонида, но, несмотря на то, что он его выгнал в свое время за какие-то грехи, ко мне Колтышев, судя по всему, своего отношения не изменил и о Леониде ни разу не заикнулся. Шалаев боялся, видимо, тех самых возможных осложнений, о которых я его предупредил предлагая свои услуги, а именно психологического порядка негатива от восприятия народом моих замечаний по готовым проектам. Ведь их, принимая во внимание мою дотошность и «любовь» к безупречной (по простоте, технологичности, экономичности, надежности) конструкции общемашиностроительных элементов, было бы не мало. Работа с Машпром выявила то же, хотя я честно предупреждал о «негативе» и Колтышева. Сейчас он ищет, если ему верить, возможность реализации моего предложения по созданию (разработке) отдельных оптимальных конструкций непосредственно в рабочем процессе одной из конструкторских групп, где бы я, так сказать, исполнял роль «технического директора» при их «красном директоре». Тогда бы, при достойном последнем в части деловой совместимости, можно было бы эту психологическую проблему снять, хотя бы в рамках эксперимента. Бывай здоров».

22.01

Мир тесен. История с большой трубой неожиданно получила свое продолжение по линии семейных связей.

Во время недавнего приема родственников из ветви Новоселовых я рассказал, как в свое время написал Росселю пару писем о намечаемом строительстве на НТМК комплекса для производства труб большого диаметра, и затем вышел с этой проблемой на контакт с Гриншпуном и фирмой «Машпром» с ее ЛТМО для Челябинского трубного завода.

Не успел закончить, как мой двоюродный братец, вооружившись идеей «тесноты мира», вскочил и чуть не выкрикнул: «Володя! Слушай, твоя история может иметь еще одно не менее занимательное продолжение, и в том же духе необычных при том совпадений. Ведь на ЧТМЗ начальником лаборатории работает наш родственник Б. Самохвалов, двоюродный брат Веры. Представляешь, если ты обратишься, какую он может дать по делу дополнительную, не отягощенную официозом, полезную информацию».

Вчера я, через их сына Сашу, получил интернетный адрес Бориса Михайловича, тут же накатал ему письмо. Изложил кратко суть истории (приложил копии отдельных записей), и закончил просьбой сообщить мне названную информацию о ЛТМО, планах реализации проекта, и его, не официальную, оценку ожидаемого качества будущих труб с упрочненными подобным образом швами.

Посмотрим, насколько он оправдает «самохваловскую» фамилию и как ответит на мое послание? Развернуться и позубоскалить тут есть над чем.

25.01

На днях позвонил Кондратов и сообщил, что написал книгу об Уралмаше, она недавно издана, и я могу экземпляр ее получить в службе Агеева. Поблагодарив, пообещал обязательно внимательно и с заранее ожидаемым удовольствием все прочесть и передать свои впечатления. А сегодня зашел в контору Агеева, и его сотрудница вручила мне книгу. Видимо, Кондратов решил все обставить с «директорским» апломбом. Чтобы не возиться самому, составил упомянутый список, и попросил Агеева выполнить адресную раздачу книг, под звучным названием «Наш Уралмаш – гордость XX века» изданных Уральским литературным агентством с соответствующим их названию размахом, в отличном оформлении, общим тиражом в 700 экз.

Вот, оказывается, чем был вызван его звонок мне 26.10.04 года с просьбой назвать имена известных конструкторов прокатчиков: он занимался книгой.

28.01

Сегодня поведал Кондратову первые впечатления. Сказал, что индивидуальный авторский труд явно отличается от коллективного творчества, что его книга просто не сравнима с последним юбилейным сборником об Уралмаше, ни по полноте, ни по стройности и логике изложения. Получился изумительный справочник о заводе и его людях. После моих хвалебных слов перешли к более критичному его рассмотрению, и между нами состоялся следующий диалог.

– Да, я старался рассказать о всем, что нами было сделано. Однако переживаю, не забыл ли кого из людей, достойных быть упомянутыми.

– Этой стороне Вашего труда я поражаюсь. Потрясающая скрупулезность, я не нашел ни одной фамилии, которая бы не была приведена в книге. Разве какое-нибудь редкое исключение, да и то, как мне кажется, в силу тех или иных авторских на то оснований. Но есть одно замечание, так сказать, более масштабного идейного порядка. Я усматриваю у нас с Вами разную оценку того времени.

У Вас оно представлено в мажорном виде, и непонятно, откуда тогда появился этот настрой в стране на перемены, откуда фактически случившаяся у нас контрреволюция и возврат к капитализму.

– Да, я сознательно не назвал виновных в том лиц, хотя их преступные имена хорошо известны.

– Юрий Николаевич, но ведь это, мягко говоря, – заблуждение. Разве суть в желаниях конкретных лиц? Проблема – системного порядка, а отнюдь не действий лиц, имена которых Вы, по причине своего глубочайшего, видимо, возмущения, не называете. Я догадываюсь, кто имеется в виду, и к ним отношусь с не меньшим презрением, но ведь дело далеко не в них. Вспомните, что написано о революциях в моих «Заметках». Не помню реакции Кондратова на это принципиальное замечание, но, кажется, он от него ушел, и разговор закончился общими фразами.

Давно заметил, что расставленные мною в «Заметках» однозначные точки не нравятся подавляющему большинству из числа крупных, бывших и теперешних, начальнических лиц. Как из тех, кто когда-то активно пропагандировали советскую систему, и в силу определенных

обстоятельств, остались на прежних ее позициях, так и тех, кто, в угоду властных поползновений, мгновенно предали старую идеологию, забыли атеизм, превратились в ярых защитников церковного мракобесия, пресловутой демократии и наглого рыночного капитализма. Я не обижаюсь на них – такова пока, к сожалению, правда жизни, таковы законы бытия.

В продолжение и в дополнение к тому, о чем ранее упоминал, хочется добавить о Кондратове несколько слов.

Мы одновременно начали трудовой путь на Уралмаше, почти одинаково продвигались на начальных стадиях, одновременно стали руководителями групп, а затем и начальниками бюро: я – в конструкторском отделе, он – в технологическом. Одновременно с ним, во второй половине 50-х годов, вышли с ним на орбиту заводского масштаба. Однако далее, я стал делать «карьеру» в области главного своего служебного амплуа – инженера проектов, при предельной должности заместителя главного конструктора; Кондратов же быстро и последовательно, нигде долго не задерживаясь, стал продвигаться по карьерным ступеням, пройдя последовательно пути главного технолога, главного инженера, директора завода и даже заместителя председателя облисполкома. Судя по тому, что я знаю о Кондратове (и, естественно, о самом себе) мы на протяжении всех лет нашей работы придерживались достаточно активных и в одинаковой мере мне импонирующих позиций. И, тем не менее, в отличие от всех остальных должностных лиц завода в их столь же многообразных рангах, мы, до удивления, почти не сталкивались с ним по основной работе. Исключая разве, какие-либо мелочи, о которых я упомяну ниже. Я теснейшим образом работал со всеми технологами завода, но не помню случая таковой работы с Юрием Николаевичем. То же касается периода его работы главным инженером. И лишь, когда он стал директором завода, наши дороги сколько-то пересеклись, да и не могли не пересечься, поскольку не только завод, но и вся область в ту пору занимались строительством цеха прокатки широкополочных балок на Нижнетагильском меткомбинате. Что же мне вспомнилось сейчас от состоявшихся встреч с Кондратовым?

Как не странно, сперва – юбилейный вечер по случаю 50-летия А. Семовских. Прихожу к нему, и... застаю там Юрия Николаевича, только-только ставшего Генеральным директором. Он тут в связи с тем, что они с Семовских, оказывается, вместе учились на вечернем отделении УПИ. Компания ему малознакомая, тем не менее, Юрий Николаевич, с первых минут берет на себя бразды «правления» и чуть не в приказной форме возлагает на меня функции тамады. Я, к его явному неудовольствию, демонстративно и столь же некорректно, как он сам, отказываюсь от такой роли, и он вынужден выбираться из неудобного положения. Однако под действием спиртного это «неудобство» быстро забывается, и Юрий Николаевич через какое-то время неожиданно мне признается, как духовнику, что он себе не принадлежит, что вынужден теперь в силу своего должностного положения постоянно говорить одно, а думать другое.

Эту фразу я запомнил, и, думаю, что она не была с его стороны игрой, но и в то же время, как мне показалось, произнесена не без желания меня удивить своей открытостью. Без каких-либо корыстных мотивов, а просто удивить. Зачем? – Не знаю.

Второй случай. Кондратов, Химич, Нисковских, я и может еще кто-то из уралмашевцев летом того же 1976 года оказались в Тагиле по разным обстоятельствам. Работа была закончена, и мы решили отбыть домой все вместе. По дороге, на своротке к Шитовскому озеру, машина Кондратова остановилась, и он предложил проехать к озеру и посмотреть на будущую заводскую базу отдыха. Мы согласились, и через пару километров очутились на берегу.

Шофер по сигналу Кондратова открыл багажник директорской машины и достал оттуда бутылки, закуски, все прочие атрибуты для застолья на природе. Опять, думаю, не так просто, опять из области заранее заготовленного спектакля. А уж если удивлять, так удивлять, и после первой же выпитой рюмки Юрий Николаевич начинает рассказывать с упоением, и заметно не экспромтно, о будущей на этом великолепном озере даче, насколько она будет превосходна, какой вот там (показывает рукой) будет выстроен чуть не дворец и т. д. Ну, прямо в духе мани-

ловщины. Все поддакивают, а я не выдерживаю и, как мне часто свойственно, разрушаю идиллию: «Юрий Николаевич, не здорово ли Вы размечтались, когда это еще будет? Давайте для начала хотя бы очистим метров на 50–100 прибрежную зону озера от ила и грязи, да сделаем хотя бы удобную купалку, а уж потом при ней начнем обсуждать и более дальние планы. Не к месту, конечно, сказано, не дипломатично. Испортил всем настроение, а больше всего Кондратову. Он обиделся, но промолчал и заметных выводов не сделал. Как-то сообща замяли мою досадную реплику, перешли на другие темы, которых всегда предостаточно в подобной компании, еще поговорили... и поехали домой.

Третий случай. Последние дни перед пуском балочного стана. Зимний морозный день, нетопленный пролет цеха прокатки широкополочных балок. У меня мерзостный вид. Не то от масла, которое кругом льется и брызжет, не то от чего другого, морда красная, вся в пятнах. Появляется Кондратов, и сразу с хода спрашивает:

– Владимир Александрович, не холодно здесь, может Вам выписать какую-нибудь меховую куртку? Зайдите по приезду ко мне, мы это устроим. И он устроил (к слову, я ее потом использовал для других целей – своих продолжительных в те времена лыжных прогулок). Хотя и маленький, но опять директорский к тебе шаг.

Четвертый случай. Будучи по приказу ответственным за монтаж оборудования балочного стана, я обязан был периодически докладывать о его ходе лично Кондратову. Звоню ему раз часов в восемь вечера и сообщаю, о досадной неприятности, в которой мы абсолютно не виноваты, но выбираться из которой придется нам. У нас на стане, говорю, почти тысяча рольганговых двигателей и все они, по причине госстандартовской в то время чехарды поступили с размерами шпонок на валах, отличными от официально выданных нам данных, по которым мы изготовили свои под них муфты.

Наиболее рационально проблему эту можно разрешить за счет срочного изготовления спецшпонок. И я, по его просьбе, продиктовал новые их размеры по ширине и толщине, при этом попросил, во избежание еще одной ошибки, повторить все мною надиктованное, полагая, что он утром все равно заставит конструкторов сделать соответствующий эскиз для производственников. Каково же было удивление, когда на следующий день в семь утра раздался звонок, и Кондратов попросил выглянуть в окно и посмотреть, стоит ли там машина с заказанными шпонками и кое-какими другими нужными мне деталями, которые, воспользовавшись оказией, были отправлены, дабы не гнать еще машину и порожняком. Феноменальная в Кондратовском духе оперативность. Удивить – так уж удивить, чтоб потом вечно помнили и всем рассказывали, как он не представляемо быстро, в ночное время, организовал изготовление (причем – правильное изготовление) и доставку этих злополучных шпонок.

И, наконец, не могу не привести еще одну историю, уже чисто личностного, но настолько же впечатляющего свойства.

Мои родители всю жизнь, начиная с довоенных лет и до 1978 года, жили в коммунальной трехкомнатной квартире, занимая две комнаты, и когда нас было пятеро, и после, когда они остались там вдвоем. Третью комнату в квартире занимали, периодически меняющиеся, но почти всегда вполне симпатичные, одиночки, чаще всего женского пола. И вот в 78 году, в эту маленькую их десятиметровку, в нарушение санитарных норм, вселяют семью... из шести человек, а отцу с матерью, предлагают переселиться, чуть не в принудительном порядке, в явно их не устраивающую, ни по месту расположения ни по качеству, квартиру. Хождения отца по разным районным инстанциям с просьбами о предоставлении приличного жилья, либо подселения к ним, как прежде, одного двух человек, оставались безрезультатными. Тогда я, вспомнив о добром к себе отношении Кондратова и недавнем его переходе на работу в Облисполком, позвонил ему и рассказал о родительской проблеме. Что все делается как-то не очень справедливо по отношению к ним и, особенно, по отношению к моему отцу, участнику и инвалиду войны.

Юрий Николаевич, помню, не задав мне ни одного уточняющего вопроса, сказал, что случай, кажется, действительно стоит вмешательства власти, и что он постарается этот вопрос решить. Больше я ему о нем не напоминал. Через месяц отец сообщил мне, что им дают двухкомнатную квартиру, естественно, несколько меньшей площади, но отдельную, на Уралмаше во вновь вводимом многоквартирном доме по улице Культуры. Так с помощью Кондратова, которому я тогда выразил благодарность и опять свое удивление его соучастием и сверхоперативностью, наши родители, наконец, на старости лет осуществили свою заветную мечту жизни без соседей.

Недавно один из уралмашевцев – В. О. Герцберг – звонит мне и спрашивает, не видел ли я новую книгу Кондратова? Не только видел, но и успел ее прочитать, и в качестве своих впечатлений рассказываю ему кратко о том, что написано мною выше. Слышу в ответ, что у него насчет устремленности Кондратова «удивить общественность» сохранилось такое же впечатление, и что на его памяти много историй, аналогичных мною приведенным.

А ведь по большому счету похвальная характеристика большого руководителя. К тому же отличного специалиста, человека большой эрудиции, здраво и логически мыслящего и вот еще, обладающего упомянутой выше почти бзиковой одержимостью, феноменальной ответственностью к данному им слову, обещанию, особо, по отношению к своим подчиненным.

06.02

«Магус, я настолько возбудился твоим эйнштейновским дайджестом, что не мог оставить его без внимания.

Главным побуждающим толчком для меня явилось не само повествование о Теории относительности (ТО), в той ее части, что вызывает у меня разные вопросы, а твоя на нее реакция, почти полностью, в принципе, совпадающая с моей, о которой я вскользь упомянул в письме от 29.11.05 года. Ведь действительно «есть что-то, из связанного с его (Эйнштейна) именем, от гениального мошенничества или циркового факирства».

Постараюсь не только ограничиться «вопросами и недоумениями», но хотя бы для себя, ответить на них. И сделать это именно с общефилософских позиций, поскольку я не более тебя «претендую на познание тонкостей физической сущности ТО».

1. Всякая приличная теория строится на основании, с одной стороны, достоверных фактов (установленных к моменту ее появления и подтвержденных соответствующими измерениями и опытом), а с другой, – на всякого рода предположениях, домыслах и допущениях. Со временем, под воздействием многочисленных пропагандистов (которых тем больше, чем больше рассматриваемая теория), все они мешаются в одну кучу, и теория начинает трактоваться как бы вне отделения известного от предполагаемого и ничем пока, ни замера, ни опытом, не подтвержденного.

В части ТО сегодня можно признать достоверным только предельность скорости передачи световых и электрических сигналов. Что касается скорости других возможных взаимодействий, передачи других импульсов «влияния», из еще не измеренных и не проверенных, – то это все из домыслов.

Главное же, названное ограничение противоречит философско-математической категории «бесконечности», на основе которой пока, по крайней мере, устроен наш мир, и сколько бы и каких величин чего-либо в нем не открывалось, со временем выявляется еще «большее» и более «быстрое», и находится инструментарий для соответствующего их измерения.

2. В качестве одного из главных доказательств ТО упомянутыми пропагандистами обкатывается тысячи раз уже пересказанный известный опыт Майкельсона, выводы которого построены на использовании понятия о «неподвижном эфире».

Однако согласно всеми признанному принципу (кажется, он назван принципом «бритвы Оккама») в построении научных теорий нельзя для объяснения непонятого вводить непо-

нятные сущности (теплород, эфир и т. п.). Признав же этот, абсолютно вытекающий из здравого смысла, постулат, мы будем вынуждены заключить, что опыт Майкельсона – есть просто пушка, стреляющая ядрами вдоль движения земли и в перпендикулярном ему направлении, которой фактически подтверждается относительность, и ничего более. Но только уже, в диапазоне не каких-то там ядер, а световых скоростей!

3. Третий мой постулат вытекает из твоих многочисленных «недоуменных» вопросов, на которые ты не находишь ответов. Все, что на сегодня установлено, измерено и доказано, касается сделанного в нашем весьма и весьма ограниченном, ничтожно малюсеньком, пространстве. А насколько это «известное» будет, например, проявляться при столкновении миров, летящих каждый навстречу друг другу со «скоростью света» – одному пока Богу известно. То же касается и времени. Ну, не глупость ли – исключить понятие одновременности событий на основании того, что скорость светового сигнала имеет граничную величину? А другого, не известного, сигнала? Какова величина его скорости?

Выводы, в основе, остаются такими же. Теорию относительности преподнесли Эйнштейну почти готовую на блюдечке с золотой каемочкой его коллеги. Осталось только облечь известное в знаменитую формулу и провозгласить предельное скоростное ограничение (которое, исходя из категории «Бесконечности», на мой взгляд, совсем даже не бесспорно). А далее, с учетом действительно астрономической его величины, за которую можно все «спрятать», получить еще и массу эпохальных подтверждений данной формулы, с кучей чисто журналистско-писательских вывертов, насчет относительности времени, и даже продолжительности жизни живого. Причем все это, в отличие от Ньютона с его божественным отношением к устройению вселенной, с притязаниями на абсолютность утверждений, напоминающих мне, конечно чисто внешне, например, коммунистическую одержимость Троцкого.

Безусловно, данный вывод никоим образом не меняет моего к Эйнштейну отношения, как к гениальному ученому и мыслителю.

P. S. Посылаю это сегодня, с некоторой задержкой. Заболел, не то гриппом, не то, может, и более чем серьезным. Сегодня согнал температуру, сдал анализы на разную кровь и прочее, а в четверг иду к терапевту. Будут новости, сообщу».

11.02

Сегодня суббота. В позапрошлый четверг я позвонил в приемную шалаевского офиса узнать телефон одной службы. На проводе случайно оказался А. Копытов, с которым у нас давняя взаимная симпатия.

– Копытов, ты?

– Владимир Александрович, рад Вас слышать.

– Я, Андрей, не менее.

– Как Ваше здоровье, самочувствие?

– От-лич-но, – произношу я горделиво, с некоторой, для пущей звучности, растяжкой.

Но, не успев закончить и получить в ответ: «Весьма приятно слышать. Вы неизменный оптимист», успеваю проиграть: «опять меня куда-то не туда тащит, надо бы поскромнее, например, «не жалуясь», или что-нибудь подобающее возрасту другое». Да поздно – сигнал ушел, и я о том забыл. А зря.

Выразил Копытову признательность, мы поговорили немного о работе, я задал свой вопрос и получил подробную, с должными разъяснениями, по нему информацию.

Разговор состоялся во второй половине четверга. А в пятницу, в «наказание» за мое бахвальство... я встал с температурой, головной болью, тошнотой и прочими неприятностями, включая, неведомое мне до сего сильнейшее моченедержание. В субботу стало настолько плохо, что я через Агнию Александровну позвонил ее сыну. Выслушав меня, он посоветовал мне не шутить и, не дожидаясь понедельника, вызова врача и результатов анализа, срочно

купить мощный французский антибиотик «Ровамицин» и немедленно продействовать согласно приложенной к нему инструкции. К лекарствам я отношусь с предубеждениями, но тут, кажется, был как раз тот экстремальный случай, что обязывал меня последовать совету.

В понедельник пришла участковая врачиха, одобрила предпринятое, и выписала направления на соответствующие анализы. С их результатами я, почти здоровый, появился у нее, и был направлен, для пущей уверенности, еще к урологу Соболеву, который также признал Цветковский диагноз. Он предложил закончить курс приема таблеток, сделать повторный анализ и, одновременно (раз уж я к ним попал, как он сказал) пройти в их отделении дополнительно и другие, положенные в таких случаях, обследования. Все это предстоит сделать на следующей неделе.

А отчего все же так мгновенно и сильно я заболел? Не наказание ли небесное за грехи и нахальную самоуверенность? Да. Но если без мистики, то полагаю, опять в полном соответствии с концепцией функционирования иммунной системы. Не на пустом месте возник очаг инфекции. Мой организм в части противоборствующих в нем сил, видимо, уже находился в весьма неустойчивом состоянии. И вот как раз в этот момент, вместо подъема духа своих «защитников» и активизации их на борьбу, им была отдана команда на благодушную самоуспокоенность, что все, дескать, у нас «от-лич-но», можете отдыхать. «Противник» же, пребывая в готовности к предстоящей атаке, моментально сим воспользовался, и с выгодой для себя ее реализовал. Состоялся акт противоположный случаю, о котором я упомянул 13 января. Там я своим психологическим настроем способствовал быстрому излечению, здесь, наоборот, настроил организм на инфекционный взлет.

Впрочем, и совсем исключить мистику тоже не получается.

Позавчера встречаю бывшего начальника КБ агрегатов резки Ю. Перлова, и, после первых слов взаимного приветствия, рассказываю ему о своих «болячках». А он мне:

– Слушай, а ведь подобное с тобой случается не впервые.

Лет двадцать назад произошла досадная травма, сломал ногу один наш конструктор. Фамилию его забыл, но твою реакцию по поводу случившегося – помню: «Ну, как так можно, на ровном месте сломать ногу! Значит – ничего не видеть, ни о чем не думать. Да так не только ногу, но и голову можно свернуть». А на завтра узнаю, что вечером того дня ты сам... «свернул» на 90 градусов ступню ноги, на таком же ровном месте и без каких-либо на то видимых причин.

Немного не так было, как он сказал. Но все равно, не мистика ли?

12.02

Начиная с нового года, не то по указанию власти, не то стихийно, началась очередная целенаправленная кампания по развенчиванию коммунизма, нашей прежней социалистической истории и всяческого превозношения демократических достижений. Главный объект однобокой атаки – сталинизм, его преступления – преподносятся вне исходных причин, на уровне одних следствий и вне истории. Будто не бывало никогда праведного «Суда» и неизвестно, как и с какой озлобленностью он всегда вершился народом над своими угнетателями. Проповедуемая же современными защитниками демократии недопустимость в переходную эпоху «бессудных» наказаний, их «преступность» – есть просто заявка власти и ее поддерживающего меньшинства на индульгенцию, на бессрочное и безнаказанное издевательство над большинством.

«Демократы», обосновывая и подчеркивая «законность» своих деяний, преследуют цель настроить себя и общество на ими желаемую адекватную ответную «реакцию» в случае будущих потрясений. Но такого в истории не бывало и не будет. Народное долготерпение всегда выливалось в не признающий законов, творимый из ненависти и мести, бунт, масштабность

которого есть прямая функция творимого до того властью насилия во всех его известных проявлениях.

«Демократы» считают главным своим достижением предоставление человеку свобод, а главным недостатком прежней системы – ее тоталитаризм, преступления по отношению к человеку и отсутствие названных свобод. Но, спрашивается, почему социалистическая революция 17 года, после «разумного» по их мнению правления, оказалась жестокой и кровавой, а затем еще и вылилась в столь же зверскую борьбу за власть, а буржуазная контрреволюция 90 года, после тоталитарного правления, наоборот, – «бескровной»?

Вот какими вопросами надо бы заняться разного рода социологам. Ведь ничего на свете не происходит беспричинно. Или современной власти неведомо, что революционная ситуация всегда готовилась в недрах предшествующего ей правления, что и нынче столь же «успешно» готовится ею почва для новой революции, как это делалось именно при царизме, а отнюдь не при Советах?

А для того, чтобы лучше разобраться, не взять ли и не выписать все составляющие качества жизни человека, и посмотреть: как это записанное претворялось ранее и как претворяется теперь. Сколько раньше и теперь, при разных системах – при царе, советах и демократии – рождалось и убивалось, лишалось прав и крова; каково было и есть расслоение в доходах населения; какие чинились вчера и чинятся сегодня над человеком издевательства; что люди (какие из них конкретные «по интересам» группы) приобретали и что теряли; сколько нищих и бездомных; сколько людей рождалось, умирало и замерзало; сколько и что строилось; сколько взрывалось, сжигалось и уничтожалось...

А то сегодня, послушайте и посмотрите разные СМИ, как, в общем виде, – при царе и демократах одни благости, а при Советах сплошная мразь, а если о частностях, – то, наоборот, при Советах чуть не везде и во всем сплошная благость. И образование лучше, и медицина бесплатная, культура выше и наука процветала; летали и ездили несравнимо чаще и на всем своем, писали лучше и читали больше; нищих, бомжей и беспризорных детей почти не было; железные двери и решетки на окнах не ставили; ни террора, ни убийств заказных, ни возмущающей людей роскоши, ни идиотической рекламы и ничего остального явно негативного.

Было и при Советах много негодного, но давайте будем объективными, и прежде всего в самом главном, – а почему все же после царя столь много было крови? А ведь столь же много ее будет и после современной «демократии», если она не разберется в причинно-следственных связях, не обуздается и не сделает для себя, хотя бы в интересах своего будущего благополучия, должных выводов!

Вспомним Л.Толстого, писавшего, что «всегда были и будут отдельные личности, стремящиеся воспользоваться силой, ловкостью, умом, смелостью, чтобы подчинить себе волю других». Но, добавлял он... «в противовес им также на всех ступенях развития вырабатывались обычаи, стремившиеся противодействовать развитию отдельного человека в ущерб всему обществу».

Ну, а как это «противодействие» реализовывалось, известно. Его, повторяю, не надо забывать всем, мечтающим учинить «демократию» для одних избранных.

28.02

«Марк, бесконечно рад выходу твоей книжки! Из всего ожидаемого последнее время появление ее, да еще в таком виде, без каких-либо заметных купюр явилось для меня самым желаемым событием. Как-то неожиданно: ведь ты ничего не писал, ни разу не упоминал о давно состоявшемся решении по ее изданию.

В твоей просьбе по содействию в реализации много не ясного. Книга вышла в свет, пишешь, но каким тиражом и кем он оплачен? Если Издательством, то пусть оно и заботится о его распространении? Если тобой и твоими спонсорами, о которых ты упоминаешь, – то

при чем тут Издательство? Если на паритетных началах – то в каких долях? В любом случае, «обращение» должно быть составлено в виде просьбы: купить столько-то экземпляров книги и по такой-то (подлежащей согласованию) цене. Или я чего-то не понимаю, исходя из моего опыта? В частности, я покупал, при частичном спонсировании, все тиражи своих книжек и сам их продавал через магазины (по бросовой цене), а большую часть просто раздарил. По более сложной схеме действовал Виталий. У него Издательство авансом, под гарантию Уралмаша, напечатало тираж, но затем он все равно выкупал его сам и затем уже через своих друзей просил дирекцию завода оказать помощь и, вроде, полтиража купить у него для Уралмаша. Такая вот необычная, из-за угла, операция по тому же денежному содействию. Далее он со своей частью тиража, естественно, действовал так же, как и я. Жду ответа. Остальное позже, при очередной оказии».

03.03

Сегодня отправил письмо в Общественную палату.

«Уважаемые господа! Насколько мне представляется, Вам предстоит тяжкий труд, чтобы хоть в малой степени переломить устойчиво сложившиеся, но исключительно стратегически опасные, тенденции власти (и ее бездумно поддерживающих отдельных активных групп людей) в строительстве современной России.

Можно утверждать, что за пятнадцать прошедших лет мы однозначно обеспечили лишь: неизвестное в мировой истории почти мгновенное обогащение меньшинства и массовое ограбление большинства россиян; учинили недопустимое неравенство между этими категориями населения; организовали дикий неуправляемый рынок и построили почти безупречную потребительски роскошную инфраструктуру для богатых. А теперь упорно продолжаем и дальше столь же устремленно, вопреки всевозможным умиротворяющим заявлениям власти и СМИ, двигаться в том же направлении.

Наглядным подтверждением сказанному могут служить два моих письма, адресованные Президенту. Копии этих писем прилагаются. Из них видно, что чуть не все из мною затронутого принято на вооружение, но только в рамках пропагандистских разговоров, а отнюдь, к сожалению, не практической реализации предлагаемого.

Посмотрите, Господа, постарайтесь понять и довести до сведения Президента и Власти, что дальнейшее непринятие реальных мер – это замедленная бомба под демократическую Россию. Кровавые революции готовятся не ленивыми, а порочными действиями предшествующей власти. Вспомните, как наблюдательный француз Астольф де Кюстин, путешествуя по России, предрекал ей «самую страшную революцию» еще в николаевские времена. А разве сегодня по отношению к простому народу у нас творится меньшее зло и насилие?».

05.03

«Марк, я не получил ответа на свое от 28.02. Но, не дожидаясь, по интересующему тебя вопросу позвонил главному заводскому газетчику и ответственному за информационную службу Агееву.

Он мне сказал, что на заводе теперь нет никого, кто проявил бы «любопытство» к предлагаемой операции, и предложил свой вариант покупки твоей книги (по сносной для нашей братии цене) путем своеобразной на нее подписки, среди интересующихся историей, как он выразился, и знающих (знавших) тебя людей. Как конкретно организовать это дело и кто персонально им займется, пока мы не обговорили. Кое-что я узнал и по второму ее варианту – реализации через магазин. Знакомая мне одного из магазинов еще по продаже первой моей книжки сообщила, что обычно, в связи с дороговизной почтовых отправлений и малыми партиями книг, они работают со сторонними издательствами по постоянному долговременному соглашению на условиях: а) полной финансовой ответственности издательства; б) периодиче-

ского заказа магазином партии новых выпущенных издательством книг в относительно малом (буквально в количестве 5–10 экземпляров, а то и меньше, каждого наименования, исключая, разве, какие-либо бестселлеры, вроде, таковых борзописца Веллера); в) полного возмещения издательством расходов магазина, связанных с продажей (хранением) заказанной им партии книг, а также их прямой и обратной пересылке; г) возврата издательству, через какой-то, видимо, заранее оговоренный, отрезок времени непроданных книг и перевода денег за проданные, с вычетом всех расходов по пункту «в»».

Далее она сообщила, что с твоим Издательством такого соглашения, к сожалению, у магазина нет, а заказывать обособленно пять штук конкретных книжек было бы слишком накладно, именно по упомянутой причине. Так что эту операцию можно, используя мое знакомство, сделать только в частном порядке по персональному с ними договору. Но подобное, думаю, проще и выгоднее тебе исполнить по договору с каким-нибудь из магазином Москвы или Электростали.

А теперь о твоих «Зигзагах», которых нет, а, наоборот, чуть ли не со школьных твоих лет, есть полнейшая и постоянная устремленность к конструкторской работе и ее превосходная практическая реализация. Это в части движения героя по жизни, а если предположить, что речь идет в книге о зигзагах самой жизни, то это тоже не воспринимается, поскольку в жизни никаких зигзагов нет и не может быть: жизнь – сама естественность со всей ее, как я часто говорю, принципиальной простотой в общем, и сверхсложностью и разнообразием в частностях. Это издательское наименование книги – результат неспособности к настоящему объективному и логичному анализу чего-либо почти всех гуманитариев.

В остальном, несмотря на многократное мною прочтение ее в рукописи, и даже редактирование отдельных частей, я получил вновь огромное удовольствие. Дополнительно – из-за монументально-типографского в руках книжного варианта, всегда придающему произведению дополнительную прелесть. По содержанию же, самое большое для меня впечатление – это опять наше удивительнейшее, я бы сказал, почти магическое, совпадение в движении по жизни наших с тобою особ.

С одной, не совсем равнодушной ко мне, дамой (а из-за моих довольно частых упоминаний твоей фамилии, пожалуй, и к тебе лично) после ее беглого, но, судя по всему, весьма внимательного прочтения твоей книги, у нас состоялся следующий разговор.

– Вы что, списали все друг у друга?

– Откуда ты взяла? У нас совсем разный стиль.

– При чем стиль, я имею в виду содержание и описываемые вами события. Поступление в институт на одну и ту же специальность; влюбленность в одних и тех же преподавателей Пальмова, Грузинова и заводских работников Химича, Краузе; инициативная организация поездки студентов по заводам Урала; нестандартное поступление на Уралмаш в один и тот же отдел и дипломирование; одинаковая карьера, поездки тебя в Китай, его в Японию, с достаточно претенциозными описаниями «неординарных» там действий и решений; одинаковое, и конечно не без «творчества», участие в монтажах станков; однотипные характеристики людей, с которыми вы встречались по жизни и работе; даже отсутствие у вас в книжках, несмотря на столь давнее ваше знакомство, хотя бы самого малого упоминания друг о друге и т. д. А пока она, с удивлением для меня, все это перечисляла, я про себя успел проиграть и все другие наши «совпадения», которые остались за страницами книг, но о которых мы не раз упоминали в ходе нашей с тобой переписки.

Мало? – Так вот еще одно совпадение – две книжки, совсем разные по стилю, и неотличимые по духу, взглядам и отношению к жизни. Хоть сочиняй еще один роман на тему одинаковых судеб двух людей!

Бывай здоров, привет семейству и мои особые поздравления по случаю женского праздника».

14.03

«Дорогой Марк! Мое давнее предложение в части публикации чего-либо из твоей книжки в журнальном варианте, осуществилось. Как, я тебя уже уведомлял, я договорился с редактором полурекламного журнала «Конверсия» и передал ему чуть не год назад твою «трубную эпопею». Вчера, после унижительных моих последующих неоднократных к нему обращений, просьб и напоминаний, я получил, наконец, от него последний третий номер журнала с твоей статьей и остаток гонорара общей суммой в 3000 рублей. Учитывая твои предыдущие разговоры об этих деньгах, чтобы тебя здорово не расстраивать, я позволил, за тяжкие труды мои и проявленную инициативу, отхватить себе треть из них. Прошу тебя к данному денежному вопросу больше не возвращаться. Такое разделение дохода следует считать справедливым, поскольку ты тут все же автор, а я лишь тебе содействующий.

Две твоих тысячи я постараюсь сегодня перевести на твой счет в сбербанке, а три авторских экземпляра журнала, включая первый с редакторской надписью, выслать по почте бандеролью.

Сей акцией я лично очень доволен. Не менее 10000 (таков тираж журнала) читателей из мира деловых людей познакомятся с талантливо написанной «Трубной эпопеей» далеких лет нашей страны, а также узнают (а кто-то вспомнит) много блестящих фамилий, в том числе и твою. Бывай здоров и весел».

15.03.

«Марк! Докладываю, что принятые обязательства по публикации «Трубной эпопеи» – выполнены. Вчера в 10.26 (м. вр.) тебе высланы заказной бандеролью три журнала «Конверсия» и почти одновременно с моего отделения Сбербанка на ранее указанный счет Сбербанка г. Электросталь (на условиях доставки в течение 4 – 5 дней) переведены 2000 рублей».

22.03

Продолжение истории, связанной с мужской болезнью.

Пройдя через ультразвуковое исследование предстательной железы и почек, с весьма неблагоприятными его результатами, подкрепленными соответствующими снимками и кое-какими непонятными, записями их размеров, объемов и массы, я направился повторно к Соболеву. Он, просмотрев их, ни о чем меня теперь не спросив, ничем не поинтересовавшись и н проигнорировав мою реплику о том, что ни с чем подобным я не сталкивался и ничего, хотя бы сколько-то меня в этой части беспокоящего, не испытывал, безапелляционно и безучастно заявил:

– Нужна операция.

– Как? – Несколько опешив, заявил изумленно я. – Вне предшествующей истории и явной необычности проявления заболевания; вне образа жизни пациента: трезвенника или пьяницы, заботящегося о своем здоровье или безразлично к нему относящегося, проводящего свободное время на природе или за карточным столом в насквозь покуреном помещении; с сильным или слабым иммунитетом, лечящегося при помощи лекарств или без них за счет естественных ресурсов организма?

Он не отреагировал и на эту мою тираду и, повернувшись для пущей убедительности, к медсестре, сказал:

– Все ясно, а он... (надо понимать, дурак) не хочет!?

Затем взял лечебный журнал и, ни слова больше не добавляя, написал на последней свободной странице: «По данным УЗИ предложено оперативное лечение – отказался. Назначено консервативное...», и далее привел четыре вида лекарств, в том числе, неведомые мне «Зоксон» и «Пенестер», периодичность и общую продолжительность приема.

С подобным обращением, я еще не сталкивался. Взял журнал и, выдавив из себя «спасибо» попрощался, и вышел из кабинета. Вышел с обидой. Но, может, зря. Ведь при первой встрече он был вполне корректен и адекватен в своих поступках. Разве исключено, что нынче был, например, опечален чем-либо личным? – И вся загвоздка.

Однако надо было что-то придумывать. Что за лекарства – не знаю. Почему надо Зоксон пить два месяца, а Пенестер только один – непонятно. Как они будут проявляться на мне во времени – так же. Вернуться, и переспросить – поздно: надо было не обижаться, а действовать раньше. Снова позвонил Евгению Васильевичу, рассказал ему о случившемся, и попросил устроить мне консультацию с его урологом. Он быстро перезвонил, и мы договорились о встрече у его матери, поскольку уролог, сказал, живет по соседству с ней, чуть не в одном доме. Назавтра приезжаю, Цветков звонит урологу, и через пять минут приходит молодой парень, назвавшийся Леонидом. Я повторяю историю, показываю журнал, отмечаю недоверие к моему врачу, говорю о своих отдельных сомнениях, и прошу совета. Он внимательно, вроде, выслушивает, задает кое-какие вопросы о том, как я себя чувствую, как все протекало с момента начала болезни, и просит пройти в туалет и разрешить ему посмотреть на «процесс». Что там он увидел, учел ли мою при этом скованность, а значит и не совсем точное соответствие им увиденного норме, – не знаю. Но произнес, более для себя, что ему ясно. После чего мы вернулись обратно в комнату, и он, оставив, к моему удивлению, все записанные в журнале его коллегой без рассмотрения и какой-либо их критики, назвал мне другое лекарство, и только одно, а именно... «Корнам», который, как я выяснил позднее, является всего лишь несколько более дешевым, но менее качественным, аналогом Зоксона.

Я поставил на стол принесенные мною бутылку коньяка и закуску, Агния Александровна – тарелки, и мы вчетвером, теперь за более приятным занятием, закончили консультацию. Я забыл о своих сомнениях и новых вопросах, решил довериться приятелю Цветкову, выкупил Корнам и приступил к его приему. Через пару дней вынужден был позвонить Цветкову еще раз, и сказать, что Корнам мне, по неизвестной причине, оказался противопоказанным и что я вынужден перейти на лекарства, официально назначенные Соболевым. Позвонил и Леониду Николаевичу. Он в ответ вторично меня удивил тем, что без всякого «удивления» спокойно его воспринял и, заметив, что так бывает, что организм может определенные лекарства не принимать, согласился с моим решением, и опять без какой-либо реакции на соболевские лекарства, их возможно большую для меня пригодность.

Через пару дней я почувствовал положительную подвижку. Но теперь меня стала занимать другая проблема. Большое количество лекарств и длительность их использования, что, не вписываясь в мою философию опоры на собственные силы и, как я полагал, в стратегическом плане могло мне нанести вред. Я стал, на собственный страх, экспериментировать. Сначала несколько увеличил периодичность приема лекарств, но, не почувствовав заметных подвижек, вернулся к прежнему режиму. Затем, дождавшись более или менее стабильного состояния в течение десяти дней, где-то числа 16-го отказался от лекарств полностью и заставил организм самостоятельно вылезать из болота. Уже на второй день ощутил улучшение по всем составляющим, включая побочные от лекарств явления: уменьшение головной боли, повышение чуть не до обычной нормы артериального давления. На фоне того, что было, – все лучше, практически ничего не беспокоит, и думаю, не без участия головы, не без более комфортного для меня психологического настроения. Однако вчера, после появления некоторой дискомфорта и слабой боли в нижней зоне мочевого пузыря, перешел вновь на лекарства, но с уменьшенной в два раза дозой Зоксона, который мне не нравится. Посмотрим, что будет дальше. Рискую, но чего не сделаешь ради удовлетворения собственного «бзика».

«Дорогой Матус! Отвечаю на твое от 21.03. Я плохо все понимаю. И твое вступление с уточнением «сердцевины понимания ТО» с туманно-заковыристым объяснением отсутствия *«изменения скорости света в любом месте пространства»* и *«её исчисления, равного величине "с" в вакууме, по отношению к каждому телу в своём масштабе, в зависимости от его скорости относительно скорости источника света»*, которое не вносит ничего нового в мое отношение к ТО и мое утверждение, что «все, что на сегодня досконально установлено, измерено и доказано, касается сделанного в нашем весьма ограниченном малом пространстве». И твои новые доводы и, прежде всего, с математическими подсчетами, разъяснение опыта Майкельсона, вновь построенное на главном исходном постулате ТО – абсолютности скоростного предела. На нем, этом твоём последнем, я только и остановлюсь, в силу, извини за тавтологию, абсолютной для меня его ошибочности. Ты явно некорректно упрекаешь меня в «безапелляционном» заявлении, что «эфира нет...», долго мне «разъясняешь» обратное, а затем... неожиданно и алогично делаешь вывод (как у тебя обычно получается), которым практически развенчиваешь собственные только-только выше придуманные утверждения и, наоборот, прямо подтверждаешь мои.

Смотри.

У меня не просто голословно «эфира нет», а ранее в письме от 06.02 (которое ты оставил без должного анализа, вернее, – с анализом, но только вне мною приведенного) изложено «немного» подробнее и совсем с другими акцентами, а именно (вынужден повторить еще раз):

«В качестве одного из главных доказательств ТО упомянутыми пропагандистами используется тысячи раз уже пересказанный известный опыт Майкельсона, выводы которого построены на использовании понятия о «неподвижном эфире». Однако согласно всеми признанному сегодня принципу (кажется, он назван принципом «бритвы Оккама») в построении научных теорий нельзя для объяснения непонятного вводить непонятные сущности... Признав же этот, абсолютно вытекающий из здравого смысла, постулат, мы будем вынуждены заключить, что опыт Майкельсона – есть просто пушка, стреляющая ядрами вдоль движения земли и в перпендикулярном ему направлении, которой подтверждается ньютоновская относительность, и ничего более. Но только уже в диапазоне не каких-то там пуль, а световых скоростей».

И это ты называешь моим «безапелляционным» утверждением! И как же тогда мне прикажешь рассматривать твой вывод – приговор всему тобой написанному и, одновременно, четкое, почти безупречное, подтверждение моего резюме по опыту Майкельсона? Цитирую:

«На мой (т. е. твой) взгляд, опыт Майкельсона подтвердил ТО Эйнштейна только в пределах земли, вращающейся вокруг солнца, и при условии, что скорости источника и приёмника света совпадают». Хотя, много лучше и корректнее во всех отношениях этот опыт сравнивать с пушкой, стреляющей фотонами, и ньютоновской относительностью.

Извини, Матус, опять у нас с тобой получилась некая пустая галиматья и, опять, явно не по моей вине. Бывай здоров».

01.04

Три дня назад вновь прекратил прием лекарств с аналогичными предшествующему подобному мероприятию ощущениями. Вчера был у Сомова, выпил с ним полрюмки его знаменитого самогона 70-градусной крепости. По-моему, он продействовал, как доброе лекарство. В разговоре о болячках оба сошлись на огромном значении в деле физического состояния человека силы собственного психологического настроя. Получилось у нас, что при определенных обстоятельствах можно задать, любую программу поведения организма, забить на то или иное время чуть не любую хворь, а при определенной продолжительности, соответствующего духа, настроя обеспечить либо полное от нее избавление, либо, наоборот, способствовать резкому ее ускорению. Привели массу поразительных случаев из жизни, подтверждающих такое воздействие.

10.04

Господин Самохвалов не оправдал надежд на мое лирически-родственное послание, и прислал мне (через два месяца!) казенно составленный ответ, что его «заводские специалисты, в частности, его предшественник, а ныне директор по трубам большого диаметра, исключительно компетентный специалист, не разделяют мнения относительно большей стоимости одношовных труб в сравнении с двухшовными».

Впрочем, лучше для полноты сошлюсь на свою записку.

«Уважаемый Борис Михайлович! Премного благодарен за ответ. Однако он, на фоне приведенных моих подробных и аргументированных соображений по «трубной проблеме», – очень краток. И потому я нахожусь теперь в состоянии некоторых сомнений и размышлений о действительных причинах, послуживших основанием для Вашего несогласия с утверждением о большей дороговизне одношовных труб в сравнении с двухшовными.

Ссылка при этом на чей-то авторитет, даже очень уважаемый, как-то на меня не действует. Вы могли это почувствовать из приведенных копий переписки по данному вопросу, в том числе и переписки также с «исключительно компетентным специалистом», каковым является в сем деле мой приятель М. Гриншпун. Тем более, она не действует на меня с учетом Вашей весьма высокой оценки результатов ЛТМО по трубам с раскатанными швами, качество которых оказалось (куда уж больше!) «не хуже, чем основного металла». В свете отмеченного несколько неожиданной воспринимается и Ваша информация о приостановлении работ по ЛТМО «из-за отсутствия финансирования» по причине имеющихся «более приоритетных задач». Как-то все у Вас не очень, на мой взгляд, логично и последовательно.

Был бы признателен Вам за дополнительные разъяснения в части здесь затронутого».

12.04

С конца прошлого года, услышав по радио о возможности бесплатного протезирования для тружеников тыла в областном Госпитале ВОВ, занимался оформлением, а затем и самим протезированием. Как и все у нас, оно сопровождалось массой недоразумений и в части оформления, и постановки на очередь, да и самого процесса протезирования, по которому вынужден был передать врачу Людмиле Юрьевне (во всех отношениях весьма приятной особе, но, как остроумно кто-то заметил, в части «слесарного на зубах ремесла» оказавшейся не на должной высоте) нечто вроде памятки, приведенной ниже.

«Уважаемая Людмила Юрьевна! Не могу не высказать некоторых, возникших у меня в ходе протезирования, замечаний и предложений по технологии этой процедуры с точки зрения моей инженерной ее оценки.

1. Коронки, в целях наиболее быстрой защиты от внешней среды оголенных зубов, следует устанавливать в первую очередь, и высотную выверку их производить по зубам, а не по протезам. Даже, если такая технология будет сопряжена с некоторым удлинением общего цикла протезирования.

2. Высотную выверку коронки при посадке на цемент следует производить только односторонним ее перемещением в сторону десны. В противном случае в коронке (со стороны ее дна) образуется вакуум или, по крайней мере, – менее плотная посадочная масса (в какой-то степени, даже и по боковым поверхностям коронки), что, естественно, не повышает качество посадки. Тем более, недопустимо многократно воздействовать на коронку, перемещать ее, как это имеет место в случае установки и подгонки протезов при не полностью схватившимся под коронкой цементом».

А далее, в доказательство моей правоты, чуть не на третий день после установки протезов (качество которых тоже оказалось не без замечаний) у меня ночью... слетает коронка, которую я, слава богу, как-то не успел проглотить.

В прошлый понедельник (10.04) приезжаю к Людмиле Юрьевне, и рассказываю ей (в подтверждение моего краткого послания) о случившемся. Она, без тени смущения и каких-либо комментариев, пролепетав: «Вот ведь не знала, что у меня «черный» глаз», быстро, теперь по моим правилам, ставит коронку, подправляет протезы, и я расстаюсь с ней совсем. Сейчас в этой части у меня все в норме.

В тот же понедельник, по случаю окончания зубопротезной процедуры, воспользовался оказией и обратился в новую госпитальную поликлинику, построенную в прошлом году по инициативе, как написано на памятной доске над ее входом, «Губернатора, Областного правительства и Областной думы», и попросил записать меня для консультации к урологу. И вот я по полупустым превосходно оформленным ее коридорам и лестничным маршам (предварительно обследовав зарубежной поставки столь же прекрасные лифты) поднимаюсь на пятый этаж и захожу в первый, из трех мне назначенных, кабинетов. В нем пожилой лет семидесяти врач. Представляюсь, рассказываю кратко причину обращения к нему и показываю при этом журнал с историей болезни. Он открывает его, просматривает минут пять, и между нами состоится следующий разговор.

– Вы правильно поступили, что не обиделись на своего врача, действия которого вполне оправданы и объяснимы. Все же у вас не 20-ти граммовая опухоль, что можно признать почти нормой, а 46-ти. Вполне достаточная, чтобы рекомендовать операцию, причем даже в столь безапелляционной как вы упомянули форме. Такой метод обращения больного в нужную врачу «веру» применяется, и довольно часто, хотя я лично придерживаюсь более мягких и более душевных норм общения с больным.

Я его хочу прервать, дабы выразить полное взаимопонимание, но он продолжает почти без пауз.

– По существу же вашего состояния и моего отношения к данной проблеме, я не считаю операцию абсолютно обязательным решением, а в 80-летнем возрасте вообще ее стараюсь не назначать, исключая самые экстренные случаи.

Тут мне удастся все же ввернуть пару слов о том, что мой возраст совсем близок к тому же и, следовательно... (хочу заметить, его подход распространяется и на меня), но он продолжает, не давая мне закончить.

– Ведь с операционного стола можно и не подняться, а если и подняться – то довольно часто с не совсем желательными последствиями. То, что нужно удалят, но чего-нибудь при этом пережмут или заденут и потом, к примеру, в лучшем случае придется ходить «с трубочкой».

Теперь о назначенных Вам лекарствах. Еще раз отмечаю вашу лояльную позицию к врачу, она правильна. Так получилось, что в части Вам назначенных Зоксона и Пенестера я получил информацию из первых рук, от лиц, которые к нам сюда их доставили. Именно в таком сочетании этих лекарств, они считают, и достигается наибольшая эффективность. Курс лечения должен продолжаться месяца три. При этом установлено, что имеет значение не столько регулярная периодичность их приема, сколько общее количество, масса, принятого. Поэтому считаю возможным и рациональным назначать их прием с интервалом, например, в 10 дней.

Тут я наконец прерываю его, стараясь (не делая пауз, как и он) выразить свое восхищение по случаю исключительного с ним единомыслия. И в части отношения к операции, дифференцированного подхода к больному, минимизации лекарственного воздействия на организм, защиты иммунитета и даже адресации его к авторитету академика Рэма Петрова.

Речь моя была настолько эмоциональной и, видимо, для него приятной, что по окончании он сказал: «А я Вас возьму». Я выразил признательность и, спросив имя и телефон, взял ручку, чтоб их записать, но он сделал это сам, как я прочитал: «Олег Александрович Рудин».

Мы договорились встретиться через месяц. Еще раз поблагодарил его за столь длительное ко мне внимание, и попрощался. Но, когда подошел к двери, он остановил меня еще одним вопросом.

– А как Вам удалось меня поймать? Ведь я забежал сюда на минутку, и сейчас уезжаю со своей сотрудницей в командировку в Новую Лялю.

– Считайте, что мне повезло, – ответил я, и вышел из кабинета удовлетворенный собой и, еще больше, моим новым знакомым Рудиным.

Конечно, я не преминул при случае позвонить Евгению Васильевичу и рассказать ему о встрече с Рудиным и, между прочим, о командировке в Лялю. И что я от него услышал?

– Я знаю об этой командировке. Он поехал туда со своей сотрудницей, а она есть жена известного Вам уролога Леонида Николаевича...

Произнес он это между прочим, в его обычной манере нарочитого безразличия, будто такое совпадение являлось само собой разумеющимся событием, должным обязательно случиться вне каких-либо на то сомнений. Мир тесен! Но как-то совсем уж необычайно, если исходить из законов теории вероятности.

13.04

Ну, а как мой первый уролог Соболев? Может и он за два месяца как-нибудь изменился? Решил наведаться к нему. Мои почему-то заранее позитивного характера ожидания подтвердились. Он прямо хотя и не признал неоднозначности прошлой рекомендации по операционному вмешательству, но разговор о дальнейшей моей участи, после заявления (что я вполне прилично себя чувствую и не испытываю никаких неудовольствий, исключая разве незнание того, что мне пока не дано и что касается размеров самой опухоли), повел явно в конструктивном духе. Предложил продолжить курс приема тех же лекарств (но уже в несколько меньших, по моему желанию, дозах) в течение еще хотя бы двух месяцев, затем перейти вообще на мне импонирующий натуральный природный продукт – раствор осинового коры, а после, где-нибудь в августе, посмотреть и на размеры опухоли. Может, добавил он: «Они действительно изменятся в желаемую сторону».

Лед тронулся и, кажется, тронулся в направлении, опять соответствующим моим им интуитивным представлениям о природе. Хотя?... Бывают ведь и, так часто оговариваемые мной, исключения. Эту последнюю фразу я записал, во всяком случае, закончил ее, в состоянии вдруг возникшей у меня от элементарного испуга некоторой, душевного происхождения, дискомфорта.

16.04

В течение месяца Радио России ежедневно афиширует писателя Михаила Веллера. При этом для усиления воздействия на слушателя, пичкует его (придуманной, наверняка, самим автором) рекламой, будто Веллер, по причине исключительной оригинальности, является «единственным писателем, книги которого *воруют* из магазинов и библиотек».

Дабы убедиться в том лично, не удержался и купил книгу «Великий последний шанс». Точно, с большой увлеченностью прочитал многообразную, гротескно поданную, критику – и нашего советского прошлого, и рыночного теперешнего. Да, и как не «увлечься» (не вдумываясь, по началу, в смысл написанного), когда ради твоей занимательности все там, кто от власти или близко к ней, представлены сплошными «идиотами, болванами, мерзавцами, подлецами, преступниками...» среди «бесплодных вырожденцев, изнеженных, похотливых, трусливых шакалов, слабоумных слюняв...», жаждущих «комфорта, легкого труда и сладкой жратвы...». А потому стоит только чуть-чуть задуматься, и становится очевидным, что почти все у Веллера подчинено больше звонкой форме, а не полезному содержанию. Причем часто вне логики, меня постоянно занимающих причинно-следственных связей и разумно-компро-

миссной конструктивности. Ничего похожего по делу на то, что было мною написано о том же и тех же временах, в частности, 18.12.04 года.

Все, что было написано здесь в связи с Веллером может быть отнесено и к Борису Миرونору. Он полулегально, т. е. без издательских реквизитов, напечатал в 2005 году, недавно мною просмотренную, книжку «Приговор убивающим Россию» со столь же все исключаящим тенденциозно-зловонным объявлением «власть имеющих над Россией: президента, правительство, федеральное собрание», ни много, ни мало, как убийц русского народа, которым надо не только «вынести приговор, а чтобы каждый русский был еще при этом убежден в правоте исполнить его так, чтобы ни душа, ни рука не дрогнули, чтобы понимал каждый...», что он совершает богоугодное дело – очищая русскую землю, спасая своих детей, свой народ от гибели, от омерзительной бесовской зло несущей и зло творящей власти». Точно так же, как, аналогичной закваски писаки, объявляли убийцами большевиков.

Миرونору и Веллеру, невдомек, что критика только тогда полезна и действенна, когда она объективна, когда она строится на базе, как я постоянно подчеркиваю, истинно причинно-следственных связях, а не на одном голом отрицании.

Конечно, в их критике много справедливого, ибо современный негатив российского демократического правления превзошел все пределы. Но, почему? У них о нем ни слова. Все вне истории, вне предшествующих ей, нынешней, вчерашних событий, вне того, что написано на эту тему выше.

28.04

Сегодня вечером отмечали день рождения Гали. Были Андрей с Костей, Ира с Максимом и Нина. Еле выдержал самоуверенные «выступления» Галиной сестрички. По любому вопросу у нее свое, как правило, «особое» мнение. А в паузах еще и несусветное сюсюканье о всем, что касается ее внука Максима.

Добрейшей души, но развязная и недалекая баба, абсолютно не умеющая контролировать свое поведение. Причем с возрастом этот недостаток, естественно, проявляется все в большей и большей степени. Еле дождался, когда остались только Андрей с Костей и довелось, наконец, поговорить с ними в спокойной обстановке.

08.05

«Матус, дорогой! Твое от 20.04, наконец, получил, но почему-то вне обычной для тебя системе форматирования и даже в новом шрифте. Может поэтому и чему-то еще, связанному с этими твоими новшествами, и оказался «непроходимым» злополучный файл.

Спасибо тебе за сочувствие по поводу моего заболевания и подробнейшую информацию о твоих процедурах, которые говорят о неизмеримо более высоком уровне вашей медицины. Мои доктора, в сравнении с твоими, – просто коновалы. Каждый их шаг вызывает почти постоянно у меня либо вопросы, либо недоумения. Спорить же, когда ты от них зависим, не очень сподручно. Приходится поддакивать, а потом дополнительно с кем-либо консультироваться на стороне, учитывать свой накопленный опыт (и чужой) по разному врачеванию, а затем вырабатывать линию поведения.

В порядке подтверждения приведу тут историю, которую мне поведал Марк. «Лет за 10 –12 до смерти у Верника обнаружили солидную аденому, речь зашла об операции. И тут один их конструктор посоветовал ему делать такую гимнастику: 60 – 70 шагов с переплетением ног, правую ногу при шаге ставить на место левой, а левую – наоборот, на место правой. В течение двух месяцев АБВ строго следовал этому совету, и, явившись к врачу, поразил того тем, что всё пришло в норму. С тех пор он регулярно продолжал выполнять эту процедуру сам и заставил то же делать и меня, что – пишет Марк – я и делаю до сих пор. Хотя мой врач уролог этому

рассказу не поверил, сказав, что «никаких гимнастик от аденомы он не знает». Соль же ее, видимо, в том, что при такой ходьбе как бы происходит обжатие простаты. Но дело не в этом. А в том, что я самостоятельно пришел к тому же, но только путем покачивания гантели на нижней части живота, в положении лежа на спине. Раньше я таким образом укреплял мышцы живота, а после болезни решил то же самое делать в нижней его, живота, части. Дождусь очередного УЗИ, и посмотрю. А потом уж подумаю о перенесении верниковского опыта. Можно ли пройти мимо подобной информации?

Что касается эйнштейновской одиссеи, то я снова в тупике, поскольку не могу тебя понять. Пишешь больше о своем, с чем я даже и не спорю, но вне всего, что у меня уже приведено по данному вопросу ранее.

Единственное, что могу предложить, это взять мое письмо от 28.03 распечатать его по абзацно и по каждому абзацу изложить ясно, что в нем тебя не устраивает, что в нем правильно и что нет. Конечно, я могу проделать аналогичное с твоим письмом. Но, во-первых, мое короче и потому проще для обработки, а, во-вторых, так тебе надо бы сделать в порядке «искупления своей вины», исходя из опыта нашей предыдущей переписки, когда ты «сдавался» много чаще, чем я. Ну и, наконец, хотя бы потому, что придумал способ первым я, а не ты.

Поздравляю тебя и все твоё семейство с праздником Победы».

08.05

«Дорогой Марк! Мои поздравления тебе и твоему семейству с днем Победы. Он каждый раз, как я обращаюсь к своей памяти, выводит меня на мысль о величии нашей страны и ее народа, с одной стороны, а с другой, заставляет постоянно задавать себе вопрос: Почему это величие и способность к созиданию и победе достигаются только в экстремальных условиях насилия над ним, и только тогда, когда последнее оказывается выше любой меры ее нормального человеческого восприятия? Почему нам надо, дабы двинуться вперед, отступить до самой Москвы? Ведь и сейчас опять нас настроили жить в атмосфере наглейшей, по отношению к большинству, лжи и демагогии, а мы опять ждем, и будем ждать, пока не захочется схватить в руки оглоблю... и, по закону сохранения, пойти все крушить и снова все строить заново! Таково вот несколько необычное начало у меня, вероятно, под впечатлением недавно отправленного письма в Общественную палату РФ, и полного отсутствия какой-либо реакции с ее стороны. Даже двух писем: одного просто Господам, а второго персонально Глазычеву. А в письмах как раз на эту же означенную тему (далее я привел копии этих писем).

У меня к тебе просьба поддержать меня и, кроме того, позвонив к ним в приемную, узнать о судьбе посланий и, при необходимости призвать к совести и более благосклонному отношению к их корреспондентам.

В части твоего последнего письма от 24.04 выражаю признательность за озабоченность по поводу «неудержания» мною столь радовавшей тебя прежней «формы» и за превосходнейший совет «пошаговой гимнастики с переплетением ног». Кстати, этот совет мне особо импонирует не только потому, что он был апробирован аж самим Верником, но и потому, что я сам с давних пор ярый сторонник природной борьбы с болезнями и максимальной опоры на иммунную защиту организма от них. В данном же конкретном случае сам придумал авторский способ воздействия на простату путем покачивания 8-килограммовой гантели на нижней части живота в положении «лежа на спине». Я его сейчас опробую, пройду УЗИ и посмотрю – есть ли от него эффект, а потом примусь и за верниковский вариант. Врачам я, дабы их не травить, об этом пока ничего не говорил.

А вот в отношении оценки статьи о «лаборатории конверсионных проблем» я с тобой расхожусь. Критическая ее составляющая – верна, но в ней нет никакой новизны, конструктивная же – на уровне не воспринимаемых всех «системщиков», с которыми я всю свою жизнь,

как ты знаешь, отчаянно воевал. В подтверждение привожу одну из своих последних записей от 26.02.03 года

Вот так! Бывай здоров. Еще раз тебя и всех твоих родных с Праздником».

16.05

Вчера по договоренности с Рудиным, которая случилась по моей инициативе дней за 10 до этого, прошел через УЗИ. Результаты явно положительные. Опухоль с 46 кубиков сократилась до 33, а остаток до 18 мл вместо прежних 64. Похоже, поставленный мной диагноз, о котором я толмачил своим врачам, и предлагаемый способ лечения с максимальной опорой на собственные силы оказались близкими к желаемому. Лекарств за прошедшие три месяца с момента начала этой истории я выпил не более трети мне назначенных, но зато занимался диетой, особо на первых порах, и, постоянно, разной гимнастикой. Думаю рискнуть и до намеченного следующего УЗИ лекарств больше не принимать. По крайней мере, до тех пор, пока не появятся на то побудительные причины. Рудину я понравился, он обо мне, даже еще до последнего УЗИ, рассказывал другим своим пациентам как об образцовом больном, преодолевающим недуг консервативным лечением. О том, что я лечусь с пятого на десятое и не выполняю половину их рекомендаций ничего ему не сказал.

18.05

Умер А. Зиновьев. Он «прожил – сказал о нем В. Бондаренко – несколько жизней. С юности участвовал в каком-то заговоре, уцелел. Благополучно провоевал всю войну, летал на истребителе, уцелел. Закончил МГУ, блестящая научная карьера, его труды по социологии получили признание во всем мире. Был профессором, преподавал, защитил докторскую, вошел в ученые советы и редколлегии ведущих научных журналов. Так бы и обретал научную и общественную славу во фрондирующей прогрессивной среде наравне со своими друзьями и единомышленниками той поры. Но ушел в диссидентство, в открытый протест, был выслан в Германию. На Западе сделал не менее блестящую карьеру, преподавал в Мюнхенском университете, консультировал ведущих западных политиков, выбран почетным академиком в престижные научные Академии. Мог бы так спокойно и доживать. Но ещё раз отрекся от всего, перечеркнул все проекты, вернулся на Родину, и стал ведущим социологом и публицистом красной оппозиции».

Все верно, за «исключением» некоторых акцентов, многократно мною расставленных в настоящих записях. К ним можно было ничего не добавлять, если б не последнее, буквально за несколько дней до смерти, интервью Зиновьева от 8 мая 2006 года газете «Завтра», с теоретического плана мощными заявками и вовсе им не соответствующими практическими из них выводами..

Зиновьев с апломбом утверждает.

Что «очень рано, фактически в конце 30-х годов, пришел к двум основополагающим принципам. Согласно первому из них – любая произвольно взятая обширная сумма информации, относящаяся к некоторому социальному объекту, содержит в себе все, что необходимо и достаточно для понимания сущности этого объекта. Согласно другому – самые глубокие тайны социальных явлений не спрятаны где-то глубоко в архивах, чужих диссертациях, секретных учреждениях или кабинетах сильных мира сего, а открыты для всеобщего обозрения в очевидных фактах повседневной жизни». Правильно, но, тем не менее, ему пришлось «вести свой собственный понятийный аппарат, применимый ко всем изучаемым объектам, который до него якобы был «засорен до такой степени, что не был пригоден для научного понимания. Никто даже не пытался ввести этот понятийный аппарат по правилам логики». И все использовали «компилятивные методы, которые имеют следствием запутывание банальных проблем и превращение сложных проблем в банальности».

И потому только он, Зиновьев, догадался, что «любую четко сформулированную проблему можно «вычислить» путем восхождения от абстрактного к конкретному. Общая теория постепенно конкретизируется, и можно объяснить любой объект, показать какова структура этого объекта, каковы его компоненты, по каким законам он функционирует».

И т. д., в том же духе заявочных откровений об его особом «научном аппарате» мышления, которым, для пущей своей значимости заявляет он, трудно «научится пользоваться» другим.

А каковы конкретные выводы и заключения? Как они соответствуют его, вроде, правильным теоретическим построениям?

Вот он выделяет социальный строй западных стран, называет его для образности «западнизмом или вестернизмом», и утверждает, что его главной характеристикой является «стремление к созданию гарантированных должностей и доходов для представителей тех видов деятельности, которые не являются непосредственными производителями материальных ценностей и услуг». А разве в иных странах, при иных соцсистемах имеет место что-нибудь отличное? Разве там власть действует по другому? Разве она не проявляет себя везде абсолютно одинаково, согласно своему природному предназначению, и не строит все на одном и том же, как утверждаю я, общем для всех принципе – принципе эксплуатации меньшинством большинства?

А как принимать его характеристику советской системы, которая якобы «вступила в состояние кризиса не потому, что по натуре такая. Что социальная система, которая сложилась в СССР, была самой совершенной – самой простой, стандартизированной, более эффективной, чем западная. И в теории, и на практике!». Что «в послесталинские годы произошел не застой, а колоссальный скачок, прорыв вперед. Число объектов, подлежащих управлению, в брежневское время выросло сравнительно со сталинским в сотни раз. Это были новые школы, больницы, заводы, лаборатории». И что «причина краха советской системы в аппарате, который оказался недостаточно адекватным. Следовало (лишь) постепенно ликвидировать отставание аппарата, но (вот беда!) с этой задачей не успели справиться». Можно ли придумать что-либо более ограниченное? Вот как может теория отличаться от практики!

Или вот еще одна заявка насчет построения «модели Советского Союза», по которой «только полгода ушло на математические расчеты». И будь у него «несколько сот человек, они бы построили модель, с которой могли бы «переумнить» Запад, могли бы разработать стратегию выживания в борьбе с Соединенными Штатами!». Посмотрите для сравнения, что на данную тему, без всяких теорий, а только на базе давно известного по жизни разных стран и народов, давно написано многими по настоящему мыслящими, не изуродованными болезненным диссидентским настроем, людьми. в том числе и здесь в этих записях.

Конечно, в зиновьевских рассуждениях есть кое-что из области правильных оценок. Но как это правильно воспринимать на фоне массы, чуть ли не очевиднейших глупостей, когда он самым безобразным образом мешает в одну кучу тактику и стратегию, причины и следствия?

Логический понятийный аппарат, способность вычислить любую проблему, общая теория! Желаемое и действительность! Чем не Маркс и все остальные предсказатели и прожектеры?

Было любопытно сравнить всемирно популярного Зиновьева с мало кому известным Александром Аваковым. Последнего я знал только потому, что его отец Владимир Аваков в свое время работал у нас в конструкторском отделе и стал одним из первых на заводе доктором технических наук, а сам Александр прославился тем, что от «неудачной влюбленности», и своей на этой почве «несчастливости», начал писать антисоветские листовки, за которые был арестован, попал в лагерь, вышел из него в 1977 году, а в 1981 году вместе с отцом, матерью и младшим братом эмигрировал в Америку и там написал свою «Автобиографию советского философа».

Так вот Аваков, став диссидентом и пребывая в Союзе, ненавидел советскую систему, и восхищенно взирал на запад. Попав же в Америку, немедля испытал «крушение мифа об Америке», где за ним «следили и нарушали его права» и где к нему «пришло выздоровление с осознанием того, что и в Америке есть недостатки, и их немало, и что нужно, просто не боясь, применять весь опыт «противостояния» внешнему миру, выработанный в Союзе». Все в этой части, как у Зиновьева и многих других диссидентов, но только с более четкими взглядами на жизнь. Зиновьев мне не симпатичен своей самоуверенной ученостью, часто совсем не отвечающей моим понятиям о мире, с Аваковым же – полное единомыслие, хотя иногда с определенными оговорками и дополнениями. Почти все подчеркнутое мною у Зиновьева, для того чтобы ему возразить, у Авакова, – чтобы отметить справедливость им утверждаемого.

Он пишет – об «очень интересной жизни» в России, где люди ищут смысл жизни и находят удовольствие в этом», в то время как у них (в Америке) они «тяжело работают и не имеют времени и энергии в остатке для вещей», которые у нас принимают само собой разумеющимися – «простые ее радости и общение с друзьями».

Упоминает о «бездарной советской пропаганде», что не могла подать даже действительных преимуществ советского строя. Что «представляется особенно выпукло сейчас, когда редко кто будет отрицать глубокий кризис, поразивший науку, искусства, после того как они лишились поддержки и субсидий государства, и когда экономика далеко не в блестящем состоянии, а социальное бытие страны разрушается преступностью, наркоманией, проституцией».

Говорит о «наших людях, выбиравших капитализм без какого-либо о нем «представления, кроме витрин западных магазинов».

Капитализм эффективен, но «не все на свете измеряется одной экономической эффективностью, и даже сверхмеркантильные швейцарцы не спешат одобрить «крысинных гонок американского капитализма». И на поверку «всей Западной Европе не чуждо стремление оградить себя от эксцессов неограниченного капитализма». Кроме «объективных показателей качества жизни, есть личные, психологические». И «нервность» жизни в более «благоустроенной» стране может в значительной степени скрадывать преимущества высокого благосостояния. Валовой национальный продукт на душу населения в 1991 году в США был в семь раз больше чем в России, а продолжительность жизни больше только в 1,06 раза (76 и, соответственно, 72 года)» и т. д.

А можно ли не согласиться с Авакова приверженностью к научному стилю познания, опираясь на которое он полагает, что «социальные науки» могут претендовать называться науками только тогда, когда они будут готовы «поступаться своими теориями во имя истины» так, как принято в области естественных наук. Или с его преклонением перед цифрой в сравнении со словесными выводами, про которые «можно всегда сказать, что они не убедительны», в то время как «цифра остается всегда такой же и можно лишь спорить, насколько она верна, и приводить альтернативные расчеты».

Не обошел он даже мою категорию «бесконечности», сославшись на понравившегося ему Кьеркегора, в части истины, как «предприятия, которое выбирает объективную неопределенность со страстью бесконечного» и веры, как «противоречия между бесконечной страстью внутренней направленности индивидуума и объективной неопределенностью». При этом не преминул уточнить уже от себя, что «вера вне рациональных мотивов – есть чисто произвольный акт капризного выбора».

И уж совсем, почти однозначно, у нас с ним о недоступности понимания человеком общих законов мироздания. Иными словами, у него на основе «законов научной логики, а у меня исходя из категории «бесконечности», утверждение о том, что чем больше мы познаем, тем больше область непознанного. И отсюда его общее со мной «Бог – это не только непознанное, но и непознаваемое».

Почти одинаковый круг интересов, одинаковых взглядов и оценок, одинаковая манера письма у людей разного возраста, разной судьбы! Мир здравых идей и здравого смысла явно тесен, по крайней мере, в среде более или менее думающих людей, думающих вне бзиковой и однобокой своей настроенности на какой-либо идиотизм.

Ну, а что касается последних высказываний Зиновьева, то отнесем их к его предсмертному состоянию и отдадим ему должное в целом, хотя бы за то, что заставил многих думать, чему-то возражать, а с чем-то соглашаться. Вечная ему память.

19.05

Газеты сообщают о состоявшейся 16 мая встрече Чубайса с журналистами, ежегодно проводимой РАО «ЕЭС России», чтобы познакомить их со своими «достижениями, проблемами и перспективами». Давно мною осознанные выводы, которые можно сделать из выступления Чубайса, следующие. Все, что можно было высосать из величайшей в мире Системы, – высосали, все какие только возможно дивиденды получили, и потому теперь, после того как за 10 лет, с 1990 по 2000 год, было введено всего 4000 МВт новых мощностей (вместо ежегодных 8700 МВт в Единой энергосистеме Союза), можно нагло объявить, что РАО ЕЭС находится в катастрофическом положении, износ основных фондов составляет 56,5 процентов! и страну ожидает близкий электроэнергетический дефицит... Требуются срочно инвестиции для «беспрецедентно резкого жизненно необходимого» увеличения ввода мощностей.

За счет кого? Да за наш с вами (им, естественно, прямо не называемый) счет, дорогие налогоплательщики. Впрочем, как и за все остальное, что было разграблено и разорено за эти же годы другими чубайсами.

Удивляют ли они меня? Нет, такие проходимцы и преступники являлись в переходные времена всегда. Удивляет нынешняя Власть и ее (не как исключение, а почти как норма) преступное окружение, позволяющее безнаказанно творить подобное, и не год – два, а на протяжении уже двух десятилетий!

03.07

«Дорогой Марк! Позавчера получил письмо от 17.06. Полностью согласен с первой частью его относительно оценок ОП, в том числе, твоего вывода об ее кажущейся «мертворожденности». Тем не менее, для большей убежденности в таковом выводе посылаю тебе данные о Глазычеве.

«Глазычев Вячеслав Леонидович – Профессор кафедры теории и истории архитектуры Московского архитектурного института (государственной академии).

Родился 26 февраля 1940г. в г. Москве.

Закончил Московский архитектурный институт. Кандидат философских наук. Доктор искусствоведения.

Член Союза российских архитекторов, Союза дизайнеров России, Национальной академии дизайна.

В 2000 г. назначен научным руководителем Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа, в 2002 – заведующим отделом дизайна НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской Академии Художеств.

Автор 12 монографий и свыше 400 статей».

По моим данным он еще депутат Госдумы, во всяком случае, был им недавно, что ты можешь проверить сам, туда позвонив.

Естественно, согласен с поддержкой моей позиции в части всех «системщиков» и, как частный случай, с твоей критикой высшего образования, которым, считаю, нужно заниматься так, как положено заниматься, например, воспитанием детей: не поучениями, а живым конкретным примером, конкретной работой. У меня по этому поводу свежие впечатления от соб-

ственного июньского участия в работе ГЭК УПИ. Ныне я в ответ на чью-то реплику, из числа институтских ее членов, о плохой защите проектов большинством студентов, заявил, что брак творит, прежде всего, сама кафедра, позволяя выпускникам делать их цельносодранными (да еще низкого, а порой и совсем негодного качества), при полном отсутствии авторской самостоятельности. Конечно же, для исправления не надо никаких реляций и систем, нужно просто работать давно известным образом.

О «магии» не говорю, а только посмеиваюсь, представляя описанную тобой картинку с Лилей, и еще раз представляя собственную с Галей.

Про аденому привожу выдержку из записей (от 16.05).

Но вообще, должен признаться, все больше и больше сдаю позиции. Каждый день ловлю себя на том, как от чего-то ранее с приятностью использованного отказался, чем-то подобного плана занимаюсь с меньшим желанием или меньшей уверенностью, у компьютера иногда просижу часа два, как дурак, ничего в него не добавляя, а только просматривая набранное.

Всех тебе благ и добрых пожеланий».

23.07

«Матус! Никак не могу воспринять твою систему спора, когда ты рассматриваешь чего-то, «выделив основную тему» вне всего контекста, сопроводив таковое еще и припиской: «остальное сейчас не обсуждаем». А ведь в этом остальном и содержится по сути ответ на все вопросы.

Кроме того, этот, почти органический, недостаток в переписке, из-за которого тебе постоянно приходится отказываться от ранее сказанного, а мне пребывать в состоянии некоего менторства, поскольку оно касается неприемлемого искажения моего. Что, например, имело место в предыдущем твоём письме, и ответ на которое ты опять оставил без реакции. Посмотри, не много ли для двух писем по этой части? Выше упомянутое в этом письме: «остальное сейчас не обсуждаем» или «остальное относится больше к морали, чем к сути» и поэтому «от комментариев остального я пока воздерживаюсь», а в предыдущем: «эту часть твоих взглядов не комментирую»; «ты ясно изложил, и вопросов у меня нет, хотя это не означает, что я разделяю твои взгляды»; «это уже другой разговор, выходящий за пределы тобою написанного»; «страница насыщена интересными для меня общефилософскими рассуждениями... (но) если я начну серьёзно её анализировать, то мой ответ затянется ещё на неделю» и т. д.

Вероятно, и у меня есть из того, на что ты хотел бы получить ответ, но ведь не в такой же откровенно и постоянно подчеркиваемой степени, как у тебя.

Ну а теперь, раз уж мне некуда деться, на тобой выделенную «основную тему», хотя она, по моему никакая не «основная». Основным в нашей писанине есть давно и для меня, и для тебя, совершенно очевидное. У меня – преждевременность, лучше сказать не доказанность «вывода о постоянстве скорости света относительно некой (мною выбранной, назначенной) абсолютной системы отсчёта». У тебя, в полном согласии, с Эйнштейном и ТО, но, на мой взгляд, не очень четко сформулированное, – утверждение о «конечности скорости света, равной одной и той же величине «с» относительно любого тела...» (с твоими все запутывающими «инерциальными системами отсчёта» и «внезависимостью от того, с какой скоростью движется тело относительно источника света». А потому вместо последнего лучше, точнее и определеннее, как у тебя в более раннем письме от 26.02.06, – утверждение о «постоянстве (и предельности!) скорости света относительно любого тела», которые, ты отмечаешь, «являются самыми сложными местами для понимания ТО Эйнштейна».

Я со своих «ограниченных» философских представлений вместо твоих «инерциальных систем отсчета» хотел бы иметь дело именно с нужной мне, в данном аспекте, некоей «абсолютной» системой отсчета, тем более, когда мы ведем речь о чем-то «конечном» у тебя и «бесконечном» у меня. И вообще, как увязываются «инерциальные системы» с абсолютно

логичной, мной отлично воспринимаемой, репликой – вопросом в твоём исходном сочинении о ТО, с которого и учинился этот непонятный мне теперь и лишенный смысла словоблудливый спор. Цитирую.

«Меня, например, смущает такая мысль: в какой системе отсчёта будут исчисляться параметры скорости, массы и др. в случае столкновения и слияния в космосе двух тел, вышедших из разных систем отсчёта?»

И ещё такой вопрос. Предположим, что из выпущенной с земли ракеты, достигшей очень большой скорости (относительно земли как системы отсчёта), пусть даже близкой к скорости света, выпущена по ходу движения другая ракета. Можно ли в этом случае первую ракету рассматривать как самостоятельную систему отсчёта, относительно которой вторая ракета может приобрести тоже скорость, близкую к скорости света? Если да, то скорость второй ракеты относительно земли окажется больше величины скорости света, что согласно ТО невозможно. Или в данном случае некорректно упоминание о земле как о месте происхождения первой ракеты? Тогда логика увязывается. Но выше моего понимания.

Если же на поставленный изначально вопрос ответ отрицательный, то, выходит, что любое тело нельзя рассматривать как самостоятельную систему отсчёта, ибо это тело тоже когда-то откуда-то произошло?».

Вот эта твоя реплика и послужила фактически основанием для моей «некой абсолютной системы отсчёта», так сказать, для взгляда со стороны наблюдателя, размещённого в пространстве, вне земли, и даже солнца. Непонятно, какие ещё тебе требуются дополнительные разъяснения? Думаю, нам пора кончать с этой старческой тавтологической перепалкой.

Р. S. Информацию о ваших военных событиях перевариваю с учетом поступающих свежих данных от СМИ».

25.07

«Матус, в дополнение к моему письму от 23.07. Написал «пора кончать», но под давлением там же отмеченной «старческой увлеченности» открыл 18 том БСЭ, посмотрел, что в нем написано об инерциальных системах, и еще раз постарался усвоить то, что ты вкладываешь в сакраментальную фразу об «инерциальной системе отсчёта».

С учетом приведенного в БСЭ, я уяснил, что в свое понимание ты вкладываешь классическую общепринятую трактовку понятия инерциальной системы отсчёта – как абстрактной системы, «поскольку (цитирую из БСЭ) в природе нет абсолютно изолированных систем» и «физическая система может рассматриваться как инерциальная лишь приближенно». И далее, что «система координат, связанная с телами на земле, не будет в такой мере инерциальной», какой, например, является «система координат, связанная с центром инерции нашей планетной системы, т. е. практически с солнцем, когда влиянием внешних воздействий на солнечную систему можно пренебречь (заметные изменения движения солнечной системы происходят за время, намного порядков превышающее длительность рассматриваемых в физике процессов)».

Именно в силу этого и получается только правильным и верным то, что ты стал (в отличие от предыдущих твоих трактовок и разных сомнений и задаваемых самому себе вопросов) декларировать в последних письмах, а стал декларировать ты фактически правильность ограниченного опыта Майкельсона – не больше. Что в инерциальной системе отсчёта, которая связана с землей, скорость света действительно постоянна. А разве я когда-либо утверждал нечто другое, и разве не той ли нормы придерживался и Ньютон в своем «механическом» диапазоне скоростей?

Что касается моей «системы отсчёта», то о ней все сказано в предыдущих моих письмах, но лишь с одним дополнением – без твоего присовокупления к ней (в последнем твоём письме) некорректного слова «единственной», которое никак не корреспондируется со словом

«некая». Моя система может быть любого масштаба, повторяю, не только солнечного, но и даже космического пространства, и чем больше, тем основательней будет высказанное мной сомнение в доказательности постоянства и предельности скорости, только с одним уточнением, – не «света», а передачи «светового импульса».

31.07

«Дорогой Марк! В конце прошлой недели получил письмо от 14.07. Ты, с озабоченностью, своими советами и цитированием Гёте: «Лишь тот достоин счастья и свободы, кто каждый день идет за них на бой!», сопровождаемого затем репликой насчет нашего «мастерства поучать других, на самих себя оборотиться бы» – бесподобен.

А ведь у меня-то фактически естественная пока, считаю, сдача позиций. За тебя же я переживаю по-настоящему. Ставлю себя на твое место и отчетливо представляю твое состояние и с глазами, и особенно с твоими «костями». Кстати, моя Галя, кажется, совсем ослепла на один глаз. Говорит, закрыв другой, что видит, только мутный свет, и якобы никаких даже очертаний предметов и меня, в том числе. Мы решили с ней ничего не предпринимать и довериться судьбе. Она в этом отношении молодец, но думаю потому, что у нее, к счастью, пока ничего не болит и ничего особенно не беспокоит.

А теперь о Глазычеве». Твой черновик письма ему понравился, очень даже понравился. Но...я, в силу нашей с тобой «одинаковости», а потому, предполагаю, почти одновременно с тобой (во всяком случае, после того как направил тебе мое предыдущее письмо, но задолго до того как получил этот на него твой ответ), также усомнился в сем адресате. И, заглянув в сайт Госдумы, установил, что я перепутал Глазычева с понравившимся мне в свое время депутатом Глазьевым Сергеем Юрьевичем. В связи с чем я меняю свой план. Сегодня посылаю Глазьеву копию известного тебе моего письма в ОП, жду его реакции и, в зависимости от последней, использую, если ты не имеешь возражений, твою заготовку письма Глазычеву. В части же ОП ограничусь пока лишь еще одним им напоминанием о недостойном по отношению ко мне их поведении.

Доброго тебе, несмотря на болячки, настроения».

01.08

«Матус, твои послания от 25 и 26.07 получил. Испытываю все же какую-то неудовлетворенность от нашей последней (второй ее половины) переписки. От этого, нами полного понимания своего и, одновременно, до омерзения тупиковой, несходимости в обратном – в понимании друг друга. Интересно, сколько бы нам потребовалось минут для разрешения данного спора, если бы мы уселись с тобой визави за один стол?

Берусь утверждать, что, взяв за основу любую из платформ (хоть мою, хоть твою), мы пришли бы к общему знаменателю, добавив в равной степени к ним для того, как говорится, пару фраз, а то и запятых – не больше. Вот было бы смеху!!!».

Р. S. Виталий со своими болячками вторую неделю лежит в больнице. В дополнение к старым его теперь еще замучил радикулит, который при сердечном стабилизаторе лечить, говорит, трудно».

03.08

Матус, в продолжение моего от 01.08 и в порядке подтверждения в нем приведенного после трех восклицательных знаков стоило бы добавить: «Например, ну хотя бы, в части нашего разночтения (разнопонимания) слов «единственный» и «абсолютный».

Мы бы с тобой открыли словарь, и увидели бы, что слово «абсолютный» имеет два значения. Первое, из которого исходил я, означает «безотносительный, взятый сам по себе, вне сравнения, не зависящий от чего-либо; противоп. относительный», а ты, судя по твоим разъ-

яснениям, видимо, исходил из второго его значения «совершенный, полный». Потому все правильно и у тебя и у меня, в том числе, и в части слова, «единственный, (единственная, единственной)». За исключением одного, сакраментального, что ведь разбирали-то мы с тобой... мои исходные утверждения, а не твои.

У меня «действительно «своя система отсчёта», к чему ты пришел и сам, подчеркнув то своей обычной для тебя фразой: «Извини, что я не сразу это понял». Но ведь понял!

Извини и меня, что я не удержался, дабы не подчеркнуть еще раз такую твою «порочную» методу: сперва все подробнейшим образом рассмотреть, раскритиковать, а потом, извинившись, заявить, что ты все у меня, наконец, понял, и вроде как, надо понимать, зря все до этого насочинял. Или я тоже чего-то не уловил, не осознал?».

В ответ на эти два примирительных письма, которыми я решил «вытащить» Матуса из неприятного для него, фактически «припертого к стенке», положения, получил радостное и благодарственное упоминание о том, как он также «давно намеревался сказать, что при личной встрече, поинтересовавшись, что каждый из нас понимает под тем или иным термином или понятием, мы давно бы поняли друг друга и не допустили возникновения противоречий». Стареем оба, но, кажется, он больше и быстрее меня, ибо почти уверен, что при такой встрече он вынужден был бы согласиться со всем моим, в силу неизмеримо большей четкости в сравнении со всем его.

04.08

Вчера, после предварительного ультразвукового обследования, побывал у первого врача Соболева. Мой перед тем оптимистический настрой на собственные силы и свою иммунную систему, похоже, не подтвердился. Данные обследования «вернули» меня почти к исходному состоянию. Естественно, при такой информации чуть не мгновенно, и на самом деле, почувствовал себя много хуже. Чему, правда, не могло не поспособствовать, кроме того, уведомление о необходимости чуть не силового (по указанию руководства диагностического центра) проведения еще одного дополнительного обследования, как я понял, на качество опухоли.

Это авансирование меня не устроило, и не устроило вдвойне в силу продиктованной сверху обязательности обследования – не по состоянию больного, признанного врачом, а по инспирированному защитительному административному приказу. Соболев мне так и сказал, в ответ на неприятие этого не очень этичного принудительного использования меня в роли подопытного кролика, что «он лично, к сожалению, вынужден тут подчиниться начальству, и потому ничего не может изменить». Через неделю надо на него идти, а я в раздумье: не подождать ли до следующего хотя бы УЗИ, постаравшись при этом вести себя более «достойно» в части приема лекарств и соблюдения прочих ограничений. И потому, уже с сего дня по совету Соболева, вновь заняться тем, от чего я, после предыдущего обнадежившего меня УЗИ, фактически отказался. А вот в части обследования, вероятно, пойду на конфронтацию.

05.08

«Уважаемый Юрий Николаевич!

Мне представляется, что вопрос становления Уралмаша, несмотря на его значимость и актуальность, носит довольно частный характер в сравнении с сегодняшними проблемами страны во всей их совокупности.

В связи с этим предлагается подготовить обращение к Президенту в плане более широкой постановки вопросов, например, взяв за основу относительно недавнее мое письмо в Общественную палату, которое прилагается ниже.

Однако прежде чем на нем остановиться хотелось бы несколько слов сказать об исходных основаниях, которыми следует руководствоваться при принятии решений, касающихся изме-

нения существующих социальных построений и их структур. А именно о таких категориях как общественное сознание и прогнозирование, ибо задача в интересующем нас аспекте, я считаю, не в том, чтобы поднять ее новую, а в том чтобы выработать более или менее общее мнение созидающей части наших людей, и всесторонне, массово и целеустремленно его поддержать перед властью имущими, создать для них нетерпимую обстановку неприятия большинством их неправильных деяний».

И далее я повторил то, что у меня написано по этому вопросу в разных местах ранее.

07.08

«Магус, дорогой! Мы с тобой стали работать чуть ли не в режиме on-line. Вот, что такое Интернет! Твои два послания от 03.08 получил.

Перехожу теперь, после жарких споров, к житейским проблемам.

Прежде всего сообщаю, что на прошлой неделе после предварительного обследования побывал у врача Соболева».

Далее я привел примерно то, что написано у меня выше, и продолжил.

«Виталий дня четыре назад из больницы выписался, и сейчас же уехал в свой сад. Говорит, что там он себя чувствует много лучше, чем дома. Конечно, относительно, поскольку в целом его состояние весьма неудовлетворительное. И «не радующие ограничения» гораздо мощнее моих.

Марк, с которым я поддерживаю переписку (более редкую, чем с тобой, поскольку только я ему посылаю свои послания в электронном виде, а он мне обычной почтой), также пребывает в борьбе с хворями. Недавно оперировал один глаз, а теперь надо то же самое делать со вторым, но не может, т. к. глаз, пишет, стал слезиться и гноиться, и он никак не может от того избавиться. Но более всего стали у него нестерпимо болеть чуть не все кости.

Лен, с которым я познакомился, сдал совсем, даже не подходит к телефону, и я передаю теперь ему приветы только через Марину. «Планомерно сдает» и моя Галя. Ограничения в движении, слезы, жалобы. Удовольствия на чисто потребительском уровне: от принесенной мною конфетки, тортика, от чего другого аналогичного. А ведь и это радует!

А сколько уже ушедших в мир иной знакомых. Жуть. Недавно скончался Леня Виноградов.

Многие люди ведут совсем, по моим понятиям, прозябательное существование. Вроде Димы Балабанова, который теперь безвылазно сидит дома. И вообще, с кем не заговори, о ком не вспомни еще из живущих, больны либо сами, либо их жены или мужья, либо оба вместе.

Исключение – Борис Сомов. С ним иногда встречаемся и даже попиваем водочку или его самогон. Вот он ведет, на удивление, достойную человека жизнь. Вечно в движении; масса приятелей, причем много молодых, из поколения наших детей; каждый год он куда-нибудь ездит или летает. Впрочем, лучше я приведу тебе ниже выдержку из моих записей от 15.02.05.

Про вашу жизнь появились кое-какие мысли, но о них в следующий раз, как только они полностью оформятся в моей голове».

Не успел я закончить о Сомове, как он (такое совпадение!) звонит мне и приглашает к себе, поскольку Галка его куда-то уехала.

В 10 часов я был у него, и мы проговорили с ним весь день. Я, естественно, под впечатлением отмеченного «совпадения» вручил отпечатанную мною запись о его персоне, за которую получил благодарность.

У нас с ним, на удивление, благостное единомыслие чуть не по всем вопросам, исключая Сталина. О нем он, в порыве человеческой однобокости, всегда упоминает не иначе, как о «параноике». Из всех доводов противоположного и более объективного толка, он прореаги-

ровал, скорее прислушался, по причине другой человеческой слабости, лишь к одной байке о Завенягине.

Как у того во время пребывания на Магнитогорском комбинате стали арестовывать людей, и он, дабы спасти их и себя, выехал без согласования и соответствующего разрешения в Москву. Там позвонил Сталину и договорился о встрече. Рассказал ему об обстановке на Комбинате и, высказав при этом сомнение в своих силах, попросил поручить ему любое другое дело. А на следующий день получил от Сталина назначение ехать строить Норильский комбинат. «Достойная» для меня реакция Сомова на этот рассказ проистекла оттого, что в свое время по работе в Глазове он случайно столкнулся с неким Зверевым. Тот, являясь тогда (при аудиенции Сомова) Главным инженером главка в Средмаше, весьма авторитетно поддержал позицию Сомова по горизонтальному прессу, предлагаемому им к установке на одном из глазовских заводов, и тем произвел на Сомова сильное впечатление. Последнее было подкреплено еще и частным с ним разговором, при котором Зверев рассказал Сомову одну историю о себе и своей причастности к Норильскому комбинату.

Он тогда с командой, наделенной ревизорскими полномочиями, приехал на комбинат, и написал по нему кучу замечаний. Однако случилось так, что в день, когда Зверев собрался положить их на стол Завенягина, тот был, с повышением, отозван в Москву на пост... заместителя Берия. Прощаясь со Зверевым (после прочтения его ревизорской реляции), Завенягин, теперь уже со своих начальнических позиций, якобы сказал: «Ты сделал много справедливых и достойных внимания замечаний, так вот теперь оставайся за меня, и все сам исправляй...».

Как было тут Сомову не проглотить ненавистное имя, при такой-то сопричастности к столь неординарной личности, каковым представился ему Зверев – ставленник Завенягина, и, конечно же... не без ведома Сталина? Между прочим, не могу опять не отметить эту еще одну, из массы других, конкретность, где Сталин и многие из его окружения представляются нам, отнюдь не «параноиками», а истинно великими и нестандартными руководителями.

И какая же избирательность в нашей официальной прессе! Открываю БСЭ, и не нахожу там ни Норильского комбината, ни Завенягина, ни, тем более, Зверева. А ведь Норильский комбинат – одна, из многих, героических эпопей в истории советского государства!

11.08

Сегодня отправился к Соболеву узнать данные последнего анализа на биохимический состав крови, о которых мне ничего не было сказано в прошлую с ним встречу. Анализ оказался вполне удовлетворительным. Меня это обрадовало. Воспользовавшись благоприятным случаем, попросил его вновь не делать мне назначенное им ранее обследование на биопсию... и совсем неожиданно получил на то согласие. Ушел от него вовсе в приподнятом настроении, а ведь последнее – штука наиважнейшая в поддержании не только духа, но и тела.

12.08

«Дорогой Матус, чтобы установить наличие аденомы не надо чего-то там срезать. Срезают для того, чтоб узнать качество опухоли. Отлично, что ты «уверен в положительном результате» обследования. А если отрицательный, каково бы тогда было больному? Себя что-то не хочу ставить на его место: ведь математическая вероятность мне неуютного результата всего один к одному. И почему ты исключаяешь, что у мнительного больного не могут преобразоваться обычные клетки в раковые при одном только напоминании о назначении ему подобной операции? А уж перейти в настоящую раковую опухоль они могут и у вполне нормальных людей, стоит им лишь объявить о наличии у них этих «негодных» клеток. О том, как это происходит, и что значит в жизни человека самовнушение и соответствующий психологический настрой, хорошо написал Солоухин в связи, думаю, с открытием тогда в Москве мощного онкологического центра. Я же со своей стороны считаю, что потенциально носящих в себе раковые

клетки раз в 10 больше, чем больных раком. А не болеют они им только потому, что не были подвергнуты обследованию, и о раке не ведали и не думали. Должный иммунитет – есть прямое следствие доброго психологического настроения, уверенности в собственных силах, а отсюда надлежащей подготовленности армии защитников организма. Противоположное, наоборот, – есть часто следствие наших сомнений, нашей мнительности.

Кстати, при очередной встрече с доктором моя просьба об исключении названного обследования была воспринята и, как мне показалось, с полным пониманием».

20.08

«Дорогой Матус! В продолжение предыдущего.

Кондратов подготовил вариант письма Путину по вопросу становления Уралмаша, в котором пространно написал, что из себя представлял Уралмаш ранее, и что он сделал до войны, во время нее и после, а затем весьма нелогично, без соответствующего перехода, и совсем кратко резюмировал, что надо:

первое, – определить (не знаю как) собственника завода, при контрольном государственном пакете акций;

второе, – передать (не известно, каким образом) заводу все, что было до сего времени из его имущества распродано;

третье, – назначить (не известно кем) генерального директора;

четвертое, – разработать программу становления завода и возврата еще дополнительно ему кое-что из прежнего имущества (надо понимать из того, видимо, что не будет, по каким-то причинам, передано по упомянутому выше второму пункту).

Я не стал критиковать его трактат, а написал ему (в виде своих соображений) приведенное ниже.

«Мне представляется, что вопрос становления Уралмаша, несмотря на его значимость и актуальность, носит довольно частный характер в сравнении с сегодняшними проблемами страны во всей их совокупности.

В связи с этим предлагается подготовить обращение к Президенту в плане более широкой постановки вопросов, например, взяв за основу мое относительно недавнее письмо в Общественную палату, которое прилагаю».

А теперь о ваших последних коллизиях.

Мы их обсудили с Борисом Сомовым, и пришли к двум выводам.

По первому, в части теперешних военных операций, мы согласились примерно с тем, о чем я тебе писал еще в письме от 06.03.02 в связи с палестинскими событиями.

Так вот сейчас с вашими полумерами (которые демонстрируются СМИ в виде удручающих ничем не оправданных гигантских разрушений, гибели и лишений массы ни в чем не повинных людей) вы, в стратегическом плане получили лишь еще большую, кажется, ненависть к вашему государству.

По второму, мы совершенно для меня неожиданно задали одновременно себе вопрос о целесообразности организации вашего государства и признали этот акт ошибочным и противоестественным для евреев.

Вы исторически давно ассимилировались со всем миром и приспособились жить в этом мире вполне, я считаю, прилично (достаточно упомянуть о том, что получили евреи в результате теперешнего нашего возврата к капитализму и кто у нас ныне в стране стал самым богатым?). И если эта ваша предприимчивость, хотя и с естественным озлоблением, но как-то без заметных эксцессов, проглатывается другими людьми в усредненной их массе, то в рамках отдельно взятого целого государства одержимые тем же менталитетом предприимчивости и желанием жить «красиво» неизбежно вызывают среди внешнего окружения, да еще бедного и не способного вовсе к самостоятельной организации для себя названной «красивости», самую

настоящую ненависть, от которой, как я тебе писал, и проистекает террор. Трудно предвидеть благополучие в будущем. Ведь сегодня вы воевали при прямой американской помощи. А что будет, если она будет исключена? И сие весьма и весьма вероятно, ибо сама Америка – тот же островок в мире, объективно и не без оснований, недовольных ее особым положением. Дай Бог, чтобы мы оказались не правы в данной оценке. Бывай здоров. Всем привет».

21.08

Кондратов вместе с проектом послания Путину прислал, непонятно в связи с чем, интервью академика ОРФО Татаркина газете «Уральский рабочий». Посмотрел и накатал свое впечатление о нем.

«Уважаемый Александр Иванович! Не могу не откликнуться на ваше интервью редакции «Уральского рабочего», подготовленное Глазковым.

Я прочитал дважды: сначала бегло, схватив только форму и полемический его характер, и потому с восхищением; затем повторно, более внимательно, с должным анализом, на котором хотел бы остановиться и высказать кое-какие свои соображения.

Прежде всего, мне понравилось ваше вступление, где вы, представившись «не только как экономист, но и как юрист и еще немного психолог», на вопрос «когда мы будем богатыми?», с сакральной убежденностью ответили: «никогда». Оно напомнило мне столь же превосходное вступление известного английского физика Г. Бонди к книжке «Гипотезы и мифы в физической теории», в котором он уважительно отмечал, что «если читатель обнаружит в его высказываниях не слишком глубокую философию, то нужно помнить, что автор совсем не философ, а физик, а если что не понравится из сказанного им о физике, то вроде как можно учесть, что он к тому же числится еще и по кафедре математики», а далее утверждал, что в науке нет ничего абсолютного и что чуть ли не каждое утверждение вызывает у нас желание его уточнить, дополнить, а то и представить совсем обратное. «Известны из истории попытки добратся до «окончательных», последних уравнений, абсолютно исчерпывающих формулировок, теорий, охватывающих все. Однако, – пишет Бонди, – такая тенденция к поискам глубины кажется крайне рискованной, и не потому ли на этом пути не было получено пока никаких результатов?». И это про науку, а что тогда можно сказать о социальных проблемах?

Так вот примерно с таких позиций я подхожу к Вашему интервью.

Вы говорите о некоей кризисной ситуации в связи с «оптимизацией высших эшелонов власти, которая находится в поисках методов управления страной» (я цитирую так, как написано, полагая, что этот глазковский материал до его печати был Вами просмотрен и отредактирован). О каких «методах» можно говорить, если у власти нет никакой идеологии и непонятно, какое государство мы строим? Ведь вся, идеология была построена на спонтанной организации «системы» неизвестного еще миру рваческого обогащения «активной» части наших людей, взращенных в недрах прежней соцсистемы, и столь же неожиданного, в противовес «бездуховности», обращения к церкви. Дать «инициативным» людям возможность безнаказанно воровать и при этом прикрыть воровство, и все с ним связанное церковно-ханжескими проповедями – преступный, но самый простой и легкий способ удержаться у власти в период кризисной ситуации. Я согласен с Ю. Семигиным, который утверждает, что сегодня наше «правительство управляет виртуальной Россией, созданной бюрократическим воображением и усредненной статистическими расчетами» (см. «Уральский рабочий» за 19.08.06 года). Я бы только уточнил – «сознательно созданной» властью, и потому вдвойне не думающей пока ни о каких «методах», ни о каком созидании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.